

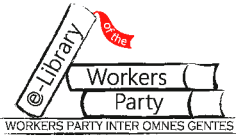
**СОВРЕМЕННЫЕ
БУРЖУАЗНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ТЕОРИИ:
КРИТИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ**

Г. А. ШПИЛЬКО

**ТЕОРИИ И МЕТОДЫ
РЕГУЛИРОВАНИЯ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИКИ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЫСЛЬ»**

WORKERS PARTY INTER OMNES GENTES

СОВРЕМЕННЫЕ
БУРЖУАЗНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ТЕОРИИ:
КРИТИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ

МОСКВА
1975

Г. А. ШПИЛЬКО

ТЕОРИИ И МЕТОДЫ
РЕГУЛИРОВАНИЯ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЫСЛЬ»

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ш $\frac{10702-035}{004(01)-75}$ 146-75

© Издательство «Мысль». 1975

Углубление общего кризиса капитализма, обострение всех экономических и классовых противоречий капиталистического общества привело к тому, что государственно-монополистическое регулирование экономики стало необходимым условием функционирования современной капиталистической системы хозяйства. Проблема государственно-монополистического регулирования находится в центре внимания современной буржуазной политической экономии, призванной разрабатывать инструментарий этого регулирования, выполняя социальный заказ правящих классов. Развитие государственно-монополистического капитализма и появление новых форм вмешательства буржуазного государства в экономику обусловлено интенсивными процессами концентрации и обобществления производства, усилением монополистического капитала, растущим влиянием мировой социалистической системы.

Расширение масштабов государственного регулирования и развитие экономического программирования является одной из форм приспособления капитализма к новым условиям, характерным для периода углубления его общего кризиса. К. Маркс в Предисловии к «Капиталу» писал, что буржуазное «общество не твердый кристалл, а организм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения»¹. Существует глубокая связь эволюции буржуазных взглядов и учений с неразрешимыми в рамках капитализма проблемами, возникшими в результате глубокого обост-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 11.

рения противоречий и острых конфликтов между гигантским развитием производительных сил, высокой концентрацией и обобществлением производства и антагонистическими капиталистическими производственными отношениями.

«Особенности современного капитализма в значительной мере, — отмечал в Отчетном докладе на XXIV съезде КПСС Л. И. Брежнев, — объясняются тем, что он приспособляется к новой обстановке в мире. В условиях противоборства с социализмом господствующие круги стран капитала как никогда боятся перерастания классовой борьбы в массовое революционное движение»¹. Государственное регулирование экономики монополии стремятся использовать в качестве инструмента укрепления своих позиций для борьбы с социалистической системой, для усиления эксплуатации трудящихся, прибегая к замаскированным формам ее и идя на частичные реформы, чтобы удерживать по возможности массы под своим идейным и политическим контролем.

В условиях высокой концентрации и централизации капиталистического производства, когда господство монополий углубляет старые и порождает новые противоречия, в экономической системе капитализма происходят такие изменения, что активное вмешательство государства в механизм воспроизводства становится неизбежным, а регулирующее воздействие рыночного механизма претерпевает серьезные изменения. Растущая концентрация монополистического капитала не ликвидирует конкуренцию, а еще сильнее обостряет ее. Новой формой современных монополистических объединений становятся конгломераты. Концентрация производства выходит за отраслевые и региональные границы. Монополии стремятся интенсивно использовать достижения научно-технического прогресса и расширяющиеся функции буржуазного государства для укрепления своих позиций и получения в кратчайшие сроки максимальных прибылей. Сам характер и масштаб современной монополии обуславливает необходимость усиления регулирования и развития программирования.

Основные особенности современного регулирования капиталистической экономики сводятся к следующему:

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 14—15.

— значительно возросли масштабы государственно-монополистического регулирования. Оно оказывает воздействие на процесс производства, темпы роста и структурные сдвиги в экономике, соотношение между накоплением и потреблением, развитие инфраструктуры и т. п.;

— государственно-монополистическое регулирование экономики в настоящее время носит не эпизодический, эмпирический характер, как это имело место в годы экономического кризиса 1929—1933 гг. Теперь оно проводится в соответствии с буржуазными теориями регулирования, специальными экономическими доктринами;

— государственно-монополистическое регулирование не ограничивается антикризисным регулированием. Оно включает систему мер долгосрочного программирования и прогнозирования с целью определить тенденции развития экономики на предстоящий период для соответствующей ориентации государственной экономической политики;

— в большинстве капиталистических стран, особенно тех, где высок удельный вес национализированного сектора, созданы специальные органы регулирования и программирования;

— в качестве основных методов государственного воздействия на экономику используются бюджетно-налоговые и кредитно-денежные средства, в структуре которых происходят заметные изменения.

Современное капиталистическое государство оказывает разностороннее воздействие на процесс воспроизводства, контролируя от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{3}$ инвестиций, распоряжаясь более чем $\frac{1}{3}$ национального дохода. Подавляющая часть государственной собственности в промышленности капиталистических стран приходится на наиболее капиталоемкие отрасли с большим сроком оборачиваемости капитала (добывающая, энергетическая промышленность, железнодорожный транспорт и т. п.). Капитал обрабатывающей промышленности, за исключением лишь отдельных предприятий в автомобильной, авиационной и химической отраслях промышленности, находится почти полностью в руках частномонополистического сектора.

Система мер государственного регулирования капиталистической экономики направлена, с одной стороны, на решение конъюнктурных антициклических проблем,

а с другой — на осуществление структурных сдвигов в экономике и обеспечение устойчивых темпов роста, которые могли бы дать капитализму возможность выдержать экономическое соревнование с мировой социалистической системой хозяйства. Преследуя цель сохранения и упрочения капиталистического способа производства, современное капиталистическое государство выступает как могущественная сила мобилизации капитала. Оно принимает на себя ряд новых функций, которые влияют на процесс воспроизводства, что, однако, свидетельствует не о трансформации капитализма, как утверждают его апологеты, а об обострении его противоречий, о назревшей необходимости его глубокой социальной ломки. Говоря о причинах несостоятельности надежд лидеров капиталистического мира на научно-техническую революцию и дальнейшее развитие государственно-монополистического регулирования, академик Н. Н. Иноземцев пишет: «...само развитие государственно-монополистических тенденций, усиление экономической роли буржуазного государства, приводя к относительному сужению сферы функционирования частнокапиталистического хозяйственного механизма, имеет свои пределы, ибо, увеличивая масштабы обобществления труда, оно объективно ставит под удар сам принцип частной собственности, священный для капитализма»¹.

Несмотря на возросшие масштабы государственно-монополистического регулирования, развитие современной капиталистической экономики характеризуется неравномерностью и диспропорциональностью, усилением конкурентной борьбы между монополиями, между мелким и средним производством, между трудом и капиталом, между интересами монополистической буржуазии и интересами нации в целом.

Развитие научно-технического прогресса привело к еще большему обострению основного противоречия капитализма, поскольку рамки капиталистической частной собственности становятся все более узкими для возросших производительных сил. Монополистический капитал использует технический прогресс прежде всего как инструмент усиления эксплуатации трудящихся масс, как средство максимизации прибылей и реализации сво-

¹ «Правда», 20 августа 1974 г.

их экспансионистских целей. Современный капиталистический мир свидетельствует о том, что научно-технический прогресс без социального прогресса ведет в тупик, порождает усиление социальных конфликтов и наносит ущерб окружающей среде.

Обострение социальных антагонизмов привело к тому, что капиталистическое государство вынуждено уделять больше внимания проблемам образования, мероприятиям по борьбе с крайними формами бедности, реконструкции городов, переподготовке рабочей силы и т. д. Частичные реформы, не затрагивающие основ капиталистического господства, сопровождаются многочисленными идеологическими диверсиями против рабочего класса, проповедью демагогических теорий «социальной гармонии», интеграции рабочих в систему неокapитализма, чтобы по возможности удерживать массы под своим идейным и политическим контролем, побудить пролетариат отказаться от классовой борьбы с капитализмом.

В период острой идеологической борьбы двух систем, когда буржуазия пытается выработать более гибкую и эффективную с ее точки зрения стратегию борьбы против коммунизма, марксистский анализ сущности государственно-монополистического регулирования и программирования, его теоретических и методологических основ, разрабатываемых современной буржуазной экономической наукой, приобретает исключительную актуальность.

Проблемам государственно-монополистического капитализма, и регулирования в частности, посвящены серьезные исследования последних лет¹. Марксистскому анализу и критике категорий, концепций и главных направлений современной буржуазной политической

¹ См. «Политическая экономия современного монополистического капитализма», в 2-х томах. М., 1975; «Буржуазные экономические теории и экономическая политика империалистических стран». М., 1971; С. А. Даллин. США: послевоенный государственно-монополистический капитализм. М., 1972; Н. Н. Иноземцев. Современный капитализм: новые явления и противоречия. М., 1972; Л. Б. Альтер. Критика современных буржуазных экономических теорий. М., 1972; «Государственно-монополистический капитализм». М., 1973; С. П. Новоселов. Основное противоречие капитализма и современность. М., 1974; В. М. Шамберг. США: проблемы и противоречия государственно-монополистического регулирования экономического роста. М., 1974 и др.

экономии в области регулирования современной капиталистической экономики посвящены и ранее опубликованные в данной серии монографии¹.

В данной работе предпринята попытка обобщить, проанализировать современный материал о важнейших направлениях в практике государственно-монополистического регулирования и программирования экономики развитых капиталистических стран и дать критический анализ буржуазных теорий, лежащих в основе этой практики. Конечно, работа не охватывает всех аспектов теории и практики регулирования капиталистической экономики. Основное внимание в ней акцентируется на анализе и критике буржуазных концепций регулирования и программирования, теоретических позиций буржуазных экономистов по проблемам инвестиционных процессов, технического прогресса и внешнеэкономических связей как важнейших факторов экономического роста.

Выбор этих аспектов теории и практики государственно-монополистического регулирования объясняется стремлением сосредоточить внимание на обосновании в современных макроэкономических теориях политики долгосрочного регулирования, направленной на увеличение экономического потенциала и эффективности роста главных капиталистических стран.

В условиях современной научно-технической революции капиталистические государства пытаются проводить так называемую структурную политику с целью смягчения диспропорций в хозяйстве и укрепления слабых его секторов, ускорения процессов обновления и модернизации основного капитала, поддержания темпов экономического роста и обеспечения конкурентоспособности на внешних рынках.

Исследование форм и методов сложной и расчлененной системы государственного воздействия на экономику в условиях современного капитализма необходимо для определения научно обоснованной линии в экономическом соревновании двух систем, а также стратегии и тактики международного рабочего и коммунистического движения.

¹ См. *М. Н. Рындина*. Методология буржуазной политической экономии. М., 1969; *А. И. Бурачас*. Теории спроса. М., 1970; *С. М. Никитин*. Теории стоимости и их эволюция. М., 1970; *И. М. Осадчая*. Современное кейнсианство. М., 1971; *К. Б. Козлова*, *Р. М. Энгов*. Теория цены. М., 1972 и др.

В первых двух главах данной работы рассматриваются проблемы государственно-монополистического регулирования экономики на современном этапе, характеризуется сущность и методология экономического программирования в капиталистических странах, дается критика буржуазных концепций регулирования и программирования.

Обоснование объема, структуры и динамики инвестиций составляет одну из главных проблем программирования и моделирования экономического развития. Буржуазным концепциям инвестиционных процессов как одного из решающих параметров регулирования и программирования посвящена третья глава работы.

Анализ важнейших аспектов научно-технического прогресса в связи с инвестиционными процессами, представленный в современных буржуазных теориях и практике экономического программирования, которому посвящена четвертая глава, является актуальной задачей с точки зрения выявления его социально-экономических последствий в условиях капитализма. Вместе с тем представляет интерес рассмотрение основных методологических вопросов, связанных с определением понятия «технический прогресс», показателями его измерения, классификацией типов технического прогресса, методов его стимулирования и т. д., поскольку современный научно-технический прогресс — один из решающих факторов экономического роста и структурных сдвигов в экономике — стоит со всей остротой в повестке дня борьбы между социализмом и капитализмом. Развитие научно-технической революции и обусловленный ею рост степени обобществления производительных сил ведет к углублению разрыва между необходимостью общественного регулирования и ограниченными возможностями осуществлять это регулирование и программирование в рамках государственно-монополистического капитализма.

Важной сферой программирования и регулирования капиталистического государства является его внешнеэкономическая деятельность. Анализ взаимосвязи внешнеэкономических факторов и экономического роста находит отражение в концепциях буржуазных теоретиков. Рост внешней торговли на базе интенсивного процесса углубления труда в условиях современной научно-технической революции, требующей все большей спе-

циализации не только в национальных рамках, но и в международном масштабе, неразрывно связан со структурными сдвигами в экономике капиталистических стран (развитие химии, электроники и других отраслей промышленности — носителей технического прогресса, изменения в потребительском спросе населения и т. д.). Проблема программирования и регулирования внешнеэкономических связей заслуживает серьезного внимания в свете соревнования двух мировых систем. Ей посвящена последняя глава работы.

В настоящее время большинство капиталистических стран переживают серьезные экономические трудности. Терпят крах концепции буржуазных экономистов, считающих, что с помощью государственно-монополистического регулирования и программирования можно будто бы восполнить недостатки рыночного механизма и предотвратить сокращение производства, рост безработицы, недогрузки производственного аппарата.

Теоретические концепции буржуазных экономистов, согласно которым современный капитализм превратился в государство или общество «всеобщего благоденствия», пытаются затушевать противоречия капитализма и жестокий гнет монополий. «Защитники буржуазного строя именуют его *«государством всеобщего благоденствия»*, — отмечается в Программе КПСС. — Они сеют иллюзии, будто капиталистическое государство противостоит монополиям и может добиться социальной гармонии и всеобщего благоденствия. Однако народные массы на своем собственном опыте убеждаются, что буржуазное государство — послушное орудие монополий, а воспеваемое «благоденствие» — это благоденствие для магнатов финансового капитала и муки, страдания для сотен миллионов людей труда»¹.

Рабочий класс и все прогрессивные силы капиталистических стран ведут решительную борьбу против антинародной экономической политики правящих кругов, против всей системы государственно-монополистического капитализма. В ходе этой борьбы выдвигаются демократические альтернативные программы, противопоставляемые действиям монополий и наиболее правых сил в лагере буржуазии.

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1974, стр. 52.

1. БУРЖУАЗНЫЕ ЭКОНОМИСТЫ
О РОЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ

Представители буржуазной экономической науки пытаются обосновать теоретическую базу для регулирования и программирования, найти ответы на конкретные проблемы экономической действительности, встающие в связи с обострением противоречий капиталистического процесса производства, с целью укрепления основ капитализма.

Нетрудно проследить связь между развитием капитализма на различных этапах его общего кризиса, государственной хозяйственной политикой капиталистических стран и буржуазной экономической мыслью, между обострением противоречий капитализма и появлением новых экономических доктрин буржуазных идеологов. Проблемы государственного регулирования экономики, давно ставшие объектом их пристального внимания, претерпели значительную эволюцию.

Ход исторического развития капитализма, обострение всех его противоречий опровергли догму буржуазных экономистов об автоматическом восстановлении экономического равновесия, заставили их изменить представление о механизме функционирования экономической системы капитализма и заняться поисками «синтеза» эффективного государственного регулирования со «свободным» капиталистическим предпринимательством.

Еще в 30-х годах XX в. один из видных буржуазных экономистов, Й. Шумпетер, в своей книге «Капитализм, социализм и демократия» заявил, что развитие капита-

лизма на основе неограниченной свободы конкуренции в духе Хайека и Мизеса представляет собой миф, что эффективное функционирование экономической системы, в которой центральные органы контролируют средства производства и сам процесс производства, вполне возможно. Именно в тот период, когда капиталистический мир был потрясен разрушительным кризисом 1929—1933 гг., начала разрабатываться в буржуазной экономической науке общая система категорий, которая может быть применена к экономической политике или регулированию в целом. Выражением нового подхода буржуазной политэкономии к анализу капиталистического процесса производства явилось кейнсианство. Оно означало отказ от традиционного представления об автоматическом саморегулировании капиталистической экономики, признание того, что капитализм не способен стихийно обеспечить полное и рациональное использование ресурсов, что исчезла гибкость и подвижность цен вследствие господства монополий в экономике. В условиях государственно-монополистического капитализма кейнсианство было призвано внушить иллюзии о возможностях полного преодоления противоречий капитализма с помощью буржуазного государства.

Кейнс, безусловно, оказал большое влияние на развитие буржуазной экономической науки, и в частности теории и практики государственно-монополистического регулирования, которое рассматривал как единственное средство преодоления кризисов и обеспечения полной занятости производственных ресурсов капиталистической экономики. Он привлек внимание буржуазной политэкономии к макроэкономическому подходу, к анализу крупных синтетических показателей — национального дохода, потребления и накопления — к проблеме образования «эффективного спроса» как условия реализации и т. д. Кейнс по существу признал, что безработица является следствием не чрезмерно высокого уровня заработной платы, а общих условий воспроизводства, результатом обострения противоречий между производством и потреблением. Однако классовая ограниченность буржуазного мировоззрения Кейнса привела к тому, что, признав некоторые реальные противоречия капиталистического способа производства, он объясняет их, прибегая к психологическим категориям, склонностью к потреблению, побуждением к инвестированию и т. п.,

закрывая таким образом путь к познанию действительных, объективных закономерностей экономического развития общества. Буржуазные идеологи пытаются иногда сравнивать экономические системы Маркса и Кейнса, абстрагируясь от того, что между ними существует принципиальная и непримиримая противоположность. В то время как К. Маркс исходил из того, что противоречия капитализма носят антагонистический характер, не могут быть преодолены в рамках капитализма и ведут к неизбежной его гибели, Кейнс объяснял противоречия капиталистического способа производства, и в частности недостаток «эффективного спроса», психологическими закономерностями и считал, что эти противоречия могут быть преодолены с помощью различных мер регулирования, используемых буржуазным государством. Диаметально противоположны классовые позиции марксистской экономической теории трудовой стоимости, раскрывшей природу капиталистической эксплуатации, и кейнсианства, основанного на постулатах вульгарной политической экономии, маржиналистской теории предельной полезности, призванной изыскать средства укрепления капитализма с помощью мероприятий, не посягающих на частную собственность и господство монополий.

Кейнсианство, сложившееся как направление в буржуазной политической экономии в 30-х годах, в послевоенный период претерпело некоторую эволюцию. При этом ряд буржуазных экономистов признает ограниченность и малую эффективность теории и методологии Кейнса. Так, известный американский экономист Б. Селигмен пишет: «Дело попросту в том, что экономическая теория Кейнса не сумела подняться до уровня подлинной политической экономии... Она включает в себя слишком много технических «инженерных» элементов и не исследует стоящие за ними социальные причины экономических трений (*tension*). Вся система настолько «нейтральна», что может служить удобным теоретическим оправданием (в особенности в отношении общественного контроля над инвестициями) тоталитарной политики, имеющей целью сохранить статус-кво с помощью государственных мероприятий»¹. Американский философ,

¹ Б. Селигмен. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968, стр. 505.

автор книги «Экономические функции», П. Кроссер приходит к заключению, что «внутренняя противоречивость, несовместимость представлений Кейнса проистекают от применяемых им субъективистских двусмысленностей»¹. И далее, отмечая неясность и неосуществимость так называемого мультипликатора, Кроссер пишет: «Полагая, что сложение пожеланий и мечтаний может дать ключ к правильному социальному и экономическому пониманию проблем производства и занятости, Кейнс уготовил самому себе уничтожающий обвинительный акт в совершенной теоретической бесполезности, если не в банкротстве»².

Английский экономист Шонфилд, отдавая должное Кейнсу и считая, что «контроль над деловым циклом, которому по существу посвящена работа Кейнса, был решающим фактором в развитии послевоенного капитализма», в то же время отмечает тот факт, что Кейнс удивительно не интересовался процессами экономического роста. Кроме того, отмечает Шонфилд, имеется «элемент парадокса в том факте, что две нации, которые раньше других и в большей мере были готовы применить кейнсианские рекомендации, — США и Англии — имели наименьшие успехи среди западноевропейских стран в управлении их экономикой после второй мировой войны»³.

В послевоенный период буржуазные экономисты, не отказываясь от основных положений Кейнса, несколько их модифицируют, приспособлявая к новым условиям, характерным для периода углубления общего кризиса капитализма. Эти два основных направления — неокейнсианское и неоклассическое — прослеживаются и в современной трактовке буржуазными экономистами проблемы государственно-монополистического регулирования. Неокейнсианство акцентирует внимание на регулирующей роли государства, имея в основе своих программ экономического роста стимулирование накопления и расширение эффективного спроса методами налоговой и кредитной политики, амортизационных льгот, расширения государственных расходов и т. д.

¹ *Paul K. Crosser. Economic Fictions. A critique of subjectivist Economic Theory* Philosophic Library. New York, 1957, p. 293.

² *Ibid.*, p. 294.

³ *A. Shonfild. Modern Capitalism*. New York, 1963, p. 64.

В отличие от неокейнсианства сторонники неоклассических концепций уповают на автоматическое саморегулирование системы современной капиталистической экономики. Они исходят из представлений о не существующей в условиях монополистического капитализма «чистой конкуренции», на основе которой якобы осуществляется уравнение оплаты факторов производства с их так называемыми предельными продуктами. В неоклассических теориях акцентируется внимание на поддержании общеэкономических условий для сбалансированного роста: равновесии бюджета, развитии инфраструктуры, «улучшении капитала», стимулировании научных исследований и технического прогресса, инвестиций в человека и т. д.¹

Иллюстрацией к этим двум направлениям в трактовке проблем регулирования могут служить определяемые буржуазными экономистами как неокolleктивистское и неолиберальное направления в экономической политике².

Обычно неокolleктивистское направление связывают с Францией, а неолиберальное — с ФРГ. Однако их нельзя строго разграничивать исходя из национальных границ, так как наблюдаются важные изменения официальной точки зрения в обеих странах в недавние годы, которые сокращают различия между указанными направлениями. Англия занимает компромиссную позицию между двумя этими странами и позициями.

Представители первого направления (особенно сильно это выражено во Франции) считают, что технический прогресс разрушил рыночный механизм и его необходимо заменить государственным руководством. Задача финансирования исследований фирм, конкурирующих друг с другом, должна быть решена через монополистические объединения или государство. Масштабы монополизации многих отраслей так значительны, что анти-трестовская политика не может быть успешной. Поэтому решение усматривается в определенной форме централизованного контроля над такими отраслями, для то-

¹ А. Милейковский. О современном этапе кризиса буржуазной политэкономии. — «Мировая экономика и международные отношения», 1972, № 12; 1973, № 1.

² G. Denton, M. Forsyth, M. M. MacLennan. Economic Planning and Policies in Britain, France and Germany. London, 1968, p. 22.

го чтобы политика этих отраслей соответствовала общему направлению экономической политики страны. По их мнению, рыночный механизм не может предупредить чрезмерную концентрацию промышленности в определенных районах и неравномерность их развития, рост цен и т. д.

Представители второго направления считают, что, несмотря на все новые проблемы, действия отдельных производителей и потребителей лучше всего координируются рыночным механизмом. Поэтому главная цель экономической политики государства, а также центральный пункт, вокруг которого должна концентрироваться его социальная политика, — это сохранение и стимулирование рыночного механизма. В связи с этим основные направления экономической политики неолибералы видят в обеспечении стабильности цен путем осуществления соответствующей денежной политики; предотвращении чрезмерной концентрации экономической мощи посредством антитрестовской политики и поощрения мелких и средних фирм; государственном субсидировании, которое должно быть временным и дегрессивным. В конце 40-х — начале 60-х годов неолиберализм получил широкое распространение в ФРГ как социально-экономическая концепция, как пропагандистский комплекс и как экономическая политика в период восстановления и укрепления позиций монополистического капитала в Западной Германии. Выступая против военного государственно-монополистического регулирования и демагогически апеллируя к мелкой и средней буржуазии, фактически неолибералы не собирались вообще отрицать экономическую и социальную роль государства в экономике. Они отводили ему роль «первой официальной силы свободного рыночного хозяйства», которая должна вмешиваться в экономические процессы «столь мало, насколько это возможно, и столь много, насколько это необходимо» для внесения «социальной справедливости» в свободную игру сил на рынке.

На первом этапе послевоенного восстановления и развития западногерманской экономики, в период хозяйственного подъема не было особой необходимости в государственно-монополистическом регулировании рынка и неолиберальная доктрина находила признание. Однако ухудшение конъюнктуры, обострение структурных проблем в условиях современной научно-технической ре-

волюции вызвали расширение масштабов государственно-монополистического регулирования. Отход правящих кругов от неолиберальных концепций и переход на позиции неокейнсианского «глобального регулирования» в конце 60-х годов поставили в повестку дня необходимость осуществления программирования в масштабах всей страны.

Различие между двумя указанными направлениями кажутся фундаментальными, но в действительной экономической политике они не столь значительны, что подтверждает экономическая политика Франции, ФРГ, Англии и других капиталистических стран в 60-х годах. Классово-социальная сущность этих направлений одна и та же — укреплять позиции капитализма, изыскивать средства и методы более эффективного функционирования экономики в интересах частного капитала.

С этой целью буржуазные экономисты эволюционируют и в теории, пытаясь обосновать целесообразность использования для государственно-монополистического регулирования рекомендации неокейнсианских и неоклассических концепций, интегрировать их в виде «неоклассического синтеза», получившего развитие в недавние годы. Следуя далее в этом направлении, известный американский экономист Самуэльсон, сторонник применения неоклассиков и неокейнсианцев, теперь выступает с предложениями о сочетании неоклассического синтеза с институционально-социальным направлением. Представитель последнего Дж. Гэлбрейт выдвигает на первый план внерыночное регулирование экономики на основе длительных договорных отношений между государством, крупными корпорациями и профсоюзами.

Следует иметь в виду, что для всех новейших направлений буржуазной экономической мысли в области регулирования остается общая с кейнсианством черта: апологетика капитализма и анализ внешних функциональных связей.

По мнению буржуазных экономистов, государство в современном мире призвано осуществлять политику прямого регулирования инвестиций; расширять «эффективный спрос» через государственный бюджет и налоговую политику; проводить политику «сглаживания цикла» через систему «автоматических стабилизаторов»; создавать благоприятную (оптимистическую) обстановку для частных инвестиций. Государство должно, с од-

ной стороны, расширять свою деятельность в области улучшения общих условий воспроизводства, социальной инфраструктуры (включая сюда наряду с традиционными затратами на строительство дорог, жилищ, общественных учреждений и т. п. и рост государственных расходов на научные исследования, обучение кадров, переквалификацию рабочей силы), а с другой — государственная политика должна быть направлена на расширение спроса, потому что медленные темпы его роста являются одной из важнейших причин низких темпов роста капитальных вложений и, следовательно, экономического роста в целом. «Не только цены и издержки производства, но и потребительский спрос становится объектом управления. Таков еще один важный дополнительный элемент в системе регулирования экономической среды»¹, — пишет Дж. Гэлбрейт. Оценивая роль государства в экономическом росте, английский экономист Мэддисон пишет: «Роль правительства в обеспечении экономического роста не ограничивается просто поддержанием спроса. Правительство может также содействовать различными способами росту экономического потенциала страны. Оно может принять меры по увеличению доли ресурсов, используемых для капиталовложений, может повысить уровень квалификации и знаний путем образования и исследований, популяризировать наилучшие технологические процессы, может дать перспективу и направление с помощью долгосрочного прогнозирования экономического развития. Оно может поощрять конкуренцию, улучшать распределение ресурсов, устраняя торговые барьеры»².

Указанные сферы деятельности современного капиталистического государства свидетельствуют о новых проблемах, встающих перед ним в условиях современного технического прогресса и углубления общего кризиса капитализма. Буржуазное государство стремится решить их в интересах укрепления капиталистического способа производства, хотя объективно эти проблемы говорят о том, что капиталистический строй является препятствием для дальнейшего развития производительных сил.

¹ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество. М., 1969, стр. 39.

² А. Мэддисон. Экономическое развитие в странах Запада. М., 1967, стр. 27.

Необходимо отметить, что в последние десятилетия прогресс в технике экономического анализа бесспорно имеет место и оказывает существенное воздействие на практику регулирования, экономическую политику, формирование ее решений. Эконометрические исследования вращаются вокруг следующих трех групп вопросов:

1. Прогнозы экономических циклов капиталистического хозяйства, прогнозы конъюнктуры с целью повлиять на ее развитие и смягчить кризисы. Этот тип исследований возник еще в тот период, когда в буржуазной политэкономии наметился переход от принципа невмешательства государства в экономическую жизнь к политике активных действий государства в интересах монополистического капитала.

2. Исследования рынка, и прежде всего эластичности спроса и в известной мере эластичности предложений, так как государство и монополии должны располагать информацией о спросе и предложении на рынке, о ценообразовании, емкости рынка и т. д.

3. Исследования, касающиеся темпов и пропорций воспроизводства, экономики в целом и ее крупнейших комплексов, наиболее часто используемые в практике современного программирования¹.

Я. Тинберген подчеркивает, что политическая экономия должна дать государственному аппарату представление о действительных процессах в экономике. «Является очевидным, — пишет он, — что при осуществлении экономической политики государство должно знать действительность настолько точно, насколько это возможно»². Это, заключает Я. Тинберген, диктует необходимость разработки соответствующей современным условиям общей теории и широкого использования в экономических исследованиях количественного анализа.

С 30-х годов за рубежом получило распространение построение макромоделей, в которых используются статистические данные, и предпринимаются попытки практического применения этих моделей в государственном регулировании капиталистической экономики. В послевоенный период система национальных счетов способст-

¹ См. О. Ланге. Введение в эконометрику. М., 1964, стр. 21—24.

² I. Tinbergen. Central Planning. New Haven and London, 1964, p. 73.

вовала дальнейшему развитию макроэкономического моделирования, что связано в решающей мере с практической функцией в буржуазной политэкономии. Разрабатывается и применяется метод межотраслевого баланса. Предпринимаются попытки создания единой эконометрической модели анализа и прогнозирования, включающей в себя методы межотраслевого баланса, модели воспроизводства, методы анализа спроса и т. д.

В последние годы появилось немало исследований, анализирующих возможности и пределы государственного вмешательства в экономику. Так, например, в книге У. Хармса, научного сотрудника института Гамбургского архива мирового хозяйства, специализирующегося в области анализа и прогнозирования экономической деятельности государства, прослеживается взаимосвязь и взаимозависимость между расширением и усложнением задач государства и изменением его доли в совокупном общественном продукте.

Проанализировав конъюнктурные ситуации 1954—1955 гг., 1958—1959 гг., 1962—1963 гг. в США, автор приходит к выводу, что государство оказывает влияние на экономический рост и конъюнктуру как при постоянной, так и при меняющейся доле в совокупном продукте. Однако в фазе высокой конъюнктуры с последующим относительно резким спадом и новым высоким подъемом государство при постоянной доле не может оказывать решающего влияния на экономическое развитие. Лишь в фазе медленного спада с тенденциями к восстановлению возможны действия государства с целью торможения спада. Напротив, увеличение доли государства в совокупном продукте оказывает существенное влияние на экономический рост и конъюнктуру прежде всего посредством государственных инвестиций в инфраструктуру.

Рассмотрев различные соотношения между задачами государства и его долей в совокупном продукте (постоянная доля и изменяющиеся задачи, постоянная доля и неизменные задачи; увеличивающаяся доля и изменяющиеся задачи), автор приходит к выводу, что поддержание неизменной доли государства не может оказывать сколько-нибудь продолжительного стабилизирующего влияния на экономическое развитие. Для достижения этой цели необходимо увеличение доли государства в совокупном продукте в рамках антицикличе-

ской политики. Свои выводы о необходимости повышения доли государства в периоды спада и снижения ее в периоды подъема автор рассматривает в качестве основы антициклической политики¹.

По данным американского экономиста Р. Хейвмена, рассматривающего сравнительные данные за 1967—1969 гг., на долю государственного сектора приходится около 20% стоимости национального богатства, 15% занятых, более $\frac{1}{4}$ вырабатываемой электроэнергии, около 30% ежегодного объема нового строительства, около $\frac{2}{3}$ ежегодных расходов на научные исследования и т. д.² Ссылаясь на различные оценки размеров и роли государственного сектора в книгах Дж. Гэлбрейта («Общество изобилия») и М. Фридмана («Капитализм и свобода»), он считает неприемлемыми однозначные ответы на вопросы об истинных размерах государственного сектора, об истинном распределении ресурсов между государственным и частным секторами. По мнению Р. Хейвмена, коллективные решения призваны корректировать нарушение в рыночном механизме распределения ресурсов и эту функцию выполняет правительство, которое оказывает прямое или косвенное воздействие на спрос и предложение, руководствуясь принципом максимальной общественной выгоды, чем и определяется его истинная роль в предпринимательской экономике. Хейвмен отмечает, что «вопрос национальных приоритетов — вопрос большой озабоченности, поскольку все они требуют ресурсов. Имеется кризис городов, с перегруженностью транспорта, загрязнение воздуха, неадекватные жилища, безработица, дискриминация и бедность гетто, кризис высшего образования в связи с недостатком финансирования, проблема сельскохозяйственной бедности в отдельных районах страны, а также недостаток врачей и больниц и т. д. Для решения всех этих проблем необходимы общественные средства»³. В реальной действительности принцип максимальной общественной выгоды означает рост прибылей монополий, усиление позиций монополистического капитала.

¹ U. Harms. Die Forderung eines konstanten Staatsanteils am Bruttosozialprodukt. Hamburg, 1970.

² R. Haveman. The Economics of the Public Section. New York, 1970, p. 8.

³ Ibid., p. 216.

Буржуазные экономисты, выступая за расширение экономической роли государства в условиях современного капитализма, в то же время считают необходимым строго ограничить пределы государственного контроля, осуществляемого в частном секторе.

Проблема регулирования в буржуазной политической экономии не может рассматриваться в отрыве от концепции общего экономического равновесия, в трактовке которого нет единообразия. Авторами различных по существу и уровню сложности систем равновесия являются А. Вальрас, П. Самуэльсон, Дж. Хикс, Дж. Кейнс, В. Леонтьев и др.

Хансен считает, что для определения каких-либо тенденций к изменению состояния равновесия надо изучить силы системы, под которой понимается закон движения конкретного рынка, — реакцию спроса и предложения на рыночные цены, закон изменения цен при изменении соотношения спроса и предложения и т. д. А. Вальрас, определяя условия равновесия, исходит из зависимости объема спроса на товары производственного и непроизводственного назначения от их рыночной цены. Предлагая упрощенный вариант системы Вальраса, Хикс обосновывает «чисто обменную систему» без явного анализа процесса производства, считая, что предложение товаров на рынке всегда обеспечивает спрос. Симптоматично, что Хикс формулирует вопрос, почему реальная экономика, даже достигнув некоторого равновесия, уходит от него? Почему стабильная на вид экономика может медленно скатываться в бездну?

«Теория общего равновесия», создание которой, по мнению Р. Солоу, «является одним из главных достижений экономической теории за последние 15 лет», предлагает наличие ряда условий, которые едва ли встречаются в реальной ситуации. Поэтому она должна быть, как считает Р. Солоу, дополнена исследованием таких моментов, как гарантия равновесия в случае изменения некоторых условий, условия множественного равновесия, стабильность общего равновесия в обстановке внешних колебаний, а также включение анализа рыночных структур при несовершенной конкуренции. Говоря о будущих направлениях макроэкономической теории, автор отмечает, что главная проблема государственной экономической политики — экономическая стабильность — решена только частично. В результате этого можно полагать,

что такие проблемы, как распределение расходов и доходов, проблемы городов, становятся все более актуальными.

По мнению Гэлбрейта, необходим новый подход к разработке макроэкономической теории и политики. Поскольку ортодоксальная кредитно-денежная политика неэффективна, только государственное вмешательство в систему установления цен и заработной платы может служить альтернативой инфляции.

В буржуазной экономической теории предпринята попытка осуществить интеграцию микро- и макроанализа с помощью неоклассического синтеза, унаследовавшего маржиналистские идеи частного и общего экономического равновесия, которые рассматривают якобы универсальные законы экономики. Однако они далеки от реальной капиталистической действительности с ее обостряющимися противоречиями¹. Неотъемлемыми чертами капитализма 70-х годов являются экономические кризисы и спады производства, невиданная по масштабам инфляция, охватившая все капиталистические страны, длительный и тяжелый мировой валютный кризис, отчетливо проявившийся в последнее время кризис энергоресурсов, нарастающий экологический кризис, острейшие социально-политические кризисы. В этих условиях буржуазной экономической науке трудно обосновать тезис о сбалансированном развитии капиталистической экономики. Вся совокупность средств государственно-монополистического регулирования не может обеспечить ей устойчивость и сбалансированность. Не могут помочь и рецепты буржуазных экономистов, изучающих как краткосрочные, так и долгосрочные экономические тенденции. Различия между этими направлениями определяются не только и не столько временными интервалами. Теория краткосрочных изменений занимается в основном анализом использования производительных сил и изучением совокупного спроса на товары и услуги. Теория долгосрочного роста ориентируется на изучение динамики производительных сил и совокупного предложения.

Современные буржуазные теории экономического роста оказали существенное влияние на практику государ-

¹ Подробно о критике теорий экономического равновесия см. Б. Г. Серебряков. Теории экономического равновесия. М., 1973.

ственного вмешательства в экономику, являясь в значительной мере основой экономической политики капиталистических стран в послевоенный период. Такие проблемы, как увеличение основного капитала, совершенствование технологии производства, рабочей силы, повышение образования, как факторы экономического роста не ставились в работах Кейнса и других буржуазных экономистов 30-х годов, но они интенсивно разрабатываются в современной экономической мысли Запада, обеспечивая базу для формулирования конкретных программ и рекомендаций экономической политики.

Трудно разграничить и вместе с тем увязать государственное воздействие на ход цикла, иначе говоря, антикризисное регулирование и способы воздействия государства на длительный рост. Некоторые экономисты отождествляют стимулирование экономического роста и антикризисные меры. Конечно, уменьшение амплитуды циклических колебаний экономики в результате использования современным капиталистическим государством средств бюджетного и кредитно-денежного контроля является немаловажным фактором, благоприятствующим долгосрочному росту. Вместе с тем антикризисное регулирование является недостаточным для обеспечения последнего. Буржуазные экономисты пытаются развить интегрированную модель краткосрочного цикла и долгосрочного роста ¹.

Ряд современных экономистов Запада развивают концепцию так называемого длительного цикла, который в отличие от короткого продолжается 3—4 десятилетия. Если «деловой цикл» определяется, согласно этой концепции, изменениями в расходах на запасы и дополняется изменениями в капиталовложениях в производственные отрасли, жилищное строительство и потребительские товары длительного пользования, то длительный цикл определяется изменениями в инвестициях в основной производительный капитал, который дополняется изменениями в расходах на запасы. Сторонники концепции тренд-цикла считают, что «в отличие от делового цикла мировая экономика показывает длительные колебания в 40—50 лет, в течение которых вслед за перио-

¹ *H. J. Sherman. Macrodynamik Economics, Growth, Employment and Prices. New York, 1964.*

дом ускоренного роста следует период замедления, иногда сопровождаемый глубокими и продолжительными депрессиями. Поскольку денежная политика стала более гибкой и национальная экономическая политика все более непосредственно направляется на сохранение высокого уровня производства и занятости, опасность глубоких и продолжительных депрессий значительно сократилась и может быть полностью исключена»¹.

Вывод авторов указанной концепции о возможностях бескризисного развития не имеет под собой почвы, так как кризисы — неизбежный спутник капиталистической экономики в силу действия основного противоречия капитализма. Буржуазные экономисты пытаются безуспешно доказать, что можно избежать безработицы и кризисов, оставаясь на почве капиталистического строя, стремятся обосновать возможность высоких темпов длительного экономического роста при капитализме. Попытки стимулирования длительного роста были новым явлением в теории и практике государственного регулирования капиталистических стран первых послевоенных десятилетий. По мнению современных экономистов Запада, государство для обеспечения длительного роста должно было обеспечить высокий и устойчиво расширяющийся уровень спроса, что в свою очередь должно было привести к сохранению высокого уровня инвестиций. Если в качестве антикризисных мероприятий по-прежнему рассматривается расширение общественных работ, система военных заказов, трансфертные платежи и т. п., то в качестве мер воздействия на длительный рост предполагается увеличение доли ресурсов, направляемых на инвестиции, расширение расходов на улучшение квалификации рабочей силы и расширение образования, улучшение размещения ресурсов и устранение барьеров в торговле, развитие прогнозирования.

Специального внимания заслуживает вопрос о новых моментах в подходах современных буржуазных экономистов к проблеме экономического роста в связи с так называемым качеством жизни. Еще десятилетие тому назад экономический рост был модной областью буржуазной политической экономии, главным предметом исследований, лозунгом, энергично провозглашаемым по-

¹ "Economic Growth". New York, 1964, p. 116.

литиканами, серьезной целью государственно-монополистического регулирования. Современная постановка вопроса об экономическом росте свидетельствует, что последний сам по себе далек от того, чтобы решить все проблемы. И более того. Быть может, он порождает гораздо больше проблем, чем может решить: использование природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, ухудшение условий труда, неравномерное развитие различных районов, отраслей хозяйства и целых наций. В настоящее время, когда отрицательные последствия политики стимулирования экономического роста в условиях капиталистической экономики (инфляция, валютный кризис и т. д.) достигли угрожающих масштабов, правящие круги капиталистических стран и их апологеты выдвинули новый лозунг. Экономический рост — не цель, а лишь средство для улучшения жизни, хотя в реальной политике государственно-монополистического капитализма существенных изменений не произошло.

К проблеме «качества жизни» приковано внимание в зарубежных теориях. Все большее число экономистов Запада приходит к заключению, что материальное благополучие для большинства людей является не только необходимым, но не достаточным условием жизни, что в настоящее время в обществе растут неудовлетворенность и недовольство, наблюдается так называемая революция запросов.

«Социальная неравномерность в распределении, уничтожение ландшафта и истощение природных ресурсов, страх перед будущим — все это ведет к тому, что решение проблемы благосостояния людей не может быть сведено к увеличению возможностей обеспечения их товарами и услугами. Удовлетворение различных потребностей общества невозможно только экономическим путем. Следовательно, — пишет Эмиль Кюнг, профессор Высшей торговой школы в Галлене (ФРГ), — общество потребления зашло в тупик»¹. Все большее значение приобретают другие критерии: свободное время и его разумное использование, повышение интереса к культуре в результате увеличения возможностей образования, достижение стабильности существования, здо-

¹ E. Kung. Die Krise der Wohlstandsgesellschaft und die notwendige Neuorientierung—Grenzen des wirtschaftlichen Wachstums. — "Universitas". Stuttgart, 1972, Heft 11, p. 1156.

ровья, удовлетворения от избранной профессии, социального престижа и т. п. Это не значит, однако, что в современной действительности капиталистических стран решены острейшие социальные проблемы.

Бертран де Жувенель, известный французский экономист и социолог, критически рассматривает подход современных экономистов к проблеме экономического роста, которая после второй мировой войны была объявлена главной целью правительств многих стран. Из одного факта роста валового национального продукта невозможно, по мнению Жувенеля, сделать определенный вывод об улучшении положения государства в целом или социального положения народа. Он считает, что в развитии общества главное значение имеют не темпы роста, а направления развития. «Именно поэтому, — пишет Жувенель, — я в течение 15 лет указываю на ошибочность точки зрения, согласно которой управлять развитием общества можно лишь на основе одних экономических показателей, а также на опасность идентификации экономических показателей и показателей социального благосостояния»¹. Исходя из этого, автор считает ошибочными всякие прогнозы, основанные на простой экстраполяции нынешних темпов роста валового национального продукта.

На специальном коллоквиуме Национального бюро экономических исследований США, посвященном экономическому росту и его современной интерпретации, формулировался вопрос так: «Устарел ли экономический рост?» В связи с этим предлагалось сосредоточить внимание на рассмотрении трех главных вопросов: насколько удовлетворительны текущие измерения валового продукта для характеристики роста экономического благосостояния; ухудшает ли неизбежно процесс экономического роста естественные ресурсы; как влияет темп роста населения на экономическое благосостояние и особенно как должен влиять нулевой рост населения?²

Было высказано мнение, что, поскольку валовой национальный продукт является выражением роста производства, а не потребления, он не может быть мерилем

¹ B. Jouvanel. Sur la croissance economique. — "Analyse et prevision". Paris, 1972, N 4, p. 1168.

² "Economic Growth". Fiftieth Anniversary Colloquim. New York, 1972, p. 4.

экономического благосостояния и следует сконструировать в качестве последнего специальный показатель. Предлагая этот показатель, авторы не идут по пути отрицания важности общепринятых национальных счетов и измерений продукта, на них базирующихся, считая, что статистика валового и чистого национального продукта есть главное орудие краткосрочного анализа, прогнозирования и т. п. Более того, свой показатель «измерения экономического благосостояния» они мыслят как результат переклассификации позиций национальных счетов по расходам валового национального продукта на потребление, инвестиции и промежуточные продукты и услуги. Что же касается экономического роста, то, согласно выводам коллоквиума, нет необходимости его задерживать, чтобы сохранить естественные ресурсы, но есть необходимость проводить политику, направленную на их сохранение. Рост населения не может продолжаться неограниченно, и в США наблюдается его снижение, как отмечалось на коллоквиуме, что должно вести к увеличению благосостояния.

Само по себе появление концепции «качества жизни» является реакцией буржуазных экономистов на кризисные явления в экономике. Пытаясь обосновать «новые цели развития», сторонники этой концепции фактически признают, что капиталистическая система оказалась несостоятельной в решении фундаментальных проблем обеспечения необходимых условий жизни человека. Об этом свидетельствуют кризис в образовании и здравоохранении, трудности в жилищном строительстве и на транспорте, резкое ухудшение окружающей среды и т. п. Вместе с тем появление концепции «качества жизни» свидетельствует о попытках буржуазных экономистов противопоставить требованию улучшения «качества жизни», выдвигаемому левыми прогрессивными силами промышленно развитых капиталистических стран, буржуазно-реформистское истолкование этого понятия. По существу речь идет о комплексе социально-экономических мероприятий, имеющих целью укрепить экономику современного государственно-монополистического капитализма.

Современная буржуазная экономическая наука переживает кризисное состояние, так как все кейнсианские рецепты и некейнсианские рекомендации не обеспечили стабилизации капитализма и не предотвратили даль-

нейшего развития его общего кризиса. Со всей остротой стоит перед буржуазными экономистами вопрос: как осуществлять государственно-монополистическое регулирование в условиях углубляющихся противоречий капитализма? Вопреки заявлениям буржуазных апологетов о возможности стабильного развития капиталистической экономики с помощью методов государственно-монополистического регулирования современный капитализм переживает острые социально-экономические и политические кризисы.

2. ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ ГОСУДАРСТВЕННО- МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Современная практика вмешательства буржуазного государства в развитие экономики включает в себя совокупность мер регулирования, прогнозирования и программирования, направленных на ослабление циклических колебаний экономики, обеспечение общих условий роста капиталистического хозяйства и эксплуатации трудящихся масс. Регулирование и программирование экономического роста понимается гораздо сложнее, чем в старом понимании стабилизационная политика, предназначенная для смягчения роста и падений цикла.

Возросшая экономическая и финансовая мощь государства в условиях гигантской концентрации и обобществления производства расширяет возможности регулирования экономики, перед которым ставятся новые цели: обеспечение темпов длительного роста без значительных циклических колебаний, проведение структурной перестройки экономики, стимулирование технического прогресса, мероприятий по охране окружающей среды, проведение региональной политики и т. д. При этом классовое содержание экономического регулирования не меняется, ибо стимулирование инвестиций, налоговая политика, регулирование цен направлены на то, чтобы обеспечить монополиям высокоприбыльные заказы, налоговые льготы, дешевый кредит. В настоящее время, когда экономика капитализма вступила в полосу серьезных экономических трудностей, что находит вы-

ражение в росте инфляции и безработицы, энергетическом и валютном кризисах, дефиците платежного баланса и т. д., практика регулирования исходит из задач экономической политики, которую осуществляет буржуазное государство в интересах монополий.

В условиях господства частнокапиталистической собственности на средства производства методы государственного регулирования лежат главным образом в сфере обращения, в частности в сфере финансовой и кредитной политики. Основу государственного регулирования хозяйства при капитализме составляет использование государством средств бюджета, полученных главным образом за счет налогов, и кредитно-денежное вознаграждение на общественное производство.

В качестве важнейших методов государственного регулирования экономики по-прежнему используются налоговая система, бюджетные рычаги и кредитное регулирование. Однако в структуре и степени использования этих методов происходят определенные изменения, связанные в значительной мере с новыми проблемами в теории и практике государственного регулирования. По мнению английского экономиста Мэддисона, в развитых промышленных странах Запада полный охват направлений политики экономического роста состоял из трех главных элементов: регулирования уровня спроса, поддержания конкурентоспособности страны, ускорения роста производительного капитала. Американский экономист Н. Кайзер пишет: «Если мы желаем увеличить уровень дохода, мы можем: снизить налоги, увеличить правительственные покупки, увеличить государственные трансферты, увеличить как правительственные покупки, так и налоги в равной степени или в разной пропорции или использовать различные комбинации этих действий»¹.

Налоговая политика является одним из важнейших способов государственно-монополистического регулирования. Буржуазные экономисты возлагают большие надежды на автоматическое действие так называемых встроенных стабилизаторов, среди которых одно из первых мест принадлежит налогам. Сущность этих стабилизаторов состоит в том, что изменения в налогах,

¹ N. Keiser. *Macroeconomics, fiscal policy and Economic Growth*. New York, 1964, p. 183.

трансфертах и прочих правительственных расходах происходят автоматически, т. е. без специальных правительственных законодательств, и в требуемом в данный момент направлении. Когда доход растет, автоматическое увеличение в налогах и сокращение в трансфертных платежах и прочих правительственных расходах ведет к умеренному уровню увеличения в доходе. Когда доход падает, их действие становится противоположным, налоги снижаются автоматически, а трансфертные и прочие правительственные расходы растут автоматически.

Американский экономист Руз предлагает свои методы измерения эффективности «встроенных стабилизаторов» и подчеркивает, что «встроенные стабилизаторы» эффективны на короткое время. Если кризис продолжительный, то многие из «встроенных стабилизаторов» должны терять значение.

Так, если кризис продолжается год или более года, то пособие по безработице как «встроенный стабилизатор» теряет силу, так как пособие выплачивается только в течение полугода. Это действительно и в отношении налоговых вариаций, потому что сильный стабилизационный эффект может быть только в начальной стадии кризиса. Таким образом, нельзя переоценивать эффективность действия «встроенных стабилизаторов». Современные буржуазные экономисты, отдавая им должное, настоятельно ратуют за необходимость проведения дискреционной налоговой и денежной политики, которая действительно играла немаловажную роль в послевоенном экономическом развитии стран Запада.

По мнению А. Мэддисона, активная финансовая политика играла главную роль в поддержании высокого спроса и инвестиций в Западной Европе. Недостаточно активная политика США в этом направлении была главной причиной слабого спроса, больших колебаний и медленного экономического роста в стране. В Англии темпы экономического роста, считает Мэддисон, более низки, несмотря на активную налоговую политику, так как в ней допускались серьезные ошибки. Она играла слишком маленькую роль в поощрении устойчивого роста инвестиций в течение длительного времени.

Налоговая политика большинства капиталистических стран в послевоенный период была направлена в значительной мере на решение краткосрочных стабилизационных проблем. Вместе с тем налоговая политика яви-

лась важным средством воздействия для более полного использования ресурсов. Наиболее активно налоговая политика использовалась для стабилизационных целей в Англии, Скандинавских странах и Голландии. В ФРГ налоговая политика затруднена тем фактом, что большая доля налогов и расходов сосредоточена в руках местного правительства. Но тем не менее и в ФРГ налоговая политика играла важную роль в обеспечении высокого уровня инвестиций как в промышленность, так и в жилищное строительство. Часто изменялись налоги во Франции; в начале 50-х годов налоговая политика не имела эффекта и лишь в конце 50-х годов стала более успешной в стимулировании расширения производства.

Начиная примерно с середины 50-х годов центр тяжести в налоговой политике переместился с антициклических аспектов на обеспечение длительного и устойчивого экономического роста. Основным объектом налоговой политики стало поощрение длительного роста капиталовложений и совершенствование структуры производства.

Одним из важнейших средств налоговой политики, направленной на повышение эффективности производства и повышение темпов экономического роста, стала политика ускоренного амортизационного списания основного капитала. Разрешаемое капиталистическим государством увеличение амортизационных отчислений уменьшает сумму объявленных прибылей предприятий и, следовательно, уменьшает сумму налогов с прибылей. Данная политика характерна для всех стран Западной Европы и США.

В ФРГ, например, существуют четыре формы ускоренных амортизационных списаний: особые, дегрессивные, дополнительные и предварительные. Все они в отличие от прямолинейного метода основаны на непропорциональном расчете амортизационных отчислений. Кроме того, существовали и так называемые особые, дополнительные и предварительные списания, которые позволяют в конечном итоге списать сумму, превосходящую первоначальную стоимость основного капитала, или амортизационные отчисления рассчитываются с момента заказа или оплаты станка, т. е. в период амортизации входит время изготовления, доставки, установки, монтажа и пуска оборудования. Широкое распространение практики ускоренного амортизационного списания

основного капитала оказало неодинаковое воздействие на накопление в разных отраслях экономики. Наибольшую выгоду от этого получили отрасли тяжелой промышленности.

Укрытию прибылей от налогообложения и их использованию для финансирования инвестиций служили также и пенсионные фонды предприятий. Правительство освободило отчисления в пенсионные фонды от налогов, и монополиям выгодно искусственно завышать эти отчисления. Не менее $\frac{2}{3}$ отчислений в пенсионный фонд — экономия от уплаты налогов с прибылей. Пенсионные фонды служат средством мобилизации для инвестиций части заработной платы трудящихся и средств государственного бюджета.

Во Франции также используются налоговые меры в практике регулирования. Важным экономическим рычагом здесь служит налог с оборота, который колеблется от 20,5 до 27,5%. Стимулирующее значение налога с оборота связано с возможностью поощрять производство одних товаров путем погашения налога с оборота и препятствовать росту производства других товаров, облагая их высоким налогом.

В 1964 г. порядок взимания налога с оборота был изменен. Если раньше базой для исчисления налога с оборота была сумма товарного оборота, то сейчас этот налог взимается с добавленной стоимости без учета стоимости потребленного сырья, топлива и др. (т. е. с условно-чистого продукта). В результате промышленность освободилась от многократного пирамидального налогового обложения тех изделий, которые в своем производственном цикле несколько раз проходили через рынок в качестве сырья и полуфабрикатов. Это изменение способствовало специализации производства. Особенно большое значение оно имело для отраслей с высоким удельным весом сырьевых и капитальных затрат.

Фискальная политика во Франции характеризуется тем, что дает определенную возможность оперативного воздействия с целью налоговых льгот на частный капитал. Налоговые льготы используются для поощрения тех отраслей и компаний, приоритетное развитие которых определено экономической программой. Примером могут служить экспортные льготы, предоставляемые определенным компаниям, экспортирующим свою продукцию за границу: кроме освобождения от на-

логов с оборота экспортирующие фирмы (вывозящие более 20% своей продукции) получают «карту экспортера», дающую первоочередное право на получение других налоговых льгот.

Другим примером налоговой льготы является снижение налога на новые инвестиции на пять пунктов, если эти инвестиции предусмотрены плановой программой. В целях поощрения внедрения новой техники и проведения научно-исследовательских работ государство заключает с предприятиями контракты на выполнение определенных работ. Предприятие при запросе на их финансирование представляет обоснования: преследуемые задачи, детальная программа, ее интерес, потребность в кадрах и оснащении, перечень работ, осуществленных в данной области, особенно являющихся предметом публикаций или патентов, научные связи с другими лабораториями во Франции или за рубежом.

Государство по контракту финансирует работы в размере 50% общих издержек, остальное — из ресурсов предприятий. Контракт определен по времени и сумме. Предприятия не обязываются получить гарантированные результаты, но обязаны использовать средства по назначению, чтобы получить эти результаты. Государство сохраняет за собой право контроля (административного и технического) над проведением работы. В случае успешной реализации намеченной программы предоставленные государством денежные средства возмещаются предприятием по мере выпуска товарной продукции. Размер этих выплат составляет определенный процент от торгового оборота. В случае нереализации намеченной программы государство и предприятие теряют свои доли. Прибыль, получаемая предприятием в случае успешного завершения работы, полностью сохраняется за предприятием.

Государство применяет поощрительные налоги при внедрении новой техники. Оно дает разрешение на ускоренную амортизацию в размере 50% (в первый год) зданий и оборудования, связанных с внедрением новой техники и проведением исследовательских работ; освобождает от налогов прибыли, полученные в результате владения патентами и лицензиями.

Одной из форм стимулирования выполнения государственных программ является заключение контрактов между частными компаниями и государством. Согласно

этим контрактам, обе стороны берут на себя определенные обязательства, закрепленные в юридическом порядке. Обычно заключение контрактов вытекает из необходимости освоения новой технологии производства, сопряженной с большими капитальными затратами. Со стороны государства контракты обеспечивают льготной политикой цен, налогов, гарантированием кредитов и т. д.

В США применялись многочисленные законодательные акты (1950, 1954, 1958, 1962, 1969 гг.) установления льготных условий для амортизационных отчислений. Благодаря этим законам сроки службы основного капитала во многих отраслях (особенно выпускающих военную продукцию) сокращались до 5 лет. Согласно другим предписаниям, предприниматели получили возможность списывать большую часть основного капитала в течение первых нескольких лет его службы.

Летом 1962 г. в США была принята налоговая реформа, заключающаяся в дальнейшей либерализации амортизационных норм и означающая существенное налоговое сокращение для всех компаний. Новый закон позволил компаниям списывать $\frac{2}{3}$ стоимости актива в течение первой половины срока его полезной службы.

Средний срок использования производственных мощностей в обрабатывающей промышленности сокращен с 19 до 12 лет. Это сокращение касается 70—80% всех машин и оборудования, используемых сейчас американскими частными фирмами. Наибольшему сокращению подверглись сроки использования оборудования в текстильной промышленности — на 60—40%, на транспорте — на 55%, в химической промышленности — на 40% и т. д.¹ Сроки службы оборудования в станкостроении, в автомобильной и электротехнической отраслях — 12 лет, в черной металлургии — 18, в цветной металлургии — 14, в текстильной — 9, в электронике — 8 лет и т. д. Политика ускоренной амортизации играет важную роль в системе регулирующих мероприятий США по изменению структуры источников финансирования капитальных вложений.

Реформа налоговой системы, предпринятая правительством США в 1969 г., была продиктована стремлением упорядочить бюджетные доходы в условиях ин-

¹ "Business Week", July 14, 1962.

фляции, а также необходимостью реагировать на усилившиеся требования прекращения злоупотреблений налоговым законодательством. В соответствии с нею предусматривался «минимальный налог», 4%-ный налог с доходов неприбыльных организаций от коммерческой деятельности, снижались ставки налога на прибыль корпораций, отменялась 7%-ная налоговая скидка на новые капиталовложения и т. п. В целом, однако, реформа была весьма умеренной и по признанию буржуазной печати.

Налоговая политика в США изменила структуру источников накопления капитала, резко повысив роль амортизации. Кроме того, она изменила направление капиталовложений в сторону полной модернизации. Процесс финансирования капиталовложений отдельных компаний США отличается большим разнообразием. Одни предприятия в большей мере используют внутренние источники, другие прибегают к большим займам для финансирования крупных инвестиционных проектов. Общая тенденция в сфере финансирования крупных капиталовложений в промышленности США в послевоенный период заключалась в увеличении роли самофинансирования, поскольку на счетах корпораций накопились огромные суммы нераспределенных прибылей.

Начиная с 1965 г. отмечается снижение доли самофинансирования, хотя она все равно остается достаточно высокой — 80% — по сравнению с 98% в 1958 — 1963 гг. Накопление излишнего денежного капитала в стране ведет к увеличению использования заемных средств. Несмотря на это, самофинансирование остается основным средством реализации инвестиционных программ американских промышленных компаний. Следует, однако, заметить, что для отраслей с высокими темпами роста и интенсивным развитием (например, производство конторских машин и электронно-счетного оборудования) самофинансирование играет менее важную роль. Для финансирования расширяющихся производственных мощностей они усиленно используют рынок ссудных капиталов, несмотря на амортизационные льготы и большие нераспределенные прибыли.

Высокий процент самофинансирования характерен и для ФРГ, где его рост происходил в основном за счет нераспределенной прибыли. Факторы, вызывающие рост самофинансирования, действовали и в Англии, но про-

цент капиталовложений, покрываемых за счет внутренних источников финансирования, был здесь значительно ниже, чем в США и ФРГ. Еще меньшую роль играло самофинансирование в Японии, где в структуре финансирования капиталовложений исключительно велики масштабы использования кредита, денежных сбережений широких слоев населения. Государственно-монополистический аппарат Японии, содействуя всемерно аккумуляции этих средств, использовал их для финансирования японских монополий. Использование личных сбережений населения для финансирования капитальных вложений в частном секторе характерно и для других капиталистических стран.

Капиталистическое государство, стимулируя рост частных капиталовложений, проводит мероприятия по либерализации амортизационной политики и уменьшению налогов на прибыли, действуя в интересах монополий. Благодаря вмешательству государства изменилась не только структура собственных средств корпораций, финансируемых на воспроизводство основного капитала. Если раньше центральную роль играла нераспределенная прибыль, то в настоящее время она уступила место фонду амортизационных отчислений. За последнее время фонд амортизационных отчислений стал активным фактором накопления основного капитала.

Современная научно-техническая революция, открывая большие возможности для интенсификации производства, требует усиленного обновления основного капитала, сокращения периода его оборота. Средством стимулирования этого процесса явилась практика ускоренной амортизации, получившая широкое распространение в капиталистических странах в послевоенный период, как одно из важнейших государственно-монополистических мероприятий, способствующих росту частных вложений на обновление производства.

Различные формы ускоренной амортизации способствуют интенсивному обновлению основного капитала, изменениям его технологической структуры, совершенствованию структуры фондовооруженности, что является необходимым в условиях современного научно-технического прогресса. В технологической структуре валовых капиталовложений промышленно развитых капиталистических стран доля оборудования составляет свыше половины общего объема капиталовложений. Об этом сви-

детельствуют данные таблицы 1. Доля оборудования в технологической структуре промышленных капиталовложений этих стран еще выше.

Введение ускоренных амортизационных списаний, позволяющих окупать значительную часть капиталовложений на ранней, наиболее интенсивной стадии использования оборудования, имело большое значение для изменений в технологической структуре основного капитала, повышения уровня технической оснащенности промышленности капиталистических стран. Опираясь на

Таблица 1 Доля оборудования в капиталовложениях ведущих капиталистических стран* (в % на базе национальных валют)

Годы	США	ФРГ	Франция	Англия
1960	62,4	60,6	61,7	54,7
1965	64,0	57,0	57,9	58,5
1970	64,1	59,3	58,2	59,4
1971	63,7	58,8	59,3	58,6
1972	64,8	59,0**	59,7**	59,0**

* Без жилищного строительства.

** Оценка.

Рассчитано по: «Statistical Abstract of the US», 1973, p. 344; OECD. «National Accounts of OECD 1960—1973», p. 162, 178, 388; «Survey of Current Business», August 1974, p. S—1; OECD. «Main Economic Indicators», December 1974, p. 18.

механизм долгосрочного и среднесрочного регулирования, государство в этих странах пытается оказывать воздействие на структуру капиталовложений, стимулировать рост капиталовложений в прогрессивные отрасли, смягчать возникающие отраслевые и региональные диспропорции и т. д., усиленно используя систему налогов. Варьирование в ставках амортизационных отчислений играло определенную роль в стимулировании темпов экономического роста.

Кредитно-денежная политика является одним из методов государственного воздействия на экономику. В течение долгого времени в буржуазной политической экономии развивались различные кредитно-монетарные теории кризисов. Исходя из ложной предпосылки, что экономические кризисы вызываются недостатками кредитно-денежной системы или ее слабой активностью, сторонники этих теорий утверждали, что посредством различного рода кредитно-денежных мероприятий (расширением

или сужением объема денежного обращения, повышением или понижением ссудного процента, увеличением или сокращением банковских кредитов и т. д.) можно предотвращать колебания конъюнктуры и ослаблять кризисы. Реальная действительность опровергает все концепции, беспочвенность которых еще в свое время доказал К. Маркс.

На опыте кризиса 1929—1933 гг. буржуазные экономисты убедились в явной недостаточности мероприятий в кредитно-денежной сфере для борьбы с кризисом. В отличие от предшествующих кризисов официальные учетные ставки во время этого кризиса продолжали оставаться на низком уровне в связи с громадным избытком бездействующих денежных капиталов. Низкая норма процента не облегчала положения капиталистической промышленности.

Неэффективность одной только кредитной политики для борьбы с кризисами был вынужден признать Кейнс. «Борьба с кризисами, — писал он, — так сложна. На более поздней стадии снижение нормы процента может послужить большим подспорьем в деле хозяйственного восстановления и, вероятно, является даже необходимым его условием. Но на данный момент крах предельной эффективности капитала может оказаться настолько полным, что никакое мыслимое на практике снижение нормы процента не будет достаточно»¹.

После кризиса 1929—1933 гг. в буржуазной экономической литературе утвердилось мнение, что для борьбы с кризисами недостаточно одних мероприятий денежной и кредитной политики, решающую роль должен играть государственный бюджет. Вместе с тем кредитная система как выражение развития производительных сил капитализма продолжала интенсивно создаваться и модифицироваться, наталкиваясь на пределы, выражающие собой историческую обреченность капитализма как социально-экономической формации.

Обострение всех свойственных капиталистическому способу производства противоречий ведет к изменению форм связи кредитно-денежной системы с процессом воспроизводства, к расстройству денежного механизма, к разворачиванию инфляционного процесса. Развитие

¹ Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1949, стр. 306.

кредитной деятельности государства, как и многие другие проявления государственно-монополистического капитализма, тесно связано с войнами и экономическими кризисами. Во время кризиса 1929—1933 гг. государство лихорадочно создавало одно кредитное учреждение за другим, стремясь путем расширения прямого государственного кредита приостановить цепь банкротств и неплатежей, подтолкнуть вложения в основной и оборотный капиталы, в жилищное строительство. Государство накачивало кредит в хозяйство, когда спрос на кредит был крайне низким и ссуды частных кредитных учреждений не росли.

Во время второй мировой войны государственное кредитование хозяйства было в основном прямо или косвенно подчинено целям военного производства. Последнее вызывало в ряде случаев потребность в ссудах, которую частные кредитные учреждения не хотели удовлетворять вследствие большого риска и необеспеченности ссуды. Это вызвало некоторый рост кредитования промышленности и расширение системы государственного гарантирования ссуд частных банков. После войны относительная роль государственного кредита в общей массе ссудного капитала мало меняется, хотя его абсолютная величина резко выросла. Зато сильно увеличилось (абсолютно и относительно) значение государственного страхования и гарантирования ссуд.

Возрастающее в ходе развития капитализма предложение ссудных капиталов является одной из причин, вызывающих тенденцию к понижению нормы процента. В удержании низкой нормы процента определяющую роль играет политика «дешевых денег», проводимая государством и банками, стремящимися низким уровнем процента поддерживать курсы ценных бумаг (облигаций государственных займов и акций и облигаций корпораций) на высоком уровне. Однако политика «дешевых денег» потому и достигает цели, что рынок ссудных капиталов обилен и предложение их велико. Изобилие ссудных капиталов и низкий уровень процента не отменяют циклического движения ссудного процента, который достигает максимального уровня в период кризисов.

Процентные ставки денежного рынка, как правило, следуют за изменением учетной ставки центрального банка. Правда, изменение учетной ставки в послевоенные годы применяется в основном как инструмент ва-

лютной политики — в целях преодоления притока или отлива капиталов — главным образом так называемых горячих денег, ищущих помещения в странах с высокими процентными ставками и бегущих из стран, где эти ставки ниже. Неуравновешенность платежных балансов большинства крупных капиталистических стран вынуждает их принимать меры для поощрения притока капитала. Изменения учетной ставки в интересах валютной политики нередко проводятся вразрез с требованиями внутренней конъюнктурной политики.

Кредитная деятельность государства рассматривается и теперь буржуазной экономической теорией как одно из важных орудий антициклической финансовой политики. Основными инструментами регулирующего воздействия государства на производство с помощью средств кредитно-денежной политики являются: государственные кредиты и займы; покупка и продажа государственных ценных бумаг; изменение учетной ставки и изменение величины обязательных банковских резервов.

В течение всего послевоенного периода мероприятия государства в кредитно-денежной области являлись в значительной мере антициклическими по своему характеру, преследовали цель смягчения кризисов и безработицы и сохранения устойчивости цен. Для оживления экономической активности путем поощрения капиталовложений государство обычно осуществляет следующие меры: покупку у банков государственных облигаций и снижение обязательных банковских резервов, что увеличивает ликвидные резервы банков и возможности кредитования предприятий; снижение учетной ставки, что облегчает условия кредитования предприятий. В борьбе против намечающегося инфляционного роста цен применялись противоположные меры: продажа государственных ценных бумаг, повышение резервных требований и учетного процента. Эти общего характера антициклические методы кредитно-денежной политики применяются обычно в расчете воздействовать на все предприятия без какого-либо выбора.

Избирательный характер носит лишь кредитование предприятий. Государственное кредитование предприятий имеет своей целью, как правило, расширение производства; оно используется также для поощрения развития конкретных отраслей или районов страны.

Во Франции, например, государство контролирует

значительную часть среднесрочного и долгосрочного кредита и распределяет его между отраслями и предприятиями с основной целью поощрения расширения производства. Контролируемый государством кредит является важнейшим средством в осуществлении разрабатываемых генеральным комиссариатом программ развития, поскольку до недавнего времени во Франции ощущался недостаток на рынке частного капитала. В Бельгии метод предоставления гарантированного государством кредита по низкому проценту использовался для финансирования вновь возникающих предприятий, а затем он был распространен и на существующие предприятия, которые модернизируют оборудование. В Италии государство предоставляет специальные фонды для финансовых учреждений, кредитуемых на либеральных условиях конкретные отрасли и районы страны (сельское хозяйство и обрабатывающая промышленность, в особенности в южной, экономически более отсталой части Италии). В Норвегии, где государственные банки контролируют значительную и всевозрастающую часть долгосрочного кредита, выгодные условия кредита предоставляются в области рыболовства, сельского хозяйства и жилищного строительства.

Регулирующую деятельность государства в области кредитно-денежной политики можно проиллюстрировать на примере Франции. Государство осуществляет ограничение спекулятивных и фиктивных кредитов, контролирует эмиссию ценных бумаг и регламентирует условия потребительского кредита. Наиболее прямолинейной формой контроля кредита является так называемый потолок переучета, т. е. лимит принимаемой к учету суммы, сверх которой центральный банк не принимает векселя от коммерческих и депозитных банков или же принимает их по повышенной на 2—3% штрафной ставке. Другая широко используемая форма состоит в установлении «коэффициента ликвидности», т. е. обязательного отношения ликвидных статей актива к общей сумме обязательств банка. Далее, государство обязывает банки вкладывать определенную часть ликвидных средств в государственные облигации. При этом средства, вкладываемые банком в государственные бумаги, изымаются, естественно, из сферы банковского оборота. Этот способ известен под названием «коэффициента казначейства».

Используя метод установления коэффициента ликвидности главным образом в отношении краткосрочного кредита, государство тем самым сдерживает развитие краткосрочного кредита и одновременно стимулирует среднесрочное и долгосрочное кредитование, предназначенное, как правило, для расширения производства. Наконец, государство регулирует и потребительский кредит, контролируя контингент товаров, подлежащих продаже в кредит, определяя размер взноса наличными, длительность кредита и процентную ставку.

Потребительский кредит предоставляется не только торговыми организациями, но и банками, и специализированными кредитными учреждениями. При этом регулирование объема кредита государством может осуществляться путем прямого лимитирования кредитных операций банков и специализированных учреждений. Это регулирование заключается в том, что общая сумма не может превышать восьмикратную стоимость их собственных средств.

Характеризуя воздействие федеральных программ кредитования в США, американские экономисты признают, что эти программы не всегда действовали стабилизирующим образом. Что касается банковского кредитования, то оно широко стало использоваться крупными компаниями США в конце 60-х годов для финансирования капиталовложений. Многие крупные компании, входящие в первые 25 крупнейших корпораций, считают, что в условиях растущих цен кредит имеет смысл даже при 10%-ной ставке. В настоящее время 25 крупнейших промышленных монополий имеют 10 долл. долга на каждый доллар наличного капитала.

Банковское кредитование в послевоенный период изменило свои формы и методы. Наиболее распространенными стали долгосрочные и среднесрочные кредиты. Между предприятиями и банками устанавливается более тесная связь. Крупный срочный банковский кредит предоставляется компаниям на определенных условиях для осуществления определенных инвестиционных программ. Корпорации поставлены в зависимость от банков, которые, предоставив кредит, контролируют ход выполнения инвестиционной программы.

В числе новых активных мер воздействия капиталистического государства на производство через кредитное регулирование следует отметить удешевление долгосроч-

ного кредита по сравнению с краткосрочным для стимулирования долговременных частных вложений. Становится обычным предоставление долгосрочных ссуд промышленности сроком до 10 лет. Расширение долгосрочного кредита связано в значительной степени с развитием капиталоемких отраслей и военным потреблением государства, с расширением инфраструктуры и т. д.

Хотя кредитная политика, как и налоговая, оказывает воздействие как на инвестиционные процессы, так и на потребительский спрос и дает некоторые временные результаты, но эффективность ее резко ограничена, поскольку объективные границы кредитной политики определяются действием стихийных законов капиталистического воспроизводства. Маневрирование ссудным процентом и другие меры кредитно-денежной политики не могут изменить закономерностей капиталистического производства, разрешить его противоречие как в рамках национальной экономики, так и в масштабах капиталистического мира в целом. Следует в связи с этим отметить, что возможности кредитной политики сузились в связи с новым обострением валютного кризиса. Так, пассивный платежный баланс, сокращение золотых запасов, ослабление позиций доллара как мировой валюты создали дополнительные препятствия для использования кредитной системы в США. По оценкам Федеральной резервной системы США, являющейся главным каналом воздействия государства на частную кредитную деятельность, политика «сжатия кредита» в начале 1970 г., проводимая с целью ограничения инфляции, не принесла желаемого эффекта, не могла предотвратить повышения темпа роста цен и массы денег в обращении, вползания экономики в очередной кризис.

Признавая бесплодность борьбы с инфляцией методами кредитного регулирования, Хансен предлагает отбросить маневрирование процентными ставками в качестве первостепенного средства контроля над ценами¹. Сторонник активной кредитной политики Самуэльсон также вынужден признать, что, если Федеральная резервная система «не сможет непосредственно воздействовать на уровень процента по долгосрочным ссудам, а не только по краткосрочным, мы можем оказаться в

¹ *A. H. Hansen. Economic Issues of the 1960-s. New York — Toronto—London, 1960, p. 53, 55.*

таком положении, когда нужно будет придавать бóльшую роль стабилизирующей фискальной политике, чем стабилизирующей кредитно-денежной политике»¹. Отмечая конфликтование целей денежной политики, Мейгс пишет: «Текущие мировые дебаты о принципах руководства денежной политики фокусируются на двух главных аспектах. С одной стороны, это ставки процента. С другой — это денежные агрегаты, такие, как денежное предложение, банковские резервы, денежная основа или в целом банковский кредит. Хотя центральные банки в общем стремятся обеспечить компромисс между этими двумя сторонами кредитно-денежной политики, обе они не могут быть выдержаны одновременно. Если центральный банк пытается контролировать ставки процента, он должен допустить колебания денежного предложения. Если он контролирует денежное предложение, он должен допустить колебания ставок процента». И далее Мейгс продолжает: «...денежные авторитеты не могут контролировать ставки процента без воздействия на доход и цены таким путем, что позже толкают ставки процента в противоположном направлении от первоначально предполагавшегося»². Это ясно продемонстрировано опытом США в 1965, 1967, 1968 и 1971 гг.

Таким образом, сами буржуазные экономисты признают, что в условиях господства рыночной стихии попытки принятия решений в сфере кредитно-денежного механизма наталкиваются на неразрешимые противоречия капиталистической системы. В работах советских экономистов последних лет уделено серьезное внимание анализу кредитной системы современного капитализма и новым явлениям в ее функционировании³.

Регулирование цен в капиталистических странах осуществляется в целях сохранения стабильности цен, поддержания цен конкретных отраслей (например, сельского хозяйства) и ограничения роста цен. В ряде стран регулирование цен заключалось в общем замораживании цен на существующем уровне. В некоторых странах

¹ П. Самуэльсон. Экономика. М., 1964, стр. 355.

² А. James Meigs. Money Matters Economics, Markets, Politics. New York, 1972, p. 313.

³ См. Л. Н. Красавина. Новые явления в кредитно-денежной системе капитализма. М., 1972; К. Б. Козлова, Р. М. Энтов. Теория цены. М., 1972, и др.

контроль над ценами означал установление государством обязательной методологии расчета цен. Детально фиксирование цен в капиталистических странах, как правило, вводилось только во время второй мировой войны. В большинстве стран к концу 40-х годов оно было отменено.

Регулирование цен принимает различные формы. В Норвегии, например, регулирование заключается в установлении максимальных цен на ряд продуктов, причем максимальная цена должна устанавливаться на основе издержек по заработной плате, фиксируемой в соглашениях между ассоциациями предпринимателей и профсоюзами.

Другой метод, применяемый во многих странах, состоит в фиксировании торговых наценок в абсолютном выражении или, что практикуется чаще, в процентах. Для воздействия на общий уровень цен используются цены на продукцию государственных предприятий. Например, для стабилизации цен в ряде стран было проведено снижение цен на уголь и услуги железнодорожного транспорта. Однако чаще всего это приводило к тому, что эти предприятия начинали работать в убыток и нуждались в субсидировании за счет бюджета.

В настоящее время широкая система государственно-го регулирования цен существует во Франции. С точки зрения контроля над ценами отрасли народного хозяйства разделены на три группы: первая группа отраслей подвержена прямому контролю и регулированию цен со стороны государства; вторая располагает полной свободой в области цен; третья должна представлять государству калькуляцию устанавливаемых или изменяемых монополиями цен. Государственный контроль над ценами в сущности означает контроль за калькуляцией себестоимости продукции. Повышение контролируемых цен разрешается лишь в том случае, если это повышение отражает соответствующее увеличение затрат по различным элементам себестоимости, причем рост издержек по заработной плате может привести к повышению цены продукции лишь в том случае, если заработная плата не подымается выше среднего для данной отрасли уровня.

С 1963 г. во Франции использовались различные формы контроля над ценами: по плану стабилизации (сентябрь 1963 г.) цены должны были быть блокированы на

уровне 31 августа 1963 г. С начала 1965 г. была введена процедура «соглашений о стабильности», в соответствии с которыми предприниматели, повышая цены на одни товары, должны были понизить цены на другие товары. В марте 1968 г. министерство экономики и финансов предложило форму «соглашений о программе», в рамках которых предприниматели и профсоюзы принимали определенные обязательства перед государством в области цен, внешней торговли, производительности, заработной платы. В сентябре 1971 г. было заключено соглашение об ограничении повышения цен на промышленные товары: допускается рост не более 1,5% за полугодие. Государство в свою очередь обязалось не повышать государственные тарифы, которые могли бы увеличить издержки предприятий. Если же предприятие решит повысить цены, то оно должно за месяц до повышения сообщить об этом государственным органам; кроме того, оно может повысить цены на одни товары, если при этом понизит цены на другие.

Все эти мероприятия свидетельствуют о том, что политика французского государства в области цен претерпевала ряд изменений и принимала разные формы. Однако целью ее при этом всегда было повышение конкурентоспособности французских монополий и усиление эксплуатации трудящихся, снижение их потребления и подчинение крупнейшим монополиям мелких и средних предприятий. Цены из года в год росли, как следует из приводимых ниже официальных данных о среднегодовом приросте розничных цен на 259 важнейших предметов потребления (в %) ¹:

1963 г.—4,8	1966 г.—2,7	1969 г.—6,4
1964 г.—3,4	1967 г.—2,7	1970 г.—5,2
1965 г.—2,5	1968 г.—4,5	1971 г.—6,0

В следующей таблице приводятся данные о дальнейшем росте цен во Франции и других странах ЕЭС, которые свидетельствуют о нарастающих масштабах инфляции в капиталистических странах, используемой монополиями в интересах получения дополнительных прибылей. Вокруг проблемы регулирования цен во Франции идет ожесточенная борьба. Представители крупного капитала страны выступают против политики

¹ А. Rezo. Inflation et politique des prix. — "Economie et politique". Paris, 1972, p. 29.

государственного регулирования цен, считая, что она является неэффективной для потребителя, вредной для экономики и управления предприятиями.

В условиях монополистической конкуренции крупнейшие компании устанавливают цены, руководствуясь не только собственными издержками, но имея в виду их уровень у потенциальных конкурентов. В конечном итоге

Таблица 2. Рост цен в странах ЕЭС (в %)

Страны	В среднем за 1966— 1971 гг.	1972 г.	1973 г.	1974 г.
ФРГ	2,9	5,5	6,9	7,3
Франция	4,5	6,2	7,3	14,7
Италия	3,3	5,7	10,8	20,3
Англия	5,4	7,1	9,2	15,8
Бельгия	3,6	5,5	7,0	15,6
Голландия	5,4	7,8	8,0	8,8
Дания	6,3	6,6	9,3	16,6
Ирландия	5,9	8,6	11,4	17,9
Люксембург	3,3	5,2	6,1	10,6

Источник. БИКИ, 21.XII. 1974 г.

крупнейшие компании имеют более высокую и стабильную норму прибыли, чем средняя по промышленности в целом. Капиталисты ведут ожесточенную борьбу за большую долю в совокупной массе прибавочной стоимости, что сказывается на масштабах и методах кредитно-денежного регулирования.

Использование бюджета в капиталистических государствах является одним из важнейших рычагов государственного воздействия на экономику. Среди получивших на Западе большое распространение теорий регулирования экономики существуют специальные теории государственных финансов. Теория «бюджетного воздействия» рассматривает государственный бюджет главным образом как средство воздействия на национальную экономику и регулирование хозяйства. Теория «финансового стабилизатора» объявляет важнейшей функцией государственных финансов обеспечение стабилизации экономики, создание условий для экономического роста. «Теория дефицитного финансирования» считает государ-

ственный бюджет средством стимулирования деловой активности.

Смысл «стабилизирующей бюджетной политики», к которой прибегают все чаще капиталистические государства, состоит в стремлении добиваться превышения доходов над расходами, т. е. бюджетных излишков во время подъема, с тем чтобы во время кризисов расходовать государственные средства на бюджетный дефицит. Сторонники «стабилизирующей бюджетной политики» считают ее автоматической системой компенсации. Однако балансирования дефицитов и избытков бюджета в действительности нет. Постоянное преобладание бюджетных дефицитов означает хроническую необходимость их компенсаций с помощью роста государственного долга, усиления налогов и дополнительной эмиссии ценных бумаг, что не может не ограничивать платежеспособность масс и вызывает усиление предпосылок экономического кризиса. Огромный рост государственного долга в результате дефицитности бюджетов и превращение долга в постоянную и важную черту экономики характерен для послевоенного развития крупных капиталистических государств.

Не следует, однако, отрицать того, что рост государственных расходов капиталистических государств играет определенную роль не только в антициклической политике, но и в стимулировании длительного роста. Воздействие государственных расходов на экономику зависит не только от объема, но и от их структуры. Государственные расходы можно классифицировать по нескольким различным статьям: государственное потребление, т. е. расходы на товары и услуги, как гражданские, так и военные; трансфертные платежи, капитальные затраты на общественные работы; финансирование государственных предприятий.

Государственные расходы на товары и услуги возросли в большинстве капиталистических государств. Особенно значительный рост государственных расходов характерен для США. Доля текущих государственных расходов на товары и услуги в валовом национальном продукте составляет: в США — 18%, во Франции — 12, в Англии — 16% и т. д.

Значительная часть всех государственных расходов США, как и других современных капиталистических государств, является непроизводительной. «Сегодня

почти 50% каждого доллара расходов федерального правительства тратится на текущие военные нужды»¹, — признает американский экономист А. Бэрах. Возросшие государственные расходы капиталистических государств на финансирование научно-исследовательских работ были связаны прежде всего с развитием военной техники. Только за последние четыре года военные расходы стран НАТО, по официальным данным, превысили 440 млрд. долл.²

Роль государственных предприятий в экономическом росте и их финансирование за счет средств государственного бюджета в разных странах варьировались. Существуют большие различия между объемом государственной активности в странах Западной Европы, где имеют значительный удельный вес в экономике национализированные отрасли, и США, где они отсутствуют. Во Франции и Англии на государственные предприятия приходится около $\frac{1}{5}$ основного капитала. В других странах Западной Европы их доля была меньше, но почти во всех странах здесь существовала государственная собственность на электроэнергетику, газ, водоснабжение, железнодорожный транспорт, связь и т. п. Как правило, государственные предприятия имеют место в отраслях с высокой капиталоемкостью, их вложения представляли собой значительную часть конечного спроса и являлись важным вкладом в увеличение производственного потенциала.

Во Франции государственные предприятия играли значительную роль в экономике. В ранние годы реконструкции этим предприятиям предоставлялся приоритет в ассигнованиях; их расширение обеспечивало инфраструктуру для экономики в целом. В последующий период они стали в фарватере технических нововведений в таких отраслях, как автомобилестроение, электрификация железных дорог и т. д. Они проводили собственную политику цен и не имели значительных трудностей в обеспечении капиталом. Другое положение сложилось в Англии, где процесс национализации растянулся на длительный период и государственные предприятия не рассматривались как ведущий сектор в экономике.

В Италии государственные предприятия играли динамическую роль в экономике, осуществляли значитель-

¹ "USA and its Economic Future". Washington, 1964, p. 85.

² См. «Коммунист», 1974, № 15, стр. 97.

ный вклад в инвестиционные усилия страны и расширение промышленной базы. Государственные расходы играют значительную роль в развитии промышленности и инфраструктуры Италии.

Таким образом, прямое участие капиталистического государства в накоплении безусловно играет немало важную роль в стимулировании темпов экономического развития, что особенно характерно для стран Западной Европы. Однако и для этих стран и особенно для США большее воздействие на процесс накопления осуществляется через использование налоговой и кредитно-денежной политики, т. е. косвенным путем.

В практике государственного регулирования экономики капиталистических стран определенную роль играют так называемые трансфертные платежи (пенсии, пособия по безработице, болезни и т. д.), выплачиваемые из государственного бюджета. В некоторых странах Европы — ФРГ, Франции, Италии и Голландии — государственные трансфертные платежи превышают текущие государственные расходы на товары и услуги.

Трансфертные платежи в определенной мере способствовали расширению потребительского спроса. Однако эффективность их нельзя переоценивать. В условиях высокой занятости влияние трансфертных платежей на рост потребления невелико, поскольку финансирующие их налоги взимаются с населения. В условиях роста безработицы они оказывают более заметное влияние на поддержание спроса, особенно это относится к пособиям по безработице.

Кроме социальных платежей, государства производят и другие трансфертные выплаты, в частности субсидии для поддержания уровня доходов и активности в секторах экономики, испытывающих трудности сбыта (сельское хозяйство, угольная, текстильная промышленность). Выплата процентов по государственному долгу, размер которой зависит от величины долга и уровня процентной ставки, представляет собой один из крупных видов трансфертных платежей.

Хотя государственные капиталовложения в общественные работы не оказывают существенного влияния на совокупный спрос, ими иногда пользуются в целях смягчения циклических колебаний. Некоторые государства, например Швейцария, имели тщательно разработанную антициклическую программу общественных работ, но в

большинстве стран на протяжении почти всего послевоенного периода общественные работы отодвигались на задний план, чтобы создать благоприятные условия для других видов капиталовложений. Недостаточными являлись темпы роста строительства школьных зданий, дорожного строительства.

Основная цель финансовой политики правительства — расширить спрос в течение депрессии путем увеличения расходов и снижения налогов и, наоборот, сократить спрос в период подъема путем сокращения расходов и увеличения налогов. При этом предполагаются не только прямые действия, но и действия вторичного порядка.

Вторичное действие правительственных расходов определяется в количественном выражении как «правительственный мультипликатор» — отношение роста в национальном доходе к увеличению в правительственных расходах. Предполагается, что инвестиции постоянны в то время, когда потребление взаимодействует с увеличением в доходе. Это означает, что каждое увеличение в доходе автоматически ведет к определенному увеличению в потребительских расходах, которое в свою очередь означает дальнейшее, хотя и меньшее, увеличение в доходе, часть которого будет расходоваться на дальнейший раунд потребления, и т. д.

Ряд буржуазных экономистов, как западноевропейских, так и американских, считают, что вовсе не обязательно соблюдать равновесие бюджета из года в год. Дефицит бюджета за один год и даже за несколько лет подряд, по их мнению, еще не свидетельствует о финансовой неустойчивости государства. Важно, чтобы бюджет был сведен без дефицита в течение более длительного периода, соответствующего длительности экономического цикла. По мнению буржуазных экономистов, в те годы, когда бюджет дефицитен, ничего страшного нет, если государство прибегнет к внутренним или внешним займам.

Условия для использования теории «циклического бюджета» на практике создались в США в 50-х годах. В середине 50-х годов под влиянием бума экономика США потребовала новых вложений капиталов. Бюджет государства был напряжен. Налоги не могли увеличиваться беспредельно, тем более что монополии проводили в жизнь требование о снижении с них налогов. Поэтому возможности государства оказывать помощь мо-

нополиям своими капиталовложениями при сбалансированном бюджете были ограничены. Тогда и встал вопрос о циклическом бюджете, т. е. об увеличении финансирования капиталовложений за счет бюджетного дефицита, который должен покрываться займами.

Огромный рост государственного долга в результате дефицитности бюджетов и превращения долга в постоянную и важную черту экономики характерен для послевоенного развития крупных капиталистических государств, и прежде всего США. Так, за 1971—1973 гг. дефицит федерального бюджета США достиг 60,5 млрд. долл., а за 10 лет — 108,5 млрд. долл. при увеличении государственного долга за тот же период на 152 млрд. долл. В 1975 финансовом году (начинается 1 июля 1974 г.) дефицит государственного бюджета достигнет 51,9 млрд. долл. Правительством планируются расходы в 349,4 млрд. долл., а доходы в 297,5 млрд. долл.¹ Увеличение и колебание государственного долга является прежде всего результатом объективных процессов, характерных для капитализма периода его общего кризиса. В этих условиях государственный долг стал объектом и орудием определенной политики государства.

В целом экономический эффект государственных расходов капиталистических государств можно было бы значительно повысить. Но для этого требуется изменение структуры источников их финансирования и направления использования: резкое облегчение налогового обложения населения, увеличение налогов на корпорации, использование этих ресурсов не на военные нужды, а на жилищное строительство, бесплатное здравоохранение, просвещение, государственное социальное страхование, увеличение пособий по безработице, создание государственных предприятий, обслуживающих нужды населения. Буржуазное государство, действующее в интересах монополий, никогда не пойдет по такому пути. Лишь активная борьба трудящихся капиталистических стран заставляет правящую элиту идти на некоторые частные экономические уступки.

В течение последних 15—20 лет в большинстве промышленно развитых капиталистических стран проводилась широко рекламируемая буржуазными экономиста-

¹ "Economic Indicators", June 1974, p. 35; «Правда», 4 февраля 1975 г.

ми «политика доходов» с целью стабилизации цен, предотвращения инфляции, ускорения экономического роста, обеспечения равновесия платежного баланса, «справедливого» распределения доходов и т. п. Это официально провозглашалось в системе мер государственно-монополистического регулирования. В действительности опыт осуществления «политики доходов» показал, что она сводится главным образом к замораживанию роста заработной платы, тогда как действенного ограничения прибылей и других доходов правящих классов не происходит. Государственный контроль над уровнем цен и заработной платой осуществляется в интересах монополий. «Политика доходов» становится объектом острой классовой борьбы.

В условиях растущего размаха классовой борьбы монополии усиленно используют буржуазное государство для противодействия требованиям трудящихся о повышении заработной платы и осуществляют такую политику регулирования доходов, которая в действительности отвечает интересам господствующего класса. Большинство буржуазных экономистов рассматривает «политику доходов» в широком плане как средство борьбы с инфляцией, как способ «справедливого» распределения доходов, за которым стоят реально существующие капиталистические формы распределения, как средство преодоления внешнеэкономических противоречий. Предлагая установить жесткий контроль над заработной платой, буржуазные теоретики не выступают с программой контроля над прибылями и призывают к осторожности, когда речь идет о контроле над ценами, мотивируя тем, что этот контроль может отрицательно сказаться на общем экономическом развитии.

Проповедуя идею образования собственности у наемных рабочих посредством введения так называемой инвестиционной заработной платы (в ФРГ принят закон о введении такой заработной платы во всех отраслях промышленности), буржуазные экономисты стремятся принудительно использовать часть заработной платы трудящихся в интересах накопления, не затрагивая при этом коренных отношений собственности. Реальная действительность капиталистических стран свидетельствует о том, что «политика доходов» в этих странах осуществляется в интересах монополистического капитала. Вводя мероприятия о замораживании заработной платы, бур-

жуазные государства ищут выхода из экономических трудностей за счет трудящихся. Непрерывно растущая в капиталистических странах инфляция, спад производства в ряде отраслей экономики, сокращение занятости и рост числа безработных свидетельствуют о провале «политики доходов».

Число безработных в США превысило в 1974 г. 5 млн. человек, в Англии — 640 тыс., в ФРГ полная и частичная безработица затронула почти миллион рабочих и служащих. Инфляция захлестнула капиталистический мир. Только за прошлый год жизнь в промышленно развитых капиталистических странах подорожала на 10%, рост цен на продукты питания составил в США — 20%, Японии и Канаде — 15, Англии — 13, Италии — 12, во Франции — 11%¹.

Новый президент США Форд назвал инфляцию «врагом общества номер один». Несмотря на всю систему мер регулирования, цены на предметы потребления в США в 1973 г. возросли на 6,2%, в том числе розничные цены на продукты питания — на 20%. В октябре 1974 г. президент США Дж. Форд выступил на объединенном заседании обеих палат конгресса с изложением правительственной программы преодоления инфляции и экономического спада². Главными инфляционными факторами являются растущие цены на продукты питания. Страна столкнулась с серьезной проблемой обеспечения энергией. Дж. Форд также признал, что США вступили в самый продолжительный и самый тяжелый период спада в жилищном строительстве со времени окончания второй мировой войны.

Открывая одно из заседаний объединенной комиссии конгресса (1974 г.), заместитель председателя комиссии У. Проксмайр указал, что в стране высказываются «серьезные сомнения в том, что предложенные меры будут достаточными для преодоления» нынешнего экономического кризиса. Сенатор выразил несогласие с самим существом ряда правительственных мер, в частности с решением конгресса повысить налоги, взимаемые с американцев со средним доходом. Это, сказал он, происходит в момент, когда слишком много богатых лиц и корпораций вообще не платят налогов, пользуясь существ-

¹ См. «Коммунист», 1974, № 15, стр. 93, 95

² См. БИКИ. 15.X.1974 г.

вующими в законах лазейками. У. Проксмайр огласил данные объединенной экономической комиссии, согласно которым существующие в налоговом законодательстве лазейки позволили монополиям в 1970 г. недоплатить 38 млрд. долл., а в 1973 г. государство потеряло из-за этого уже 60 млрд. долл. Он также отметил, что в правительственной экономической программе не содержится практических мер, которые предотвратили бы взвинчивание цен монополиями. Коснувшись намерения правительства в качестве средств борьбы с инфляцией сократить федеральные расходы, сенатор указал, что это следует делать не путем урезывания ассигнований на решение социальных проблем, а за счет снижения военных расходов, которые, как он отметил, являются наиболее инфляционными.

Профессор Гарвардского университета Дж. Гэлбрейт, выступая в объединенной экономической комиссии, заявил, что проводимая в США в последние годы экономическая политика оказалась неэффективной, так как проблема инфляции не только не была решена, но еще больше обострилась. Гэлбрейт признал, что от инфляции в наибольшей степени страдают рядовые американцы и всякие попытки справиться с инфляцией неизбежно приведут к новым трудностям для всех граждан США.

Известный в США специалист в области экономики профессор бруклинского института О. А. Окуан отметил, что в правительственной программе делается явно недостаточный упор на меры, которые эффективно содействовали бы замедлению роста цен.

В бюджетном послании президента США конгрессу на 1976 финансовый год говорится, что экономика США находится в состоянии спада, уровень безработицы слишком высок, производительность труда снизилась. Согласно прогнозам правительства в текущем году ожидается сокращение валового национального продукта на 3,3% в реальном исчислении, увеличение безработицы до среднегодового уровня 8,1%, рост цен еще на 11,3%. Несмотря на огромный растущий дефицит федерального бюджета, дальнейший рост государственного долга, президент предлагает увеличить расходы на военные цели до 94 млрд. долл., что на 10,3% больше, чем в текущем году, и является суммой, как отмечается в США, беспрецедентной за всю историю США. Как видно из послания, львиная доля поступлений в госу-

дарственную казну — 106,3 млрд. долл. — это налоги с населения. В то же время налоги с корпораций составят всего лишь 14% от общей суммы поступлений в бюджет¹.

В новой финансовой программе предаются забвению острые социальные нужды миллионов американцев. С целью «экономии средств» правительство не будет предлагать никаких новых внутренних программ, за исключением программ, связанных с разработкой энергетических ресурсов.

Эти факты свидетельствуют о том, что государственно-монополистическое регулирование оказывается неспособным противостоять стихийным рыночным силам, преодолеть неустойчивость экономического развития капитализма. Они убедительно подтверждают вывод, сделанный XXIV съездом КПСС, что «попытки капитализма приспособиться к новым условиям не ведут к его стабилизации, как общественной системы. Общий кризис капитализма продолжает углубляться»².

Все усилия буржуазного государства вмешаться в процесс капиталистического воспроизводства направлены к тому, чтобы создать благоприятные условия для усиления эксплуатации трудящихся, в интересах монополий устранить растущие, затруднения реализации и смягчить кризисы, сохранить систему частнокапиталистического хозяйства. Все эти попытки базируются лишь на преобразовании в сфере обмена и не затрагивают основ производства, основ социально-экономической структуры.

¹ «Правда», 4 февраля 1975 г.

² «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 193.

I. СУЩНОСТЬ, ФОРМЫ И МЕТОДЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ПРОГРАММИРОВАНИЯ

В условиях усиления государственно-монополистического капитализма, роста обобществления производства, бурного научно-технического прогресса, углубления внутренних противоречий капитализма, возрастающего воздействия мировой социалистической системы буржуазное государство вынуждено прибегнуть к новой форме регулирования — программированию.

Капиталистическое программирование, ставшее одной из характерных особенностей современного капитализма, представляет собой систему мер государственно-монополистического регулирования, опирающуюся на разработку среднесрочных и долгосрочных программ и прогнозов экономического развития.

Развитие экономического программирования отражает объективно назревшую в недрах капитализма необходимость перехода к организованному способу ведения хозяйства, обусловленную ростом производительных сил и усилением капиталистического процесса обобществления производства. Конкретные условия перехода к экономическому программированию в большинстве капиталистических стран в послевоенный период были созданы такими факторами, как огромный рост концентрации производства, увеличение государственных инвестиций в различные отрасли производства и непродуцированную сферу (в развитие научных исследований и подготовку кадров), усиление контроля крупнейших монополий над хозяйственной жизнью капиталистических

стран, милитаризация экономики, огромное возрастание ресурсов национального дохода, мобилизуемых государственными бюджетами. Современная научно-техническая революция стимулирует процесс сращивания, слияния монополий и государства, способствует обобществлению, концентрации, росту мощного, высокоорганизованного производственного механизма и тем самым создает определенные возможности программирования производства, известного ограничения рыночной стихии.

Капиталистическое программирование зачастую определяют как индикативное планирование, т. е. как систему необязательных для частного капитала рекомендаций и методов косвенного воздействия через рыночный и финансово-кредитный механизм с целью побудить капиталистические предприятия развивать производство в соответствии с этими рекомендациями. Анализ реального содержания капиталистического программирования обнаруживает обычно скрывающуюся за ними систему экономических мероприятий, продиктованную интересами капиталистических монополий в области налоговой политики, политики цен, заработной платы, направления государственных расходов, закупок и заказов, и в итоге — усиление эксплуатации рабочего класса и всех трудящихся. Таким образом, буржуазное программирование не имеет ничего общего с действительным планированием, под которым понимается централизованное руководство экономикой в условиях общественной собственности на средства производства и сосредоточения всей политической власти в руках трудящихся масс.

Из правильного марксистского положения о принципиальном различии между социалистическим планированием народного хозяйства и программированием в капиталистических странах неправомерно делать вывод о неосуществимости или отсутствии определенной степени эффективности экономического программирования в условиях государственно-монополистического капитализма (определенная ориентация экономического развития на перспективу, стимулирование темпов экономического роста и структурных сдвигов, технического прогресса и т. д.).

В выступлении на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в июне 1969 г. в Москве Л. И. Брежнев, оценивая процессы, происходящие в

развитых капиталистических странах, говорил: «Все шире распространяются программирование и прогнозирование производства, государственное финансирование технического прогресса и научных исследований, меры, направленные на известное ограничение рыночной стихии в интересах крупнейших монополий. В ряде стран это приводит к известному повышению эффективности общественного производства»¹.

Не будучи действительным планированием народного хозяйства, принципиально отличаясь от него и по социальной природе, и по характеру и степени воздействия на экономический процесс, капиталистическое программирование представляет все же новую форму государственно-монополистического регулирования. Игнорирование этого нового явления чревато как недооценкой возможностей современного капиталистического государства, так и отказом от использования новых условий, форм и методов классовой борьбы пролетариата и общедемократической борьбы против господства монополий. Необходимо вместе с тем решительно отклонить реформистскую и ревизионистскую трактовки сущности капиталистического программирования, усматривающие в нем средства изменения самой природы капитализма, его трансформации, ликвидации классовых противоречий и необходимость классовой и общедемократической борьбы против основ капитализма.

Экономическое программирование, эволюционируя из старых, традиционных форм и методов капиталистического регулирования экономики, отличается от них. Оно представляет собой попытку активно влиять на экономическое развитие, на темпы, отраслевые пропорции и структурные сдвиги в условиях обострения противоречий капиталистического воспроизводства. Его характерная особенность состоит в том, что оно имеет не эпизодический характер, а становится постоянным институтом экономической системы капитализма, что оно стремится охватить своим воздействием не отдельные экономические процессы, а капиталистическое воспроизводство в целом. Конъюнктурное регулирование, ранее находившееся в центре внимания экономической политики бур-

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий». Документы и материалы. М., 1969, стр. 44.

жуазных государств, подчинено в значительной мере этим задачам. Капиталистическое программирование свидетельствует о попытках буржуазного государства совершить переход от не связанных между собой и нередко противоречащих друг другу методов влияния на экономическое развитие к более систематическому воздействию на воспроизводственные процессы. Указанная эволюция обусловлена прежде всего изменением стратегических задач монополистической буржуазии в ее политике, которая теперь все более определяется длительными интересами, долговременными целями правящего класса, стремящегося сохранить свое господство, предотвратить или ослабить становящиеся все более катастрофичными социальные конфликты. В этих условиях государственно-монополистический капитализм уже не может ограничиться разрозненными методами воздействия на экономические процессы.

Развитие практики государственно-монополистического регулирования экономики капиталистических стран вызвало к жизни в последний период, особенно в 50—60-х годах, различные формы экономического прогнозирования и программирования. В странах Западной Европы решающим фактором усиления регулирования и развития программирования явилась национализация и необходимость восстановления и модернизации экономики после второй мировой войны.

Классической страной индикативного планирования является Франция. Для концепции индикативного планирования характерны следующие моменты. Оно не заменяет собою рынка, а лишь дополняет его, является макроэкономическим, не предусматривает конкретной программы действий экономических агентов и не носит обязательного директивного характера. Характеризуя сущность индикативного планирования, французский экономист Бинар отмечает: «План считается индикативным, если он удовлетворяет двум условиям. Во-первых, наряду с установлением обязательных целей для всего или части государственного сектора экономики он предлагает необязательные перспективы сбыта продукции, капиталовложений и методы финансирования для экономических единиц. Во-вторых, план не ликвидирует рынка и для осуществления намеченных перспектив использует косвенные инструменты экономической политики (налоговая система, кредит, государственные рас-

ходы, регламентация цен и др.)»¹. В соответствии с такими принципами во Франции действовали шесть национальных планов, цели которых эволюционировали от восстановления разрушенного войной хозяйства в первом плане до проблем экономического роста, равновесия платежного баланса и обеспечения конкурентоспособности экономики в последующих планах в системе общего структурного программирования, призванного обеспечить структурные преобразования (развитие новых и прогрессивных отраслей, ликвидация «узких мест», создание инфраструктуры и т. п.).

Следует заметить, что во второй половине 60-х годов во французском программировании обнаруживались кризисные явления, вызванные тем, что в силу своей ограниченной и двойственной природы капиталистическое программирование не способно обеспечить устойчивые темпы экономического роста, выйти за рамки закономерностей капиталистического накопления, стать средством социального переустройства общества. Используя индикативное планирование, правящие круги Франции, как и других капиталистических стран, стремятся решать проблемы конкуренции, поощрения частных инвестиций, развития инфраструктуры и т. д. за счет широких трудящихся масс. В шестом французском плане, утвержденном в 1969 г. (1971—1975 гг.), уже не ставится задача достижения полной занятости и экономического равновесия².

В разработке седьмого плана развития экономики Франции на 1976—1980 гг. помимо Комиссариата по планированию, созданного осенью 1974 г., принимает участие Совет по планированию. На заседании этого Совета в ноябре 1974 г. обсуждались экономические и социальные задачи седьмого плана, а также вопросы методологии его разработки. Высказывалось предположение, что Совет по планированию может предложить сократить плановый период с пяти лет, как было принято во Франции до настоящего времени, до четырех, а плановым показателям придать скользящий характер, т. е. может быть предусмотрена возможность пересмотра этих показателей по ходу выполнения плана в зависи-

¹ J. Bénard. Le marché commun européen et avenir de la planification française. — "Problèmes économiques", 8 décembre 1964, p. 6.

² "L'Humanité", 5.X.1974.

мости от состояния экономики. Как сообщает «Эко», пока не ясно, как будут сформулированы задачи экономического развития в новом плане: будут ли это только макроэкономические показатели темпов роста валового внутреннего продукта, соотношение экспорта и импорта, занятости или же будут разрабатываться более детальные наметки развития отдельных секторов экономики.

Англия позже, чем Франция и другие страны Западной Европы, вступила на путь экономического программирования. Разработка первой макроэкономической программы Англии—«Национального плана»—относится к 1965 г. На 1971—1975 гг. принят новый документ—«Задачи будущего». В декабре 1974 г. состоялось очередное заседание Национального совета экономического развития, на котором обсуждалось экономическое положение страны, возможные последствия мер, принятых новым бюджетом, а также вопрос об увеличении инвестиций в промышленность. Выступая на пресс-конференции, директор бюро Национального экономического развития Мак-Интош заявил, что, по его мнению, программирование инвестиций в промышленность приобретает важное значение в условиях, когда капиталистические страны, в том числе и Англия, стоят перед тяжелым экономическим спадом. По мнению Мак-Интоша, конкретные перспективные программы инвестиционной деятельности могут быть составлены в таких областях, как использование энергоресурсов, разработка новых источников энергии, строительство нефтеперерабатывающих заводов, экспорт средств производства в нефтедобывающие страны. Программирование в национализированных отраслях английской промышленности, как указывает Мак-Интош, позволяет освободить отдельные компании от риска внезапных сокращений их инвестиционных программ¹.

В Италии в 1964 г. окончился срок действия десятилетней программы, известной как «План Ванони», в которой проблемы Юга рассматривались в связи с развитием всей национальной экономики. Цели экономической политики формулировались следующим образом: устранение безработицы, выравнивание доходов различных регионов, равновесие платежного баланса. Однако реализация этого плана не привела к осуществлению

¹ См. БИКИ, 17.XII.1974 г.

поставленных целей. То же самое можно сказать и о «Плане Пьерачини», срок действия которого окончился летом 1972 г. Безработица сократилась в меньшей мере, чем предполагалось в соответствии с этой программой. Как и прежде, неравномерно развивались отдельные отрасли экономики, увеличивался разрыв в темпах развития промышленности и сельского хозяйства и т. п. Все это свидетельствует о невозможности решения при помощи индикативного планирования острых проблем развития экономики капиталистических стран.

В малых странах Западной Европы (Голландия, Швеция, Норвегия) разрабатываются преимущественно краткосрочные экономические программы. В Голландии с ними координируются годовые государственные бюджеты, а также среднесрочные экспериментальные прогнозы на пять лет. В Швеции осуществляется разработка ежегодных прогнозов в виде национальных экономических бюджетов. Для Норвегии характерны экономические программы целевого, в том числе инвестиционного, регулирования.

Как и в странах Западной Европы, в Японии в послевоенный период получило развитие программирование экономики, которое достигло значительных масштабов и играет немаловажную роль в экономической политике государства. За период с 1946 г. в Японии было составлено свыше 10 национальных программ, не считая ежегодных проектировок, связанных с правительственным бюджетом¹.

Большое внимание в Японии уделяется промышленно-отраслевым программам, имеющим существенное значение для новейших отраслей экономики. Составлением этих программ занимаются монополии в сотрудничестве с министерством внешней торговли и промышленности. Эти программы ни в коей мере не являются составной частью «планов» в масштабах всего государства. Они

¹ К наиболее важным программам относятся: «Пятилетний план экономической независимости (декабрь 1955 г.)»; «Новый долгосрочный экономический план (декабрь 1958 г.)»; «Десятилетний план удвоения национального дохода (1960—1970 гг.)»; «Среднесрочный экономический план Японии (1964—1968 гг.)»; «План социального и экономического развития (1967—1971 гг.)»; «Новый план экономического и социального развития (1970—1975 гг.)»; «Основной план экономического и социального развития (1973—1978 гг.)».

ни по срокам и периодичности, ни по многим из своих показателей не совпадают с разделами общегосударственных программ. Отраслевые программы составляются по черной металлургии, электроэнергетике, военной промышленности, судостроению, автомобилестроению, связи, развитию науки и т. п.

В настоящее время, когда Япония заняла ведущее место в капиталистическом мире по объему производства и темпам экономического роста, она оказалась перед лицом новых сложных проблем. Среди них такие, как недостаток рабочей силы и рост цен, сверхконцентрация в городах и отравление окружающей среды, недостаток основных природных ресурсов при возрастающем объеме производства, недостаточное развитие инфраструктуры и т. п. Этим проблемам и уделяется большое внимание как в текущей экономической политике Японии, так и в разрабатываемых среднесрочных программах и долгосрочных прогнозах.

Прогнозы экономического развития Японии разрабатываются как по линии Управления экономического планирования, Японского центра экономических исследований, министерства финансов, так и различными частными организациями. В 1968 г. Управление экономического планирования Японии опубликовало прогноз «Япония в 1985 г.», где средний темп роста производства в течение 1965—1975 гг. предполагался равным 8%, а в 1975—1985 гг. — 7%. Однако Япония уже в том же 1968 г. достигла уровня производства валового национального продукта, предусмотренного в прогнозе на 1975 г. С тех пор было проведено несколько различных исследований, осуществленных разными организациями, и в частности Японским центром экономических исследований.

В 1973 г. был опубликован прогноз развития Японии на 1990 г., полученный на основе комплексной модели и послуживший базовым материалом для составления «Основного плана экономического и социального развития на 1972/74—1977/78 гг.» (см. табл. 3).

Важнейшей отличительной особенностью данного прогноза является отступление от сложившейся ранее практики преимущественного возрастания темпов экономического роста. На сей раз программа предполагает снижение темпов роста японской экономики до 9% в 1973—1980 гг. и до 6% в 1980—1990 гг. В качестве основного объяснения такого «крупного поворота» в эконо-

	Единица измерения	1970 г.	1990 г.	Среднегодовой рост 1961— 1970 гг. в %	Среднегодовой рост 1971— 1990 гг. в %
Валовой национальный продукт	млрд. долл. (цены 1965 г.)	156,6	1 300,0	11,1	11,0*
Валовой национальный продукт на 1 человека	долл. (цены 1965 г.)	159,3	10 000	10,5	9,6
Добывающая и обраба- тывающая промыш- ленность	1965=100	214	1 100	14,0	8,3
Черная металлургия .	млн. т	93	270	15,5	5,5
Нефтеперерабатывающая промышленность . . .	млн. кг	184	1 000	19,9	8,9
Спрос на электроэнергию	млрд. квт-ч	320	1 900	12,4	9,4
Доля в мировом потреб- лении нефти	%	7	12	—	—
Доля в мировом экспор- те	%	8,5	19	—	—
Сальдо по балансу теку- щих расчетов	млрд. долл. (цены 1965 г.)	1,7	86,0	—	—
Загрязнение окружающей среды	1972=100	102— 114	100	—	—

* 1973—1977 гг. = 9%; 1980—1990 гг. = 6%.

Источники. «Кэйдай сякай кихон кэйкаку». Токио, 1973, стр. 153.

номической политике выдвигается необходимость решения задачи преодоления значительного отставания в области социального развития. Однако основные, определяющие причины сводятся скорее к следующему: дальнейшие изменения производственной структуры не несут в себе высокой потенциальной возможности такого быстрого роста, как раньше; привлечение иностранной технологии не будет уже играть прежней роли, и Япония уделяет больше внимания развитию своей национальной

науки; в Японии наблюдается недостаток рабочих рук; усиление инфляционных тенденций таит опасность для быстрого роста; переход от политики поощрения экспортных операций, что являлось одним из стержневых факторов роста, к политике преимущественного увеличения импорта; переход к политике интенсивного вывоза капитала. Следует отметить, что в современных условиях, когда темпы производства в Японии, как и в других капиталистических странах, резко сократились, вызывает сомнение реалистичность составленных ранее прогнозов развития этой страны. Стремясь осуществить реконструкцию промышленности и обеспечить структурные сдвиги в экономике, восстановить военно-промышленный потенциал и завоевать позиции на мировых рынках, монополистический капитал Японии усиленно использовал систему государственного регулирования и программирования, близкого по своему характеру к индикативному планированию Франции.

В отличие от стран Западной Европы и Японии для США характерно сочетание текущего регулирования и разработки долгосрочных прогнозов, как отраслевых, так и макроэкономических, которые не являются решающими и тем более обязательными при принятии предпринимателями решений, в частности относительно инвестиционных программ. Сравнивая формы и методы программирования во Франции, в Японии и Норвегии, американский экономист Б. Носситэр пишет, что в этих странах правительство включено в экономику более глубоко, чем в США. В них государство не только действует как важный сектор экономики, но имеет более сильный голос в размещении фондов для инвестиций частными фирмами¹.

По мнению некоторых американских экономистов, в США существует экономическое программирование, которое складывается из трех видов программирования:

1) Так называемое программное планирование на уровне федерального правительства, правительства штатов и местных органов власти, т. е. разработка специфических программ (строительства школ, дорог, обучения и переподготовки кадров, подготовки почвы для транспорта и т. п.), связанных с использованием бюджетных средств;

¹ *B. Nossiter. The Mythmakers, Boston, 1964, p. 210.*

2) «Деловое планирование» в частных предприятиях — планирование на уровне корпораций;

3) «Планирование экономической политики», которое означает «планирование» на национальном уровне, если и не направленное непосредственно, то во всяком случае поощряющее развитие и использование ресурсов для достижения национальных целей. Если «программное планирование» и «деловое планирование» связаны с «планированием» для определенных программ или экономических единиц, то «планирование экономической политики» связано с экономикой в целом, определением таких целей экономики, как высокая занятость, желаемый темп роста, устойчивость цен, равновесие платежного баланса.

Начиная примерно с середины 60-х годов в США проводятся исследования в области определения национальной стратегии и национальных целей, отражающие стремление выработать долгосрочную концепцию социально-экономического развития страны с учетом как внутренних проблем, так и внешнеэкономических аспектов. Основным положением в программе национальных целей выступает определение приоритетов поставленных целей.

Все виды программирования требуют проектировок экономической активности наличных ресурсов, которые и разрабатываются в США. Примером таких долгосрочных проектировок являются экономические счета Национальной плановой ассоциации, которые используются для ориентировки правительства и предпринимателей и включают обоснование целей и средств их осуществления. Эти проектировки содержат альтернативные расчеты применительно к различным возможным направлениям экономической политики: так называемые модель-суждение и модель-решение, которые могут быть основаны на одних и тех же статистических данных, адаптируемых по-разному для различных целей. Модель-решение требует трех типов взаимосвязанных проектировок: желаемый уровень производства и занятости; вероятное развитие при условии сохранения существующего законодательства, политики и деловых позиций; предполагаемые изменения в законодательстве и политике, включая их воздействие на потребителя, труд и деловые позиции. Эта совокупность проектировок используется при исследовании предложений о сокращении налогов или другой политики в поддержку экономического роста.

Характеризуя степень развития экономического программирования в США, известный американский экономист Г. Колм пишет: «Вероятно, плановые усилия федерального правительства со временем будут лучше координироваться. Однако не похоже, что в ближайшем будущем деловые предприятия будут использовать официальные правительственные проектировки в качестве руководства в собственном инвестиционном планировании, как, говорят, это имеет место во Франции и в Японии»¹.

Хотя в США и не существует таких официальных органов планирования, как во Франции, в Японии, Англии, тем не менее возрастающая степень использования экономических проектировок как ориентира для принятия решений бесспорна как в практике правительственного регулирования, так и на уровне корпораций и отдельных предприятий.

В начале 60-х годов в США созданы органы регулирования, которые не только следят за конъюнктурой, но и пытаются оценить долгосрочные перспективы экономического развития, представить их в виде программ и моделей. Так, в США в августе 1962 г. сформирован специальный правительственный Комитет по вопросам экономического роста и учрежден Комитет исследований экономического роста, которые должны совместно изучать эти проблемы и выработать соответствующие рекомендации. В документах конгресса подчеркивалось, что создавшаяся в 1962 г. обстановка свидетельствует о том, что без массивного и оперативного вмешательства правительства экономическая стагнация может войти постоянным элементом в американский образ жизни. Здравый смысл требует, чтобы все остальное было подчинено этой цели.

Новые явления в практике регулирования находят свое отражение в организации и методах финансового управления. Так, произошли существенные изменения в системе финансового управления правительства США. Эти изменения коротко сводятся к следующему: усиливается контроль за использованием ассигнуемых фондов, координация действий верхушки важнейших центральных финансовых органов; принимаются попытки долгосрочного программирования в подготовке бюджета на

¹ "Weltwirtschaftliches Archiv", 1965, Heft 1, S. 3.

длительный срок. В 60-х годах в США нашла применение система так называемого планирования, программирования, бюджетирования (ППБ)¹, которая привлекла внимание и других стран, для которых характерно индикативное планирование. Однако применение системы ППБ, как и других форм и методов программирования, не в состоянии разрешить острейшие противоречия капиталистического общества.

В США долгосрочные правительственные прогнозы разрабатываются для ориентировки монополий, чтобы сделать возможным анализ рынка в динамике, основанный не на данных прошлых лет, а на предполагаемых ожиданиях. Решения, которые принимаются предпринимателями, определяются такими факторами, как цены и издержки производства, прибыль и доход². Тем не менее, по мнению Г. Колма, возрастающее использование экономических проектировок как ориентира для принятия решений в области инвестиций и других сфер экономической жизни свидетельствует о движении в том же направлении, что и индикативное планирование.

Среди сводных экономических прогнозов наибольшее значение имеют прогнозы Национальной плановой ассоциации на 1970 г. и исследовательской организации «Ресурсы для будущего на 1968—2000 гг.». Прогнозы основаны главным образом на анализе и экстраполяции тенденций экономического развития, потребности в сырье и энергетических ресурсах и перспективных технических коэффициентах, но без единой эконометрической модели.

¹ Система ППБ является одним из инструментов в мерах, предпринимаемых в масштабах государства в интересах правящих кругов США, по мобилизации ресурсов и их наиболее эффективному использованию. В основе системы ППБ лежит ряд подходов, связанных с современными методами управления: выявление долговременных целей и определение приоритетов, комплексный подход к изучению каждой проблемы, признание существования множества вариантов решения одной и той же задачи, обеспечение непрерывности в осуществлении программирования и проведение корректировки программ в процессе их выполнения. Подробнее о системе ППБ см. вступительную статью Б. З. Мильнера к книге «Новое в теории и практике управления производством в США». М., 1971; статью Ю. В. Катасонова и Е. А. Чижова в журнале «США: экономика, политика, идеология», 1972, № 1.

² Характерен такой факт, что в 1958 г. менее 200 корпораций имели отделы долгосрочного программирования, тогда как к 1964 г. их было более 700 («Long-range Planning for Management». New York, 1964).

Исследование начинается с прогноза численности населения, рабочей силы, валового национального продукта и других обобщающих показателей. Это служит исходной основой для характеристики объема и структуры американской экономики в 1960—2000 гг. При этом учитываются наметившиеся тенденции в структуре потребления (с учетом заменителей) и тенденции технического прогресса. Определение валового национального продукта проведено на основе прогноза численности рабочей силы и производительности труда, определения суммы компонентов спроса, суммы продукции отраслей и сфер экономики. Существенный интерес в прогнозе представляет метод обоснования необходимого объема производства средств производства исходя из прогноза потребности в предметах потребления.

Прогнозы на макроуровне, как правило, не составляются на базе отчетов и проектировок фирм, а являются результатом анализа прошлых тенденций, осуществляемого правительственными органами, научно-исследовательскими центрами и отдельными частными корпорациями. На базе этого анализа с учетом возможных перспективных изменений в технике, экономике, экологической среде, социально-политическом климате определяются параметры развития национальной экономики на будущее. При анализе перспектив роста промышленного производства США на 1985 г. учитывались следующие факторы: прошлые тенденции роста; объем расходов на научные исследования; возможность появления новых видов продукции; перспективы использования новых видов технологии и машин, сокращающих издержки производства; конкурентоспособность на мировых рынках; предполагаемые тенденции использования валового национального продукта по секторам экономики и составным его компонентам и др.

В практике регулирования долгосрочным прогнозам развития как на микро-, так и на макроуровне в последние годы уделяется большое внимание. В докладе о перспективах развития экономики США на 1985 г., подготовленном одним из крупных и влиятельных ведомств США, Макгроу-Хилл, отмечается: «Компании, которые составляют интенсивные программы исследований и развития, модернизации и автоматизации производственных мощностей, диверсификации и маркетингования в последующие годы, будут способны обеспечивать рост произ-

водственных мощностей, который проектируется. Компании, которые остановились в этих ключевых сферах, будут просто отброшены назад»¹.

В настоящее время Макгроу-Хилл исходит из того, что «если США не будут иметь большой войны и если в течение последующих 15 лет будет сохраняться полная занятость»², которая трактуется равной 95,5% занятых при 4,5% безработных, то основные показатели для США 1985 г. будут выглядеть следующим образом (в ценах 1970 г.): национальный продукт в целом составит около 1,73 трил. долл., или на 77% больше, чем в 1970 г.; численность населения — 240 млн. (на 17,3% больше); занятых — более 100 млн. человек; объем частных капиталовложений — 144 млрд. долл.; потребительские расходы — свыше 1,1 трил. долл. При этом авторы прогноза исходят из трех основных факторов экономического роста: доли работающего населения, количества рабочего времени, производительности труда. «Инвестиции в человека будут расти даже быстрее, чем инвестиции в заводы и оборудование в нашем технологическом обществе 1985 г.»³, — подчеркивают авторы прогноза, считая, что это будет серьезным фактором улучшения квалификации рабочей силы. Речь идет о вынужденных мерах капиталистического государства по подготовке квалифицированной рабочей силы в условиях современной научно-технической революции.

Растущая производительность труда является ключевым фактором экономического роста. Предполагается, что рост в частном секторе экономики составит 3%, а если включить и государственный сектор, то 2,5% в год по сравнению с 2,2% в 1955—1970 гг. При этом условии средний темп роста валового национального продукта составит 3,9% в год; в 1970—1975 гг. темп роста будет выше среднего, а в 1980—1985 гг. — ниже среднего. Таким образом, усиленного экономического роста в ближайшие 15 лет в США не предполагается. Проектируемый темп роста на предстоящие 15 лет — 3,9% в год ниже, чем темпы, проектировавшиеся четыре года тому назад на 70-е годы, так как появились новые факторы, препятствующие экономическому росту. В их

¹ "The American Economy Prospects for Growth to 1985". Washington, 1970, p. 1.

² Ibidem.

³ Ibid., p. 4.

числе: снижение роста населения, рост отраслей сферы услуг с низкой производительностью труда по сравнению с ее ростом в отраслях промышленности; сокращение в 1967—1971 гг. расходов на исследования и развитие, что может сказаться на производстве новых видов продукции в последующие годы; увеличение расходов на улучшение окружающей среды и др. Однако наряду с ними будут действовать и факторы, способствующие экономическому росту: стимулирование инвестиций через налоговые рычаги, правительственное стимулирование исследований и развитие для улучшения технологии и нововведений, предполагаемое расширение в перспективе рынков и изменения в области международной валютной политики и т. п.

Инвестиции в новые заводы и оборудование в США между 1970 и 1985 гг. возрастут примерно с 80 млрд. до 144 млрд. долл. Несмотря на предполагаемые меры государственного регулирования и стимулирования инвестиций (кредитные, налоговые), темпы капитальных вложений могут быть ниже в предстоящем десятилетии. Согласно прогнозу Макгроу-Хилл, должно быть потрачено 144 млрд. долл., чтобы возместить все технически устаревшие мощности, которые теперь составляют 12% от общего их числа. К ним относятся прежде всего железнодорожное оборудование и судостроение, где устаревшие мощности составляют 36%, производство стали — 26, текстильная и пищевая промышленность — 22% и т. д.

К концу 1970 г. $\frac{4}{5}$ установленных мощностей США были старше 10 лет и почти $\frac{1}{5}$ имели возраст свыше 20 лет, тогда как к концу 1966 г. только 35% мощностей были старше 10 лет, а 40% имели срок службы пять лет и меньше, т. е. проблема обновления производственных мощностей обострилась. В предстоящие годы крупные фирмы будут иметь больше возможностей, чем средние и мелкие, для использования как внутренних, так и внешних средств в этих целях, для увеличения инвестиционных программ с целью внедрения новых видов оборудования, отвечающих требованиям современного технического прогресса. В 1985 г. расходы на автоматизацию составят 40% из каждого инвестиционного доллара в обрабатывающей промышленности по сравнению с 27% в начале 70-х годов.

Ежегодный рост расходов на научно-исследователь-

ские работы составил 7,5% в период с 1945 по 1970 г. Предполагается и дальнейший их рост в ближайшие годы, связанный с намерением правительства США субсидировать расходы на научно-исследовательские работы в промышленности, которые должны возрастать ежегодным темпом в 5,5% и составлять 60 млрд. долл. в 1985 г. Большая часть этих расходов будет направляться в сферу производства потребительских товаров, а также на новые технологические процессы и промышленное оборудование.

70-е и начало 80-х годов не предполагают больших технологических вспышек, которые были специфичны для 60-х годов (полет человека на Луну и т. п.). Характерной чертой технического прогресса в начале 80-х годов будет новое практическое использование достижений физических наук. Наибольший приоритет в США будет отдан также таким проблемам, как экология, наземный транспорт и т. д.

Разработка долгосрочных проектировок развития экономики стала неотъемлемой частью принятия решений в области государственно-монополистического регулирования. Между долгосрочными прогнозами, составленными правительством и различными частными исследовательскими организациями и корпорациями, существуют подчас значительные расхождения. В феврале 1972 г. в Белом доме состоялась конференция 150 крупнейших американских экономистов, представителей правительственных кругов и монополий, с обсуждением прогнозов развития экономики США на 1990 г. Таким образом, хотя в США не разрабатываются общенациональные программы, как в странах Западной Европы и Японии, но разрабатываются сводные долгосрочные экономические прогнозы, межотраслевые балансы по методу «затраты—выпуск», а также проблемные комплексные программы и прогнозы.

Основную задачу государственного вмешательства как в форме регулирования, так и в форме программирования финансовая олигархия капиталистических стран видит в том, чтобы создавать условия для «удовлетворительного» функционирования монополистически регулируемого рынка; поддерживать «удовлетворительный» уровень деловой активности и смягчать чрезмерные его колебания; обеспечивать высокую норму эксплуатации. Все формы регулирования и программиро-

вания подчинены выполнению стратегических задач государственного-монополистического капитализма.

Методология капиталистического программирования определяется его принципиальными особенностями, проистекающими из двойственной природы государственно-монополистического капитализма. Поскольку капиталистическое программирование носит рекомендательный характер, главная задача его состоит в выяснении количественных зависимостей между переменными экономического роста, с помощью которых предполагается оказать влияние на развитие экономики методами косвенного воздействия.

В течение последних десятилетий в капиталистических странах проведены обширные теоретические и прикладные исследования эконометрических методов программирования. Получили широкое применение в практике капиталистического программирования национальные счета, межотраслевые балансы, макроэкономические и многосекторные модели.

Национальные счета, составляемые более чем в 60 капиталистических странах, представляют собой единую систему взаимоувязанных показателей, отражающих экономические процессы и результаты производства, потребления, накопления, распределения и перераспределения общественного продукта и национального дохода¹. Хотя внимание в национальных счетах акцентируется на движении доходов, в них находят отражение и вещественно-стоимостные аспекты воспроизводства. Являясь разновидностью балансовых построений, национальные счета представляют собой попытку создать интегрированную систему расчетов на макроэкономическом уровне.

Большую роль при этом играют попытки повысить аналитические возможности национальных счетов как инструмента экономического программирования путем их увязки с таблицами межотраслевых связей. Так, во Франции используются в экспериментальном порядке переходные матрицы отрасль—сектор. Такие матрицы разрабатываются для добавленной стоимости, валовых капиталовложений и численности занятых в производст-

¹ Подробнее см. о национальных счетах вступительную статью Б. Исаева к книге Р. Стоуна «Метод затраты-выпуск и национальные счета». М., 1964; статью В. П. Аксеновой и Л. Е. Горемыкиной в журнале «Мировая экономика и международные отношения», 1970, № 5.

венной сфере. На исследовании инвестиционных процессов сделан акцент в английской матрице национальных счетов. Система инвестиционных матриц «кембриджской модели» отражает перспективный материально-стоимостный кругооборот инвестиционных товаров в Англии. В ней специально выделен суммарный капитальный счет так называемых общественных секторов (общественных корпораций, частных лиц, органов центрального правительства, местных органов власти), позволяющий выявить как общую, так и отдельно по каждому сектору потребность в капиталовложениях. Необходимо отметить, что национальные счета и межотраслевые балансы стали одним из важных инструментов практики капиталистического программирования при составлении программ долгосрочного развития, и в частности инвестиционных программ, а также средством экономического прогнозирования.

Для современного этапа в развитии капиталистического программирования характерно соединение макроэкономических моделей роста с межотраслевыми моделями затраты—выпуск. Макроэкономические модели используются для анализа зависимостей между темпами роста национального дохода, потребления, инвестиций, трудовых ресурсов, внешней торговли, для определения возможных вариантов развития экономики на перспективный период и выбора одного из них как основы экономической программы¹. Двух- и трехсекторные модели дают возможность осуществлять укрупненный анализ структурных сдвигов и в известной степени конкретизировать основные направления развития экономики. Использование указанного инструментария программирования и эволюцию его методов можно наблюдать на примере Японии, накопившей значительный опыт в программировании и моделировании экономического развития.

Характеризуя в целом программы послевоенного восстановления и первые пятилетние проектировки экономического развития Японии, можно отметить следующие моменты: во всех первых программах имела место

¹ Анализ макроэкономических моделей см. в трудах советских экономистов Л. Б. Альтера, А. И. Анчишкина, А. Л. Вайнштейна, С. Н. Впшнева, Б. Н. Михалевского, С. М. Никитина, Ю. Я. Ольсевича, И. М. Осадчей, П. Ф. Почкина, А. И. Шапиро и др.

недооценка возможностей темпов экономического роста, т. е. количественные проектировки не отличались точностью, и в связи с этим очень часто намеченные программы пересматривались. Отсутствовала внутренняя взаимоувязка и согласованность между отраслевыми и макроэкономическими проектировками, что для Японии приобретает особое значение в связи с необходимостью обеспечения соответствующего импорта сырья. Не был решен вопрос о взаимосвязи между спросом и предложением. Неудовлетворительными оказались оценки уровня платежного баланса и инвестиционной активности.

Новая программа («Десятилетний план удвоения национального дохода на 1961—1970 гг.») отличалась от всех предыдущих программ несколькими чертами. Во-первых, были проведены различия между программированием для общественного и частного секторов; были более четко определены, а для частного сектора сформулированы общие рекомендации. В плане подчеркивалось, что правительственные намерения направлены на то, чтобы не устанавливать контроль над частными секторами, а обеспечить информацией, которая должна помочь им составлять собственные долгосрочные программы в соответствии с долгосрочной правительственной политикой. Во-вторых, сильнее, чем в ранних планах, подчеркивалась необходимость долгосрочной политики, формулировались рекомендации для поощрения экономического роста и «социальной стабильности». В-третьих, если в предыдущих планах такие факторы экономического развития, как необходимость общего образования, научной и технической подготовки кадров, рассматривались как нечто внешнее по отношению к экономическому программированию, то в «Десятилетнем плане» на них акцентировалось внимание.

Первоначальная модель, которая была использована при составлении «Десятилетнего плана», содержала все связи, представленные в национальных счетах. В единую координированную систему сводился количественный анализ таких многообразных показателей, как проектировка внешней торговли по районам и товарным группам, проектировки производства важнейших товаров, энергетический баланс, баланс труда и т. д. Первоначальная модель содержала около 50 уравнений, если учесть все мельчайшие структурные взаимосвязи.

Хотя эта модель имела ряд достоинств, ее построение

и методы вызывали ряд критических замечаний. 1) Модель разрабатывалась преимущественно на базе национальных счетов, но «предсказательная способность» ее ключевых структурных параметров оказалась весьма сомнительной. Примером может служить недооценка отношения капитал—продукция и уровня инвестиций; 2) Отсутствие анализа механизма цен явилось другим серьезным недостатком модели; 3) Внутренняя взаимосвязанность между агрегированными и отраслевыми проектировками также не была обеспечена в данной модели, как и в первых проектировках.

В первые три года осуществления «Десятилетнего плана удвоения национального дохода» возникли серьезные трудности, которые требовали его пересмотра. Предварительная работа для пересмотра «Десятилетнего плана» проводилась в Бюро планирования на основе использования межотраслевого анализа, который учитывает изменения в технических коэффициентах, коэффициентах импорта и уровней конечного спроса для целевого года. Так как частный сектор требует также информации о детальных компонентах будущего спроса и предложения для собственного использования, то правительственные проектировки на базе межотраслевого баланса должны были служить средством предупреждения сверхинвестирования или недоинвестирования.

Отсутствие промежуточных целей в действующем «Десятилетнем плане» критиковалось многими японскими экономистами. Высказывалось мнение, что долгосрочная модель должна включать промежуточные фазы роста, ограничивая число показателей к итоговому году плана. Вместе с тем она должна быть полностью увязана с ежегодной моделью, системой ежегодных правительственных бюджетов, чтобы обеспечить эффективную антициклическую политику. В 1963 г. началась работа по подготовке нового, «Среднесрочного экономического плана Японии на 1964—1968 гг.». Этот план рассматривается как поворотный пункт в послевоенной истории количественного программирования экономической политики Японии. Отличительными особенностями этой программы, по мнению японского экономиста, специалиста в области программирования Японии, Ш. Шишидо, являются следующие: применение моделей программирования типа моделей Тинбергена с инструментальными и целевыми точно сформулированными переменными; более

строгий эконометрический подход в оценке структурных параметров контрольного механизма взаимосвязи между долгосрочными и среднесрочными моделями и моделями отраслевыми и народнохозяйственными¹.

Для разработки этих моделей в Японии был проведен большой объем эконометрических исследований по линии Бюро планирования и Управления экономического планирования в сотрудничестве с Институтом экономических исследований и различных министерств. Были разработаны три типа макромоделей, которые использовались при подготовке «Среднесрочного экономического плана Японии на 1964—1968 гг.»: долгосрочная макро модель I — для проектировок на 1985 г., долгосрочная макро модель II — для проектировок на 1975 г. и среднесрочная макро модель — для проектировок на 1968 г. Первые две модели построены на базе долгосрочных ежегодных статистических рядов для того, чтобы проанализировать растущий потенциал японской экономики. Долгосрочные и среднесрочные модели взаимно дополняют друг друга, поскольку первые имеют дело с ростом производственных мощностей в длительной перспективе, а последняя — со стабилизационной политикой эффективного спроса в течение короткого периода.

Была разработана для 60 промышленных секторов и межотраслевая модель, но обратная связь с ней от секторского уровня к макроэкономическому не была обеспечена. Тем не менее была предпринята попытка взаимосвязи макроэкономических и секторальных проектировок, хотя бы для экспериментальных целей в виде объединенной модели. Данная модель предусматривает разбивку сводных показателей на 60 и 25 секторов, т. е. в данной экспериментальной модели сделана попытка увязать глобальный и более детальный подходы.

Помимо двух долгосрочных макромоделей на 1975 и 1985 гг., среднесрочной и межотраслевой моделей на 1968 г. была предпринята попытка разработки объединенной модели. Эта экспериментальная модель была построена, чтобы проверить взаимосвязь макроэкономических и отраслевых проектировок, базирующихся на среднесрочной макро модели и межотраслевой модели для 1968 г. Кроме того, модель предназначена для того, чтобы проверить взаимосвязь между совокупным эффек-

¹ "Economic Bulletin for Asia and the Far East", September 1965.

тивным спросом, проектируемым по среднесрочной макромоделю, и совокупными производственными мощностями, полученными из долгосрочной модели через механизм цен и зарплаты.

Рассматривая применение эконометрических моделей к «Среднесрочному плану Японии на 1964—1968 гг.», Ш. Шишидо подчеркивает необходимость улучшения моделей, и в частности межотраслевой и объединенной моделей, где функция труда и капитала требует совершенствования как в теоретическом, так и в статистическом отношении.

Как показывает анализ послевоенных программ экономического развития Японии, они претерпели определенную эволюцию и техника их составления усложнялась. Тем не менее многие важные проблемы экономического программирования Японии, по признанию самих японских экономистов, не решены.

Характеризуя значение национального программирования для частных фирм, японский экономист Ц. Ятанабе приводит следующие факты: в 1961 г. из 200 представительных фирм только 13 фирм не имели «плана», тогда как в 1952 г. их было примерно 100; из числа фирм, которые формировали долгосрочные «планы», 84% использовали правительственные программы как основу для них. «Это, однако, не означает, — пишет Ц. Ятанабе, — что национальное программирование Японии достигло полного успеха как экономическая политика и в смысле обеспечения взаимосвязи между правительственным и частным секторами экономики, и в смысле обоснованности и взаимоувязанности долгосрочных экономических, макроэкономических и секторальных проектировок»¹. Другой японский экономист, С. Иошлу, пишет о необходимости совершенствования техники программирования Японии с учетом ее специфических экономических особенностей проблем, требующих не повторения западноевропейского опыта, а разработки собственной теоретической системы и соответствующей классификации данных².

Следует отметить, что методология и практика мо-

¹ T. Watanabe. National Planning and Economic Growth, in the Japan. — "Quantitative Planning of Economic Policy". Washington, 1965, p. 242.

² "Planning for Economic Development", vol. II. New York, 1965, p. 1.

делирования экономического развития претерпела определенную эволюцию и во Франции, что находит выражение в усилении долгосрочного аспекта программирования, попытках использования программно-целевого подхода, учета региональных и внешнеэкономических проблем, развитии системы национальных счетов и разработке соответствующих видов моделей. Так, широко используемая во Франции модель финансового и физического равновесия (ФИФИ), рассчитанная на среднесрочный период и состоящая из 1600 уравнений, постепенно совершенствуется. При подготовке седьмого плана разрабатывалась модель ФИФИ—ТФО — материально-вещественная модель, включающая при учете обратных связей финансовые операции, методы прогнозирования развития отдельных отраслей и т. д. Специальные модели использовались для учета региональных проблем, как на международном, так и на национальном уровне, с целью выявить возможности повышения конкурентоспособности французских предприятий на внешних рынках, используя прогнозы совокупности экономических ситуаций для различных мировых зон и имитацию вариантов последствий экономической политики для каждой зоны.

Данные эконометрические модели бесспорно представляют определенный аналитический интерес, однако в них имеются крупные принципиальные недостатки, проистекающие как из принятой в качестве их основы буржуазной методологии, так и из внутренних противоречий экономического программирования в условиях капитализма. В этих моделях, как и в эконометрическом моделировании других капиталистических стран, выявление функциональных взаимозависимостей основных народнохозяйственных величин — национального дохода, капиталовложений и т. д. — не сочетается с попытками социально-экономического классового анализа. Авторы моделей совершенно абстрагируются от этого важнейшего аспекта исследования. Выполняя социальный заказ монополистического капитала, они не пытаются выявить глубокие противоречия капиталистического процесса производства.

Следует сказать, что аппарат современного капиталистического программирования — межотраслевые балансы, национальные счета, макромоделли — сформировался в известной мере под влиянием теории и практики

социалистического планирования, ряд идей и элементов которого заимствован буржуазными программистами. Так, методической основой межотраслевого баланса, национальных счетов является балансовый метод, широко применяемый с самых первых шагов становления практики социалистического планирования. Анализ проблем наиболее полного использования ресурсов, темпов и пропорций воспроизводства в теории и практике социалистического планирования также предшествовал их постановке в буржуазных теориях экономического роста и практике капиталистического программирования.

Перспективное планирование в СССР представляет собой пример практического решения названных проблем. Следует отметить, что эти проблемы не могут быть полностью реализованы в условиях политического и экономического господства монополий, при котором любые попытки воздействия государства на экономику, в том числе и через программирование, не могут изменить сущность государственно-монополистического капитализма. Эти попытки, как сказано в Программе КПСС, «не способны устранить конкуренцию и анархию производства, не могут обеспечить планомерного развития хозяйства в масштабе общества, ибо основой производства остаются капиталистическая собственность и эксплуатация наемного труда»¹.

2. ПРОГРАММИРОВАНИЕ В ОЦЕНКЕ БУРЖУАЗНЫХ ЭКОНОМИСТОВ

К необходимости использования программирования как новой формы регулирования пришли многие буржуазные экономисты. Однако современные буржуазные теории программирования капиталистической экономики не составляют единой самостоятельной концепции и основы программирования². Это

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 27.

² См. *Л. Б. Альтер*. Критика современной буржуазной политической экономии. М., 1973; *Г. Шпилько, В. Аксенова*. Критика буржуазных теорий капиталистического программирования. — «Плановое хозяйство», 1971, № 9; *В. Аксенова, Ю. Швырков*. Буржуазные экономисты о «капиталистическом планировании». — «Вопросы экономики», 1972, № 1.

сказывается и в трактовке причин появления и сущности программирования, в классификации его типов, в методологии и оценке эффективности. Английский экономист Блейк, определяя индикативное планирование как попытку поощрить более стабильный, быстрый рост с помощью прогнозов, ведущую к общей оценке предполагаемых тенденций, приводит слова профессора Джевкоса, что индикативное планирование не имеет теоретического фундамента, что интеллектуально оно — вакуум¹.

По мнению английского экономиста Гайлеса, программирование включает: анализ существующей экономической ситуации и прошлых тенденций; проектировки этих тенденций и попытки прогнозирования развития в будущем; дискуссии всех партий, преимущественно представителей правительства и отраслей, по поводу анализа и проектировок; исследование препятствий, мешающих наилучшему выполнению программ. Это определение, как признает сам автор, не раскрывает вопроса о том, как лучше выполнить намеченное, не говорит о необходимости выбора между альтернативами, когда цели политики несовместимы, и т. д.²

Итальянский экономист Дж. Леджитимо, пытаясь выяснить, было ли программирование фактором силы или слабости левого центра в Италии, и склоняясь к положительной оценке опыта, отмечает серьезные недостатки как в определении задач программы, так и в методах ее выполнения. Он отмечает, что в Италии была сделана попытка включить в «рамки программирования все неразрешимые проблемы, хотя далеко не ясными оставались и принципы, которыми руководствовались программирование, и методы, которым оно следовало, и средства, необходимые для его реализации»³.

Рассмотрев историю вопроса, Дж. Леджитимо пишет, что проблема программирования в национальных масштабах была впервые поставлена в 1962 г. Существовавшие ранее отраслевые и территориальные программы, схемы и проекты не носили общеэкономического характера. Основные задачи первой пятилетней программы экономического развития страны были сформулированы

¹ "Oxford Economic Papers", November 1968.

² "Manchester Economics Project". Edinburg, 1972, p. 329.

³ "Roma Idea", 1974, N 4, p. 8—12.

следующим образом: поддержание высоких темпов экономического роста; сокращение, а затем и ликвидация неравномерности территориального, отраслевого и социального развития; удовлетворение коллективных потребностей (образование, здравоохранение, научные исследования, транспорт и т. д.) благодаря соответствующим государственным мероприятиям. Отметив, что задачи, намеченные программой экономического развития на 1966—1970 гг., не были выполнены, автор анализирует причины провала и приходит к выводу, что они носят не технический, а структурный характер, что реализация программы невозможна без общих реформ законодательных органов программирования, государственного аппарата. Одним из слабых моментов в разработке программ, указывает Дж. Леджитимо, является отказ профсоюзов от сотрудничества по вопросам «политики доходов». Леджитимо не сомневается в целесообразности «политики доходов», однако отмечает, что «профсоюзы вряд ли будут соразмерять свои требования в соответствии с экономической программой»¹.

Дж. Леджитимо пишет, что не только не было обеспечено выполнение задач экономической программы, но не были даже намечены реальные пути подхода к их решению. Разбирая дальнейшие этапы программирования, в частности анализируя «Проект 80» и «Предварительный доклад к национальной экономической программе 1971—1975 гг.», Леджитимо отмечает, что этим новым разработкам трудно дать оценку, поскольку отсутствуют указания относительно принятых критериев, и сетует на то, что преемственность программ не обеспечивается.

Профессор факультета права и экономических наук университета в Гренобле Л. Низард пытается в своей статье показать, как «планирование, отражая социализацию средств производства и возрастающую взаимозависимость различных областей деятельности общества, стремится ограничить автономию частного контроля над этими видами деятельности»². Целью программирования во Франции, по мнению автора, является сокращение неравномерности развития отдельных секторов. Ос-

¹ "Roma Idea", 1974, N 4, p. 8—12.

² L. Nizard. La planification: Socialisation et simulation Sociologie du travail. Paris, 1972, p. 369—387.

новым нововведением шестого плана, по мнению автора, является создание единой комиссии по делам промышленности вместо многочисленных отраслевых комиссий, что позволило сосредоточить в ее руках значительные силы. В состав комиссии входят 30 человек во главе с представителем крупных предпринимателей отраслей главным образом экспортной ориентации. Основные усилия все больше сосредоточиваются на укреплении индустриального звена. Автор анализирует эволюцию основных механизмов согласования и констатирует, что до шестого плана для французского программирования было характерно следующее: консультации были интересными и разнообразными, хотя участие в принятии решений не было обеспечено. Шестой план знаменует явный отход от этих позиций, хотя в нем еще сохраняются принципы «демократического» согласования, но существенно изменяются структура системы консультаций, ее место в процессе разработки плана.

Научный сотрудник Института политических наук при Мюнхенском университете Ф. Ронге, рассматривая возникновение и развитие программирования в ФРГ, выделяет две причины, обусловившие переход к нему от традиционной государственной экономической политики: технический прогресс и необходимость перестройки инфраструктуры. Ф. Ронге пишет, что при современном уровне развития производительных сил капиталистическая система нуждается в программировании. «Государственное «планирование» становится необходимым в тот момент, когда «саморегулирование» процесса производства приводит или может привести к последствиям, угрожающим существованию самой системы»¹. Необходимость долгосрочного программирования обусловлена возможностью возникновения кризиса роста или снижения темпов роста. «Вместе с тем частнокапиталистические интересы мешают проведению «планирования» в интересах всей системы. Конфликт между интересами экономических субъектов ведет к тому, что анархия капиталистического производства повторяется на более высоком уровне»².

Ф. Ронге, прослеживая все последовательные этапы

¹ V. Ronge. Politökonomische Planingsforschung. — "Politische Planing in Theorie und Praxis". München, 1971, p. 153.

² Ibidem.

экономической деятельности государства в ФРГ в области инфраструктуры и политики экономического роста, начиная от создания Совета экспертов в 1963 г. и кончая рядом мероприятий в области науки и образования, указывает на то, что в ФРГ долгое время существовало предубеждение против программирования в теории и на практике, несмотря на его успешное применение в других странах Западной Европы. И лишь в период экономического кризиса (1966—1967 гг.) и прихода к власти «большой коалиции» программирование получило официальное признание. Однако возникновение программирования объясняется не только изменением процесса и условий производства. Ф. Ронге расценивает развитие программирования как вынужденную модификацию отношений, существующих между государством и рыночной экономикой. Программирование является «аппаратом для общественного регулирования производства», с помощью которого государство пытается предотвратить экономические кризисы.

По определению бывшего министра экономики ФРГ Шиллера, программирование экономического роста со времени экономического кризиса 1966—1967 гг. осуществляется в форме «глобального регулирования», важнейшими элементами которого являются «согласованные действия», долгосрочные и среднесрочные планы экономического развития и ориентировочные данные общеэкономического развития. Постоянной функцией государства является разработка ориентировочных данных и «согласованных действий». Ориентировочные данные, однако, носят индикативный характер. Все участники «согласованных действий» являются носителями определенных интересов; государство, в частности, представляет общеэкономические интересы (обеспечение устойчивых темпов роста экономики), предприниматели же заинтересованы в использовании капитала и получении прибылей. По мнению Шиллера, различие интересов всех участников и отсутствие у них единой общеэкономической цели приводят к тому, что в стране отсутствует соответствующее общеэкономическое программирование.

Буржуазные экономисты часто сводят «планирование» к технике составления программ и планов экономического развития, выхолащивая социально-экономическое существо этого процесса. «Планирование есть техника, которая может быть использована как в коллекти-

вистской, так и в капиталистической экономике»¹, — пишет Ван-Мерхеге, профессор Гентского университета. И далее, развивая свою мысль о том, что для эффективных действий правительства и домашние хозяйства и фирмы — все нуждаются в разработке плана действий, он трактует экономическое «планирование» как совокупность мер, которые правительство намерено ввести, чтобы достигнуть определенных целей. «Это не обязательно, — пишет Ван-Мерхеге, — означает большее правительственное вмешательство: если план ограничен определенными стратегическими факторами, то государство может играть меньшую роль, чем ранее, до составления плана. Мы разграничиваем императивное и индикативное планирование. В первом случае правительство издает обязательные директивы, во втором — просто указывает направления, по которым должен следовать частный сектор для достижения определенных целей»².

Стремление к планированию, не говоря уже о принципиальной невозможности широкого планирования при капитализме, представляет собой своеобразную попытку использовать новый механизм регулирования для все большего удовлетворения интересов монополистического капитала за счет общества.

Единой теории капиталистического программирования не существует. Это скорее конгломерат различных, подчас противоречащих друг другу концепций и трактовок по вопросу о специфике в целях программирования, основывающихся на идеях кейнсианства. Сторонники его считают, что капитализм перестал быть саморегулирующей системой, что для функционирования капиталистической экономики необходимо постоянное и всевозрастающее вмешательство буржуазного государства. Исходя из этого идеологи капиталистического программирования имеют разные точки зрения по вопросам о соотношении централизованного и децентрализованного управления капиталистическим хозяйством, о масштабах вмешательства государства в экономическую жизнь и т. д. Так, одни из них отождествляют «планирование» с более эффективной налоговой, кредитной и денежной политикой. Другие считают, что «планирование» должно включить

¹ M. A. G. Von Meerhaeghe. Economics: An Empirical Approach. London, 1971, p. 432.

² Ibidem.

в себя нечто большее, а именно более активное вмешательство государства в экономическую жизнь при централизации в его руках контроля над определенными стратегическими секторами экономики. Третьи видят весьма важным при определении «планирования» установление экономических целей и методов их реализации, имея в виду сочетание мер побуждения для достижения этих целей.

Буржуазные экономисты разграничивают антициклическое программирование, т. е. по существу краткосрочное регулирование и программирование развития. Обобщая опыт национального программирования более 100 стран Азии, Африки, Европы и Америки, американский экономист А. Уотерсон пишет: «...первое антициклическое характерно для промышленно развитых капиталистических стран с сильно развитым частным сектором и рынком»¹. Главной целью антициклического программирования является достижение экономической стабильности, высокого уровня эффективного спроса, который позволит полнее использовать капитал, труд и прочие ресурсы, тогда как программирование развития предполагает ускорение экономического роста и структурные изменения. Уотерсон не усматривает разницы в социалистическом планировании и программировании в условиях капиталистической системы хозяйства. Он считает, что в целом «планирование» можно определять различным образом, хотя большинство авторитетов, пишет он, согласны с тем, что «планирование» по существу есть организационная, сознательная и постоянная попытка выбрать наилучшую альтернативу для достижения определенных целей. «Планирование» включает экономическое использование ограниченных ресурсов. Оно используется для различных целей, различными общественными системами и различными путями. Оно не ограничивается рамками капиталистического или социалистического государства. Оно может быть использовано и в демократических и в социалистических странах. Оно применимо в мирное и в военное время². Итак, буржуазная экономическая наука пришла к признанию необходимости программирования, хотя применение некоторых элементов планомерности в условиях современ-

¹ A. Waterson. Development Planning. Baltimore, 1965, p. 14.

² Ibid., p. 26.

ного капитализма отнюдь не свидетельствует, как это утверждают некоторые буржуазные теоретики, о его «конвергенции» с социализмом, о тождестве капиталистического программирования с социалистическим программированием.

Среди экономистов и социологов Запада широкое распространение получила теория конвергенции. Не имеют под собой почвы утверждения сторонников конвергенции, согласно которым революция в технике ставит социализм и капитализм перед одинаковыми проблемами и тем самым обуславливает их конвергенцию. Попытки программирования в мире современного капитализма менее всего могут служить аргументом конвергенции двух систем, поскольку они являются свидетельством чрезвычайного обострения главных противоречий капитализма, неэффективности стихийно-монополистического регулирования.

Кардинальное изменение взглядов буржуазных экономистов по вопросу планирования свидетельствует о кризисе их традиционных политэкономических концепций, например концепции о рынке как единственном эффективном регуляторе производства, вечности этого регулятора. Повышение экономической роли государства не привело к перерождению капитализма, ибо остались незыблемыми его основные черты: отношение собственности, классовый антагонизм, эксплуатация, кризисы, безработица. Развитие производительных сил привело к тому, что новые условия производства замкнуты в старые рамки общественных отношений. Это еще более углубило и обострило основное противоречие капитализма.

Несмотря на разнообразие трактовок буржуазными экономистами типов «планирования» при капитализме, глубоких принципиальных расхождений между ними в оценке этого явления не существует. Все они единодушны в одном—экономическое программирование призвано защитить капиталистический способ производства с основным его принципом—частной собственностью на средства производства и обусловленным этим частнокапиталистическим характером присвоения результатов общественного труда.

Исходя из этого все большее число буржуазных государств стало применять программирование в своей экономической политике; они делают далеко идущие выводы, касающиеся существа производственных отно-

шений в современном капитализме, его целей, перспектив соревнования с социалистическими странами. Главное же, на что тратятся усилия идеологов капиталистического программирования, — это стремление доказать, что природа капитализма в корне изменилась, что капитализм превратился в «организованную систему».

В программировании находят прямое отражение те аспекты исследования экономического роста, которые составляют его предмет в узком смысле слова: роль отдельных технико-экономических факторов роста; разработка количественных методов определения взаимосвязей между отдельными факторами и темпами роста; технико-экономические взаимосвязи, определяющие потенциально возможные темпы роста; количественные пропорции, характеризующие устойчивость роста — условия динамического равновесия; природа механизма, который отражает отклонения от линии устойчивого роста, т. е. природа циклического развития капитализма.

Взаимосвязь между продуктом и затратами труда и капитала, являющаяся ключевой в исследовании проблемы экономического роста, выражается обычно производственной функцией.

В трудах буржуазных теоретиков экономического роста анализируются как проблемы количественного возрастания факторов производства, так и пути повышения эффективности их использования. При этом главный акцент делается на изучение инвестиционных процессов, проблем технического прогресса и научных исследований, воздействия образования как фактора экономического роста.

Идеологи капиталистического программирования, взявшие на вооружение теорию факторов, считают, что учет взаимосвязи факторов и должен стать центральной задачей программирования и может служить основой для выработки разумной экономической политики стимулирования экономического роста. Столь схематичное, поверхностное представление буржуазных идеологов программирования о механизме экономического развития и его движущих силах свидетельствует о неспособности современной буржуазной политической экономии при анализе экономики как единого целого выйти за пределы рассмотрения внешних функциональных ее связей.

Западногерманский экономист Р. Шлютер в своей

статье «Годится ли теория роста для практического использования?» подчеркивает практические трудности «наведения мостов» между теорией и практикой с помощью современных теорий роста. Автор рассматривает проблему соответствия между государственными и частными капиталовложениями и говорит о необходимости их оптимального соотношения. Вместе с тем он отмечает, что «современные теории роста совершенно абстрагируются от политической роли государства, что может привести к ошибочным экономическим и политическим выводам»¹.

Действительно, научный прогноз невозможен без учета социальных факторов: обоснованной, исторически проверенной теории общественного развития вообще и теории воспроизводства в особенности. Таковой является только марксистско-ленинская наука о законах развития общества и производства.

Вульгарный, апологетический взгляд буржуазных экономистов на основные взаимосвязи общественного развития наложил отпечаток на весь аналитическо-статистический инструментарий и методологию капиталистического программирования: национальные счета и макроэкономические модели.

Так, в национальных счетах, хотя они и содержат обширную и разностороннюю информацию о структуре экономики и взаимосвязях в ней, общественный продукт (его движение представлено в национальных счетах в двух аспектах) выглядит как равноценный результат деятельности тех же факторов производства. Понятно, что при этом исчезает из поля зрения сам механизм создания стоимости и прибавочной стоимости. Между тем, как указывал К. Маркс, земля действует, например, как фактор производства при создании потребительной стоимости, материального продукта — пшеницы. Но она не имеет никакого отношения к производству стоимости пшеницы².

Следовательно, национальные счета показывают внешние формы воспроизводственных процессов, не раскрывая их сущности. Поэтому не представляется воз-

¹ R. Schlüter. Eignit sich die Wachstumstheorie zur wirtschafts politischen Anwendung? — "Zeitschrift für die gesamte Staatswiss", 1973, N 4, S. 613—633.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 383.

возможным выявить социально-экономические условия производства и соответствующие им производственные отношения, которые определяют качественные особенности и закономерности развития.

Одной из новых проблем теории и практики экономического программирования, как пишет руководитель отдела программ Национального института статистики и экономических исследований в Париже Поль Дюбуа, является использование проектировок национальных счетов для системного описания основных показателей и регуляторов макроэкономического процесса и основных межотраслевых связей. Проектировка призвана показать, как увязываются действия, намеченные планом, имеющиеся прогнозы — с результатами, часть которых входит в число правительственных целей. Роль проектировок в индикативном планировании ограничена рамками последнего — выработкой ориентировочных показателей экономического и социального развития в среднесрочном (а частично и в долгосрочном) плане, а также уточнением необходимых мероприятий в рамках этих показателей. Если проектировки в текущих или в постоянных ценах практикуются во многих развитых странах, то лишь несколько стран удачно используют оба этих вида проектировок в единых моделях.

Во Франции производятся варианты долгосрочные расчеты роста, намечающие возможные структурные схемы экономического развития. Такие проектировки сопоставляются со среднесрочным программированием. Долгосрочные прогнозы и программы разрабатываются и в других капиталистических государствах. Так, в Швеции подготовлена в 1970 г. перспективная программа на 20 лет вперед, где отмечается: «Нет причин полагать, что имеется тенденция к более тесному увязыванию общего среднесрочного программирования и отраслевого долгосрочного программирования». Симптоматично признание в отношении основных принципов экономической политики и среднесрочного программирования в Швеции, что может быть отнесено к другим капиталистическим странам: «Среднесрочное программирование в Швеции определяется рядом фундаментальных принципов, касающихся управления экономикой, и условиями, в которых действует экономическая политика. Эти условия характеризуются индивидуальной свободой и децентрализацией процесса принятия решений. Центральное про-

граммирование носит индикативный характер и должно осуществляться в условиях неопределенности»¹.

Не вызывает сомнения, что построение достоверных моделей экономического развития, специально приспособленных для целей планирования, является одной из наиболее важных проблем экономической науки. Однако полное ее решение и использование невозможно в условиях капиталистической действительности. Эта задача может быть решена лишь в практике социалистической системы хозяйствования и планирования, поскольку необходимые для построения таких моделей исходные данные — перспективные параметры материалоемкости, фондоемкости и трудоемкости и др. — могут быть определены на строго научной основе только в этих условиях.

¹ ООН. ЕЭК. «Сводная записка о подготовке и выполнении среднесрочных и долгосрочных планов, программ и прогнозов в районе ЕЭК». Женева, 1974, стр. 8.

1. ЭВОЛЮЦИЯ В ТРАКТОВКЕ
ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Стимулирование темпов экономического роста через накопление явилось одним из главных направлений в практике регулирования и программирования большинства развитых капиталистических государств после второй мировой войны. Оно базируется на теоретических концепциях Э. Хансена, Е. Домара, Р. Харрода, П. Самуэльсона, К. Кларка и других буржуазных теоретиков экономического роста. обстоятельный анализ и критика этих концепций с марксистских позиций представлены в работах советских экономистов¹.

Характерной чертой современных буржуазных экономических теорий является то, что в объяснении важнейших экономических проблем решающее место отводится инвестициям. Капиталовложения занимают центральное место в современных теориях циклов, теориях экономического роста и государственного регулирования экономики, в развитии капиталистического процесса воспроизводства.

Кейнс полагал, что централизованный контроль буржуазного государства над инвестициями позволит преодолеть затруднения реализации, компенсировать недоста-

¹ См. *Л. Б. Альтер*. Буржуазная политическая экономия США. М., 1961; *Р. Х. Хафизов*. Критика теорий государственного регулирования капиталистической экономики. М., 1961; *И. Г. Блюмин*. Критика буржуазной политической экономии. М., 1962; *И. М. Осадчая*. Критика современных буржуазных теорий экономического роста. М., 1963; «Программирование капиталистической экономики». М., 1970 и др.

точность «эффективного спроса», расширение которого он считал важнейшей предпосылкой роста.

Современные теоретики экономического роста в отличие от Кейнса относятся более сдержанно к влиянию «эффективного спроса» на рост общественного производства, считая, что более важное значение приобретает рост капитала, рост производственных мощностей. В вопросах теории кризисов, а также регулирования экономики они исходят из того, что причина цикличности капиталистического производства, а вместе с тем и причина периодических кризисов и безработицы заключена в «колебаниях динамики инвестиций». «Частные инвестиции и государственные расходы — вот те области, где следует преимущественно искать объяснение изменений занятости и доходов»¹, — пишет Хансен. Буржуазные теоретики приписывают капиталовложениям свойство своего рода независимой переменной величины, от которой зависят другие переменные. Капиталовложения, в частности, рассматриваются как фактор, независимый от потребления, тогда как, как доказал К. Маркс, процесс накопления капитала носит противоречивый характер. И если в условиях капиталистической системы хозяйства нарушаются внутренние пропорции между производством и потреблением, то увеличение капиталовложений может привести не к росту производства, а к росту неиспользованных производственных мощностей, к росту безработицы.

Проблема накопления капитала в буржуазной политической экономии претерпела определенную эволюцию. В послевоенный период в условиях углубления общего кризиса капитализма здание буржуазной экономической науки перестраивается. «Если в 30-х годах почти все школы экономистов были озабочены проблемами экономических колебаний, причинами, вызывающими торговый цикл, и средствами борьбы с ним, то сегодня мы почти все стремимся понять причины экономического роста»², — говорил английский экономист, президент Международной экономической ассоциации Е. Робинсон.

Теоретики экономического роста — некейнсианцы стремятся динамизировать статическую модель Кейнса

¹ Э. Г. Хансен. Экономические циклы и национальный доход. М., 1959, стр. 70.

² "Problems in Economic Development". London — New York, 1965, p. XV.

и обосновать условия устойчивого равновесия с полной занятостью производственных мощностей и рабочей силы, а также выявить причины нарушения такого равновесия. Представители неоклассического направления, получившего развитие в конце 50-х годов, критически оценивают неокейнсианские концепции, в частности однопродуктовую модель Харрода — Домара, и обосновывают многофакторный анализ экономического роста (Р. Солоу, Дж. Мид, Н. Кальдор и др.). По-разному трактуется роль основного капитала в неокейнсианских и неоклассических теориях.

В моделях Харрода — Домара процесс роста основного капитала является основным элементом системы уравнений, образующих общую модель экономического роста. Известный американский экономист Хикман пишет: «Инвестиции являются источником спроса для текущего продукта и определителем роста запаса капитала и потенциального продукта. Этот простой трюизм есть сердцевина современной теории роста, которая была выношена в работах Харрода и Домара и широко развита Р. Солоу и другими в недавние годы»¹.

Как известно, в модели Кейнса решающее влияние на общий уровень хозяйственной активности оказывают инвестиционные процессы. В недостаточных размерах инвестиций Кейнс видел основную причину вынужденной безработицы, а в увеличении инвестиций такое расширение производства, которое может в то же время обеспечить «полную занятость», т. е. ликвидацию безработицы. Основное условие динамического равновесия экономической системы, согласно Кейнсу, состоит в том, что инвестиции данного периода должны равняться сбережениям за этот же период. По словам Дж. Кейнса, инвестиции определяют «так, что они по величине обязательно равны друг другу, будучи для общества в целом только различными сторонами одного и того же явления. Некоторые современные авторы (включая и меня самого в «Трактате о деньгах») дали, однако, такие специальные определения этих терминов, при которых сбережения и инвестиции не обязательно оказываются равными»². Согласно Кейнсу, нарушения в механизме

¹ B. C. Hickman. Investment Demand and U. S. Economic Growth. Washington, 1965, p. 3.

² Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег, стр. 71.

функционирования капиталистической экономики проистекают не из противоречий, присущих капитализму, а из «психологических склонностей» (недостаточная «склонность» к потреблению и чрезмерная «склонность» к сбережению). Для равенства сбережений и капиталовложений при полной занятости, согласно концепции Кейнса, необходимо государственное вмешательство в экономику, которое вызывает рост спроса на предметы потребления, а тем самым и на средства производства, поскольку главными факторами эффективного спроса, определяющего равенство между сбережениями и капиталовложениями, является спрос на предметы потребления и спрос на капиталовложения. В период Кейнса на переднем плане была тенденция хронического избытка капитала и связанная с ней тенденция хронической массовой безработицы. В этих условиях Кейнс акцентировал внимание на одной стороне инвестиционного процесса — так называемом доходном эффекте (оставив в тени его «производственный эффект»). Смысл «доходного эффекта» инвестиций состоит в том, что рост инвестиций вызывает повышение доходов, которое увеличивает потребительский спрос, что в свою очередь стимулирует увеличение производства.

«Доходный эффект» инвестиций связан с мультипликатором, который должен раскрыть количественную характеристику зависимости национального дохода от инвестиций, показать, в какой мере изменения инвестиционных затрат могут вызвать (посредством потребительских расходов) кумулятивные изменения национального дохода и занятости.

Если Кейнс и его ближайшие последователи толковали модель мультипликатора для краткосрочного периода, то позднее буржуазные экономисты расширили временные рамки действия мультипликатора, используя эту модель и в динамическом анализе.

Модель мультипликатора отражает попытки буржуазных экономистов проанализировать взаимосвязь между ростом национального дохода и капиталовложений. Однако она не учитывает реальных возможностей увеличения производства в капиталистической экономике не только и даже не столько за счет использования старых предприятий, сколько за счет создания новых или реконструкции старых. Она исходит из того, что дополнительный спрос может быть удовлетворен только за счет

привлечения дополнительной рабочей силы, отвлекаясь от возможности увеличения объема производства через повышение производительности труда, абстрагируясь тем самым от последствий технического прогресса. В тех случаях, когда увеличение объема производства происходит за счет создания новых предприятий, используется модель акселератора. Учет прироста производственных мощностей как следствие инвестиций и является характерной чертой перехода к перспективному анализу. Включение производственного эффекта в модель роста и учет условий, необходимых для обеспечения непрерывного долгосрочного роста экономики (динамического равновесия), связаны прежде всего с работами Р. Харрода и Е. Домара¹.

«Динамика», согласно Харроду, предполагает устойчивый темп роста в течение длительного периода в отличие от «статики», предполагающей простое воспроизводство (или такой рост, или сокращение производств, которые носят эпизодический характер). Харрод исходит из того, что в основе экономического роста лежат три фактора: рабочая сила, выпуск продукции или доход на душу населения, размер наличного капитала.

Первый вопрос, который следует поставить, считает Харрод, состоит в следующем: каким должно быть поведение капитала, чтобы оно было совместимо с ростом остальных факторов при условии, что процентная ставка остается неизменной². Харрод считает, что доход, обеспечивающий полную занятость в период t , не может быть достаточным в период $t+1$ потому, что в период $t+1$ инвестициями создаются дополнительные мощности. Как много расходов должно быть в период $t+1$, может быть определено взаимосвязью между капиталом и продуктом, т. е. коэффициентами капиталоемкости. Устойчивый темп роста производства, при котором используется весь прирост населения и все возможности увеличения производительности труда, Харрод называет «ес-

¹ Впервые свою теорию динамики Харрод изложил в статье, помещенной в «Экономик джорнал» в 1939 г. В 1947 г. им был прочитан цикл лекций в Лондонском университете, которые были опубликованы в кн.: «К теории экономической динамики». М., 1959. Анализ и критика теории Харрода даны в ряде работ советских экономистов, в том числе во вступительной статье Ю. Я. Ольсевича к данной книге.

² Р. Ф. Харрод. К теории экономической динамики, стр. 60.

тественным» темпом роста и обозначает G_n ¹. При устойчивом темпе роста производства, равном G_n , потребности в капиталовложениях будут выражены величиной $G_n C_r$, где C_r — «требуемый коэффициент капитала» представляет собой прирост основного и оборотного капитала, необходимый для обеспечения единицы прироста продукции. С точки зрения длительной перспективы, C_r у Харрода — величина постоянная при неизменной норме процента вследствие нейтральности технического прогресса. С длительным понижением нормы процента C_r имеет тенденцию возрастать (а с повышением — сокращаться), поскольку понижение процента стимулирует применение большей массы основного капитала (и наоборот). В действительности же, если рассматривать длительный период, величина коэффициентов капиталоемкости C_r зависит от целого ряда факторов: органического строения капитала, сроков службы основного капитала, скорости оборота оборотного капитала, удельного веса основного капитала в общей сумме основного и оборотного капитала, степени эксплуатации наемного труда.

Для обеспечения устойчивости темпа роста производства при полной занятости, по Харроду, инвестируемая доля дохода ($G_n C_r$) должна быть равна его сберегаемой доле (S). В этом Харрод близок к Кейнсу. Однако если у Кейнса размеры инвестиций определяются предельной эффективностью капитала (нормой прибыли) и предпочтением ликвидности (нормой процента), то Харрод (формула «естественных» темпов которого претендует отражать «вековые» тенденции) связывает эти размеры с ростом населения, техническим прогрессом и размером капитала.

Домар, как и Харрод, противопоставляя экономическую динамику статическим теориям, и прежде всего кейнсианству, рассматривает принцип акселерации как теоретическое положение, наиболее ярко отражающее динамичность экономики. Домар считает инвестиции основным фактором и движущей силой экономического роста в связи с указанной выше двойственностью эффекта инвестиций. Инвестиции, по мнению Домара, являются необходимым и достаточным условием роста на том основании, что увеличение мощностей производственного аппарата обеспечивается инвестициями (их про-

¹ Р. Ф. Харрод. К теории экономической динамики, стр. 60.

изводственный эффект). Но этого еще недостаточно, ибо для превращения возможности производства в действительность необходим эффективный спрос. Это условие у Домара выполняют те же инвестиции посредством «доходного эффекта», который позволил использовать производственные мощности, причем здесь инвестициям выпадает роль стимуляторов дальнейших инвестиций.

Темп роста Домаром рассматривается как функция двух факторов: склонности сберегать (α) и отношения продукта к капиталу (s), т. е. фондоотдачи. Чем выше α , тем больше должна быть доля инвестируемого дохода и больше последующий рост в доходе. Подобным образом, чем больше s , тем больше продукта может быть произведено при данной сумме капитала и скорее доход должен возрастать. Если национальный доход растет при относительном ежегодном темпе αs , равном требуемому темпу, то избыточное накопление капитала не должно иметь места.

Сумма капитала, которую экономика может поглотить, к данному уровню дохода и для данного периода времени ограничена¹, — считает Домар. Чем быстрее она накапливается, тем скорее инвестиционные возможности исчерпываются. Эта точка зрения базируется на предположении, что существует весьма устойчивая взаимосвязь между данной суммой ежегодного продукта и запасом капитала, необходимым для того, чтобы этот продукт производить, и, следовательно, инвестиционные возможности ограничены². По мнению Домара, такой взгляд широко принят в экономической литературе, но некоторые экономисты, в частности Ф. Найт и Г. Симонс, разделяют другую точку зрения, считая, что инвестиционные возможности неограниченны. Домар, возражая против такой позиции, пытается изолировать накопление

¹ E. D. Domar. *Essays in the Theory of Economic Growth*. New York, 1957, p. 109.

² Домар, как и Харрод, рассматривает процессы, которые выступают в современных теориях экономического роста под терминами «углубление» и «расширение» капитала. «Углубление» капитала (deepening) означает либо увеличение размеров капитала, потребляемого на единицу продукции, либо увеличение капитала, приходящегося на данную массу рабочей силы. «Расширение» капитала происходит в стране с растущим населением и рабочей силой. В таком случае отношение накопленного основного капитала к рабочей силе остается неизменным.

капитала от других факторов и вводит в связи с этим несколько допущений. А именно речь идет о частной капиталистической экономике, в которой правительство не играет большой роли; относительное распределение дохода между трудом и капиталом остается неизменным; отношение между ежегодным продуктом и капиталом, определяемое в виде s , является постоянным, хотя оно фактически не одинаково для различных отраслей и фирм. Если s не имеет некоторой стабильности, то все аргументы против позиций Найта и Симонса исчезают. Склонность сберегать, выражаемая через α , принимается стабильной, хотя она может быть функцией нескольких переменных. «Из устойчивости s , — пишет Домар, — следует, что для данного уровня дохода существует некоторый устойчиво определяемый запас капитала, необходимый для его производства, сверх которого инвестиции большего объема не будут увеличивать продукт»¹. Из этого следует, что, чем скорее капитал накапливается, тем скорее этот пункт насыщения будет достигнут, производимый при нем доход будет тем же самым. После того как этот пункт будет достигнут, в ответ на различные динамические изменения будут предприниматься только такие инвестиции, как появление новых методов производства и новых продуктов, рост населения и изменения в квалификации рабочей силы, появление новых фирм и т. д.

Действие принципа акселерации основывается на том, что изменения потребительского спроса с возрастающей интенсивностью передаются на различные ступени производства, причем между изменениями масштабов потребительского спроса и изменениями размеров инвестиций (по смыслу этого принципа) существуют прямые количественные зависимости. Для них характерно, что сравнительно незначительные изменения потребительского спроса приводят к относительно крупным изменениям масштабов инвестиций, т. е. к прогрессирующему возрастанию производства инвестиционных средств по сравнению с ростом спроса на предметы потребления. Итак, первоначальное приращение инвестиций через мультипликатор индуцирует рост доходов и валового потребительского спроса, который в свою очередь через

¹ E. D. Domar. *Essays in the Theory of Economic Growth*. New York, 1957, p. 111.

акселератор индуцирует новый прирост инвестиций (производные инвестиции) с новым эффектом мультипликатора и т. д.

Значение акселератора (в период t) можно определить как отношение абсолютной величины индуцированных чистых инвестиций к изменениям потребительского спроса. По существу принцип акселерации затрагивает балансовые и технические зависимости между производством средств труда и производством предметов потребления. Он пытается определить, в какой степени динамика производства инвестиционных средств опережает во времени (при данной технике производства) темп производства предметов потребления.

Один из важнейших недостатков теории акселератора состоит в том, что она не позволяет объяснить всего процесса инвестирования в народном хозяйстве. Акселератор касается только тех инвестиций, которые обуславливаются (индуцируются) изменениями темпов роста потребительского спроса. Но в экономике имеются также инвестиции, не зависящие от изменения потребительского спроса. Это означает, что на процесс инвестирования влияют и другие факторы, связанные с тем, что наряду с индуцированными инвестициями существуют так называемые автономные инвестиции.

Инвестиции рассматриваются как автономные в том случае, когда они производятся с расчетом на будущее, в частности инвестиции, связанные с техническим прогрессом, появлением новой продукции, инвестиции, окупаемость которых рассчитывается на более длительную перспективу.

Теории мультипликатора и акселератора автономных и индуцированных инвестиций представляют собой попытку буржуазных экономистов отразить закономерность во взаимосвязи капиталистического производства и потребления. Оценивая их значение, К. Кларк пишет: «Они (концепции мультипликатора и акселератора) играли полезную роль в прошлом, но теперь значительно устарели. Необходимо заменить их значительно более сложными и точными моделями, которые делают должное допущение для системы временных лагов. По мере того как мы двигались вперед в 50-х годах, начинало казаться очень сомнительным, составляет ли устаревший десятилетний цикл еще уместную идею. Но Харрод и Домар переориентировали свои теории в направлении достиже-

ния и сохранения устойчивого экономического роста с полной занятостью скорее, чем в направлении анализа колебаний. Они считают, что каждая единица чистых инвестиций должна давать регулярное добавление к национальному продукту в будущем в зависимости от коэффициента капитал — продукция»¹.

Итак, в то время, как кейнсианское равновесие требовало равенства между фактическими сбережениями и желаемыми инвестициями, модель роста требует для обеспечения равновесия определенной связи между основным капиталом и темпом роста продукта. Центральное положение этой концепции состоит в признании того, что инвестиции являются создающими производственные мощности. Это положение явилось главным нововведением, которое повернуло кейнсианскую теорию к теории роста. Ключевым параметром стал коэффициент капитал — продукция. Однако модель роста Харрода — Домара содержит целый ряд допущений, обесценивающих ее практическое значение².

Во-первых, у Харрода, как и у Домара, темп роста является функцией только одной переменной величины — накопления капитала. Труд, согласно их концепции, может быть введен в систему, но только как постоянное отношение капитал — труд. Во-вторых, в результате постоянства двух величин — доли накопления и капиталоемкости между ними нет функциональной связи. В-третьих, модель Харрода — Домара игнорирует все возможности изменений, связанные с техническим прогрессом, так как он предполагается нейтральным, а коэффициент капитал — продукция — неизменным.

Рост производства в действительности происходил быстрее, чем можно было рассчитывать при темпе затрат капитала с постоянным отношением капитал — продукция. Ряд экономистов, Абрамович, Кендрик, Шмуклер и многие другие, пришли к заключению, что американский опыт не дает оснований считать, что «углубление» капитала было главной причиной увеличения продукта на работающего. Их исследования показали, что менее $\frac{1}{3}$ в росте производительности труда связано с увеличением капитала на рабочего, а осталь-

¹ "Weltwirtschaftliches Archiv", 1965, Heft 1, p. 3.

² Критику теории роста Харрода — Домара см. И. М. Осадчая. Современное кейнсианство. М., 1971.

ное — результат технического прогресса и других факторов¹.

В-четвертых, прирост продукции обеспечивается исключительно новыми капиталовложениями. Не остается места такому приросту, который был бы связан с привлечением дополнительной рабочей силы к имеющемуся оборудованию вследствие его высокой загрузки или улучшения организации производства. Поскольку модель Харрода предполагает неизменным отношение капитал — продукция, она игнорирует повышение отдачи существующего оборудования и внедрение нового, не допускает возможности выбора между более или менее капиталоемкими методами производства.

Тем не менее политика регулирования инвестиций, разработка моделей на макроэкономическом и отраслевом уровне в практике программирования капиталистической экономики, в значительной мере базировалась на коэффициентах капитал — продукт. В то время как созданная Кейнсом теория в сущности была целиком подчинена требованиям антикризисной политики, современная политика должна дать ориентир монополистическому капиталу в осуществлении долговременной программы капиталовложений.

Слабость моделей роста Харрода — Домара, где рост есть результат взаимодействия между сбережениями и отношением капитал — продукция и капиталом как двигателем экономического роста, привела западных экономистов к исследованию более сложных моделей, которые допускали изменения как в труде, так и в капитале и взаимозаменяемость труда и капитала.

Первым из них надо назвать Р. Солоу. В 1957 г. Солоу опубликовал статью, которая оказала значительное влияние на анализ экономического роста². В этом исследовании Солоу отделил воздействие на рост увеличения затрат труда, накопления капитала и сдвигов в агрегированной производственной функции.

¹ Шульц считает, что «запас» образования, воплощенный в рабочей силе (не в населении в целом), возрос почти в 8,5 раза с 1900 по 1956 г., тогда как запас воспроизводимого капитала вырос в 4,5 раза ("American Economic Review", May 1962).

² R. M. Solow. Technical Change and the Aggregate Production Function. — "Review of Economics and Statistics", 1957, N 3, p. 312—320.

При переменной факторальной пропорциональности и факторальном колебании цен он пытается показать, что экономический рост не является обязательно неустойчивым. Если предложение рабочей силы превышает спрос капитала, то цена труда должна падать по отношению к ставке процента, или если капитал превосходит труд, то цена труда должна возрастать.

Солоу пытается определить относительное значение углубления капитала и технического прогресса в приращении продукта на работающего. Его анализ базировался на агрегированной производственной функции типа Кобба—Дугласа:

$$Y = A(t)F(KL),$$

где Y , K и L представляют соответственно национальный доход, капитал и труд; $F(KL)$ предполагает однородность степени каждого, а $A(t)$ представляет нейтральный технический прогресс. Солоу приходит к выводу, что технический прогресс или сдвиги в агрегированной производственной функции составляют около 90% увеличения в продукте на душу населения. Применяя такую же методику, Б. Мазель, О. Ниитамо и другие поддерживают этот результат.

Некоторые буржуазные экономисты интерпретируют эти исследования таким образом, что накопление капитала имеет только незначительное влияние на экономический рост. Если это заключение принять, то следует, что инвестиционные процессы неважны для понимания сил, вызывающих сдвиги в производственной функции. Однако заключение Солоу базируется на предположениях, которые не дают оснований для такой примитивной трактовки. Солоу предполагает, что технический прогресс воплощен в новом капитальном оборудовании и, следовательно, накопление капитала имеет существенное значение для экономического роста. Солоу считает, что технические нововведения требуют воплощения в самых последних единицах капитала. Большую роль при этом играет и амортизация.

«Возмещение оборудования, — пишет Фергюсон, интерпретируя взгляды Солоу, — даже без позитивных чистых инвестиций позволяет осуществить технологические изменения, воплощенные в новых капитальных товарах. Подобным образом имеются широкие вариации улучшений в международных товарах и рабочей силе. Все

эти изменения имеют тенденцию к приращению продукта или добавленной стоимости без соответствующего количественного или стоимостного увеличения в затратах...»¹.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что, по мнению Солоу, инвестиции есть в лучшем случае необходимое, но далеко не достаточное условие роста. Недавние исследования, считает он, указывают на важность таких факторов, как наука, образование, здравоохранение.

Неоклассический подход был развит и Мидом². Общий вид производственной функции Мида

$$Y = F(K, L, R, t),$$

где t — время, трендовый фактор, выражающий постоянные технические улучшения. Если земля рассматривается неизменной, то

$$dy = VdK + WdL + dY',$$

где V — маргинальная эффективность капитала;

W — маргинальная эффективность труда;

Y' — увеличение дохода в результате технического прогресса.

Маргинальная эффективность капитала отличается от коэффициента капитал — продукция тем, что она измеряет увеличения в продукте, связанные с дополнительными единицами капитала при сохранении всех других затрат постоянными.

Намерения изолировать «вклады» каждого фактора вызвали критику среди других буржуазных экономистов. Так, например, резко протестует Кальдор. Он пишет: «Попытки Солоу и других изолировать вклад капитала и технического прогресса в увеличение производительности бесполезны. Производственные функции Кобба—Дугласа и другие не базируются на эмпирических исследованиях. Предположение, что функция однородна и линейна, что имеется единица эластичности взаимозаменяемости между трудом и капиталом и доходы зависят от масштабов производства, ни на чем не базируется, кроме условия, что предельная производительность объясняет доли факторов в распределении. Практически невозможно различать вклад в производи-

¹ "American Economic Review", May 1965, p. 296.

² J. E. Meade. A Neoclassical Theory of Economic Growth, Oxford, 1963.

тельность факторов увеличения капитала, технического прогресса или труда»¹.

С точки зрения Кальдора, взаимозаменяемость капитала и труда невозможна, поскольку определенный технический уровень твердо закрепляется в машинах. Чтобы произвести изменения в этом техническом уровне, требуются новые машины, и, следовательно, нельзя ставить технический прогресс в зависимость только от времени. Выход из неустойчивости, по мнению Кальдора, ложится через взаимосвязь между техническим прогрессом и отношением капитал — продукция. Кальдор категорически возражает против выделения технического прогресса в особую переменную, считая, что динамика капиталовложений одновременно характеризует технический прогресс. Он предлагает другую модель роста. Основные ее ингредиенты — потребительская функция, инвестиционная, базирующаяся на предпринимательских ожиданиях прибылей, и функция технического прогресса, которая выражает общее влияние капитала и нововведений на производительность труда². Согласно функции технического прогресса Кальдора, темп прироста дохода является линейной функцией от темпа прироста капитала или от темпов технического прогресса, что то же самое. Хотя Кальдор сам не говорит, но его функция технического прогресса может быть вполне совместимой с производственной функцией типа Кобба—Дугласа с нейтральными техническими нововведениями. Кальдор исходит из постоянного потока технических изменений, игнорируя то, что технический прогресс протекает неравномерно, что капиталоемкость изобретений не является стабильной, что связь между техническим прогрессом и ростом производства гораздо сложнее.

В неоклассических моделях роста в отличие от однопродуктовых моделей Харрода — Домара накопление капитала выступает как один из факторов, определяющих экономический рост наряду с трудом, природными ресурсами и техническим прогрессом. Установление зависимости роста национального дохода от темпов роста

¹ "Problems in Economic Development". London — New York, 1965, p. 309.

² N. Kaldor. A Model of Economic Growth. — "Economic Journal", December 1957.

всех указанных факторов является вполне оправданным в неоклассических теориях и шагом вперед по сравнению с неокейнсианским однофакторным анализом. Однако в основе неоклассических теорий с точки зрения создания и распределения стоимости лежит вульгарная теория факторов производства, согласно которой каждый из факторов в соответствии со своей предельной производительностью вносит свой вклад в создание общественного продукта и может претендовать на соответствующую долю в национальном доходе. Поэтому необходимо четко разграничить вульгарно-апологетическую концепцию факторов в неоклассических теориях и элементы рационального анализа реальных технико-экономических связей между ростом производства и факторами, определяющими этот рост. Эти связи нашли выражение в производственных функциях, математический аппарат которых разрабатывается и заслуживает пристального внимания, поскольку производственные функции могут найти широкое применение как показатель эффективности общественного производства и инструмент прогнозирования экономики.

Критически оценивая значение эконометрических моделей, и в частности производственных функций как инструмента для долгосрочной политики, итальянский экономист Спавента отмечал, с одной стороны, чисто статистические трудности в измерении функций, которые делают сами по себе всякие оценки коэффициентов сомнительными ввиду недостоверности и скудости основных данных (особенно в отношении капитала), и, с другой стороны, более сложные проблемы при построении временных рядов и во всех случаях идентификации и агрегирования. Спавента разделяет критику макроэкономических инвестиционных функций, которая содержится в работе Пазинетти¹, считая более многообещающим исследование инвестиционных взаимосвязей на секторальном уровне и в разрезе фирм на основе таблиц затраты — выпуск, когда очертания функций будут варьироваться в соответствии с техническими характеристиками по секторам и объемам фирмы в секторе. Спавента приходит к выводу, что использование инструментария производственных и инвестиционных функций скорее воз-

¹ L. L. Pasinetti. *Cyclical Fluctuations and Economic Growth*. Oxford, 1960.

можно в условиях централизованной плановой экономики, чем капиталистической.

В буржуазных теориях экономического роста принята попытка обосновать тезис, что капитализм преисполнен внутренних сил и способен обеспечить максимальное применение всех производственных ресурсов. Они абстрагируются от коренных противоречий и свойств капитализма, от возросшей в эпоху империализма роли монополий, господство которых усиливает все противоречия капитализма. Не соответствуют реальной действительности основные положения концепции Харрода — Домара о постоянстве нормы накопления и капиталоемкости, о достижении «естественно» устойчивого темпа роста. «В целом в «теории роста» скрещиваются все основные тенденции современной буржуазной политической экономии, — писал Л. Б. Альтер, давая глубокую марксистскую критику современных буржуазных теорий, — 1) защита и оправдание монополистического капитализма, 2) попытки укрепить позиции капитализма в экономическом соревновании двух мировых систем, 3) обещание превратить капитализм в «общество благосостояния», 4) обоснование практики государственного регулирования для осуществления этих задач. Исторический опыт, однако, полностью опровергает все эти притязания буржуазной теории «экономического роста». Он обнаруживает все более углубляющееся загнивание капитализма, находящее свое выражение в неспособности использовать растущие производственные возможности общества, лживый и демагогический характер измышлений буржуазных экономистов об «обществе благосостояния», о «гуманном» и «регулируемом» капитализме»¹.

2. ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ПРОБЛЕМА ИХ МОДЕЛИРОВАНИЯ

Существует высокая степень корреляции между темпами экономического развития и инвестициями. Но взаимосвязь эта не проста. Темпы роста национального дохода зависят не только от темпов роста

¹ Л. Б. Альтер. Буржуазная политическая экономия США. М., 1971, стр. 571—572.

инвестиций, но и от накопленного основного капитала, структуры инвестиций, эффективности их использования, а также от темпов увеличения рабочей силы, производительности труда и других факторов производства.

Ряд буржуазных экономистов, в частности Хансен, считают, что статистическая взаимосвязь инвестиций и темпов экономического роста может быть значительно усилена, если рассматривать расходы на образование и научно-исследовательскую работу как часть капиталовложений. Разделяя подобную точку зрения, Кендрик, обращаясь к опыту США, писал, что мы сталкиваемся с кажущимся парадоксом, что рост в производительности ускорился значительно с 1919 г., тогда как доля валового национального продукта, предназначенная для капиталовложений, резко сократилась. Объяснение кажущегося парадокса можно найти в том факте, что сокращение в чистых материальных капиталовложениях на душу сопровождалось увеличением на душу «нематериальных капиталовложений», т. е. расходов на образование, медицинское обслуживание, научно-исследовательскую работу¹.

Концепция роста инвестиций в человеческие ресурсы находится в центре внимания современных западных экономистов². Многие теоретики экономического роста приходят к выводу, что изменения в качестве рабочей силы — важнейшее объяснение того факта, что экономический рост происходит в экономически развитых странах более быстро, чем можно рассчитывать по затратам капитала и труда (имея в виду только его количество). Американский экономист С. Кузнец, в частности, рассматривает технический прогресс и квалификацию рабочей силы, вместе взятые, как более важный фактор, чем основной капитал. Это положение иллюст-

¹ «Inflation, Growth and Employment». New York, 1964.

² Одной из работ, где предпринята попытка измерить роль образования в национальном производстве, является работа Ф. Харбинсона и Майерса. Исследование охватывает 75 стран и сопоставляет индексы развития человеческих ресурсов (базируется на числе студентов, учителей, врачей, ученых и инженеров ко всему населению) и производства на душу населения. Авторы этого исследования заключают, что богатство нации и ее потенциал для социального, экономического и политического роста зависят от умения развивать и эффективно использовать природные способности людей. (F. Harbinson and C. Myers. Education, Manpower and Economic Growth):

рируется противопоставлением двух ситуаций: в одном случае страна имеет свой основной капитал разрушенным, но в то же время имеет хорошо подготовленную рабочую силу; в другом — капитальное оборудование в избытке, но квалифицированную рабочую силу только с двумя годами обучения. Экономика может быть перевооружена капитальным оборудованием в заметно короткие сроки. Больше требуется времени, чтобы подготовить квалифицированную рабочую силу. В экономическом росте, подчеркивает английский экономист Керн-кросс, решающую роль играют, по крайней мере в настоящее время, технические нововведения, которые далеко не всегда требуют дополнительного капитала.

В исследованиях западных теоретиков экономического роста все большее место занимает проблема количественного измерения соотношения факторов производства, проблема их взаимозаменяемости. Большую популярность приобрели работы Э. Денисона. Так, в расчетах Денисона отражены очевидные изменения в соотношении факторов экономического роста, которые действительно имели место в экономике США в первой половине XX в. и продолжают в настоящее время.

Таблица 4.

Соотношение темпов роста валового национального продукта и факторов экономического роста

	В целом			В расчете на занятого		
	1909—1929 гг.	1929—1957 гг.	1960—1980 гг.	1909—1929 гг.	1929—1957 гг.	1960—1980 гг.
Валовой национальный продукт	2,82	2,93	3,33	1,22	1,60	1,62
Труд (с учетом качественных изменений)	2,30	2,16	2,29	0,71	0,84	0,60
Земля	0	0	0	-1,58	—	1,65
Капитал	3,16	1,88	2,50	1,55	0,56	0,81
Рост в продукте на единицу затрат	0,56	0,92	1,14	0,56	0,92	1,14

Источник. *E. F. Denison. Why Growth Rates Differ. Washington, 1967, p. 43.*

Приведенные данные свидетельствуют о повышении эффективности производства, рассматриваемого на про-

тяжении длительного периода времени, об изменениях в соотношении факторов экономического роста.

Комментируя расчеты Денисона, С. Кузнец пишет, что общий рост реального национального дохода на занятого составлял 1,44% в год для 1909—1957 гг. (или 15,4% в десятилетие); вклад капитала и труда составлял примерно 12%, тогда как рост образования рабочей силы и увеличение продукции на единицу затрат, связанное с применением технического прогресса и прочими остаточными факторами, составил 85%¹. Тот факт, что увеличение в затратах человеко-часов и капитала, как таковых, играет меньшую роль в увеличении продукта на душу, отражает некоторые ключевые черты современного экономического роста. В условиях современного этапа производительных сил и современного технического прогресса, где решающую роль играет не просто количественный рост, увеличение физического объема основного капитала, а рост его эффективности, отдачи продукции на тот же объем фондов. Отношение капитала к продукту характеризуется тенденцией к снижению под действием капиталсберегающих технических нововведений, инвестиций в образование и повышение квалификации рабочей силы и т. д.

Громадный прогресс науки и техники ведет к росту в общественном масштабе отдачи продукции на единицу капитала и, следовательно, к снижению капиталоемкости, что в условиях капиталистической экономики вызывает обострение противоречий капиталистического воспроизводства.

Капиталоемкость играет важную роль как в объяснении реальных экономических процессов, так и в теории и практике программирования в капиталистических странах. Капитальные коэффициенты в соответствии с принятым в буржуазной экономической науке толкованием таких категорий, как капитал и продукт, исчисляются как соотношение величины капитала, с одной стороны, и продукции — с другой. Необходимо при этом иметь в виду, что определение и измерение капитала в буржуазных моделях экономического роста трактуется по-разному, но в основе всех толкований лежит буржуазная методология. При любой трактовке капитала буржуазная политэкономия не рассматривает реальные про-

¹ S. Kuznets. *Modern Economic Growth: Rate Structure and Spread*. London, 1966, p. 82.

изводственные отношения капиталистического способа производства, скрывая его эксплуататорскую сущность. Это признают в какой-то мере и ее отдельные представители. Селигмен, рассматривая трактовку капитала в анализе Найта и Фишера, пишет: «Недостаток категории фонда заключается в том, что в ней стираются лежащие в основе капитала социальные отношения, и, хотя она удобна для математической обработки, социологический аспект проблемы при таком определении исчезает совершенно. Представляется, что в этом смысле Марксово определение капитала как отношения между людьми обладает большими достоинствами»¹.

При расчетах капитальных коэффициентов в одних случаях под капиталом имеются в виду основные производственные фонды; в других — они учитываются вместе с землей; в третьих — включают и основной и оборотный капиталы; в четвертых — включают не только производственные, но и непроизводственные фонды.

Образование, например, классифицируется как потребление, хотя расходы на образование все чаще трактуются как «инвестиции в человека». Расходы на научно-исследовательские работы определяются как промежуточные товары, которые входят в стоимость конечного продукта, и они тоже могут иногда рассматриваться как инвестиции. Капитал может быть классифицирован различными путями в зависимости от физической характеристики и экономической функции.

В буржуазных моделях роста и практике программирования используются как средние, так и предельные капитальные коэффициенты. При их исчислении в знаменателе выступает национальный доход, так называемый условно-чистый продукт, валовой продукт. В реальной экономической действительности связь между затратами капитала и продуктом выражается в широком круге вариантов. Роль маржинальных коэффициентов капитал — продукция как метода прогнозирования продукта исходя из инвестиций является также весьма условной. В короткие периоды времени соотношения капитал — продукция заметно варьируются, тогда как в течение длительных периодов времени они могут давать близкие результаты.

¹ Б. Селигмен. Основные течения современной экономической мысли, стр. 433.

Необходимо иметь в виду, что капиталоемкость продукции — показатель, подводящий к проблеме измерения эффективности капитальных затрат, испытывает на себе влияние чрезвычайно многочисленных и противоречивых факторов. Особенно сложно сопоставление макроэкономических показателей капиталоемкости при международных сопоставлениях, так как встают проблемы цен и их соотношений, неодинаковой степени загрузки производственных мощностей, разной отраслевой структуры основного капитала и продукции и неодинаковых темпов экономического роста. Об этом следует помнить при непосредственных сопоставлениях показателей капиталоемкости в странах с различными темпами роста, какими являются США, ФРГ и другие развитые капиталистические страны.

Развитые капиталистические страны в настоящее время стоят перед структурными изменениями в общественном производстве, которые в значительной мере определяются современной научно-технической революцией. Под влиянием последней изменяется тип экономического роста, соотношение факторов экономического роста, изменяются его критерии, условия и последствия. Капиталоемкость является своего рода «барометром» этих явлений.

Первоначально, когда разрабатывались модели Харрода — Домара, считалось, что можно использовать коэффициенты капиталоемкости как базу для выбора инвестиционных проектов в инвестиционной программе. Однако неудовлетворенность этим критерием, связанная с тем, что модель Харрода — Домара предполагает лишь затраты капитала, не учитывая других факторов, привела к появлению другого показателя в концепциях современных теоретиков экономического роста, который учитывает относительный вклад других факторов. Традиционный подход к принятию решений исходя из коэффициентов капиталоемкости подвергается сомнению и в опыте программирования капиталистических стран. Так, различные ранние проектировки Японии с целью определить будущий инвестиционный спрос на основе коэффициентов капитал — продукция потерпели провал, потому что имели место большие расхождения в коэффициентах капиталоемкости и взаимозаменяемости труда и капитала. Управление экономического планирования Японии, как и органы программирования других стран, те-

перь экспериментирует с моделями, которые пытаются учитывать взаимозаменяемость труда и капитала и технический прогресс как в масштабе отдельных секторов экономики, так и в макроэкономическом разрезе, считая такой подход более надежным, чем традиционный подход исходя из коэффициентов капиталоемкости.

Отдавая должное капиталоемкости как показателю эффективности основного капитала или капиталовложений, неверно было бы переоценивать значение капитального коэффициента, считая его главным регулятором инвестиционного процесса. Определение необходимого объема основного капитала и капиталовложений на перспективу представляет собой сложную комплексную проблему, требующую учета многих и различных по своей значимости факторов, в том числе сложившейся отраслевой структуры, технического прогресса, специфики международных экономических отношений и т. д.

В буржуазных эконометрических работах и практике программирования большое место в последнее время уделяется инвестиционным матрицам и моделям. Из зарубежных инвестиционных матриц наибольший интерес представляют матрицы, разработанные в США. Так, например, в августе 1971 г. опубликована инвестиционная матрица, составленная Бюро экономических исследований США¹. Эта работа является частью исследований федерального правительственного комитета по проблемам роста и основана на информации межотраслевого баланса за 1963 г.

Но американские инвестиционные матрицы имеют крупные недостатки. Примерно половина инвестиционного оборудования была распределена косвенными методами. Данные о строительстве рассчитывались по большому кругу товаров преимущественно прямым счетом, однако они в значительной степени основаны на вторичных источниках, а не на прямых сведениях о строящихся объектах².

В течение последних двух десятилетий в США накоплен известный опыт моделирования воспроизводственных процессов. Среди различных моделей определенный интерес представляют инвестиционные модели. По назна-

¹ "Survey of Current Business", 1971, N 8, p. 16—22.

² См. «Среднесрочные программы капитальных вложений». М., 1972, стр. 173.

чению инвестиционные модели делятся на модели долгосрочного развития процесса накопления основного капитала и модели среднесрочного анализа инвестиционной деятельности частных предпринимателей. Первый тип моделей служит для всестороннего анализа динамики инвестиционных процессов национальной экономики на длительную перспективу. Второй тип инвестиционных моделей предназначен для выявления факторов, влияющих на изменение инвестиционных решений, принимаемых сравнительно на небольшой промежуток времени. Эти модели, с помощью которых изучаются инвестиционные циклы, пытаются вскрыть причины их возникновения.

При построении среднесрочных моделей инвестиционной активности перед экономистами стоят более конкретные задачи. Прежде всего они пытаются выяснить факторы, влияющие на внутреннюю динамику частных инвестиций, временную связь переменных, определяющих инвестиции.

Исходя из предположения, что налоговая политика существенно влияет на фактор накопления основного капитала в стране, американский экономист Йоргенсон включает в модель ожидаемых инвестиций подходящий налог в качестве переменной величины, определяющей инвестиции¹. Этим самым он пытается определить степень влияния различных ставок подоходного налога на уровень капиталовложений, чтобы внести на рассмотрение правительству определенные рекомендации в области политики налогообложения. Объем ожидаемых инвестиций в рассматриваемой модели в формализованном виде выглядит следующим образом:

$$I^t = I_t E_t + IR_t,$$

где валовые инвестиции (I^t) представлены как сумма инвестиций на расширение ($I_t E_t$) и инвестиций на реновацию (IR_t).

Критерием инвестиционной активности является прибыль, нашедшая отражение в показателе «чистой настоящей стоимости» фирмы. В основу оптимизации инвестиционного процесса положен принцип максимизации «чистой настоящей стоимости» при соблюдении опреде-

¹ "The Brookings Quarterly Econometric Model of the USA". Chicago, 1965.

ленных ограничений. Этот показатель отражает будущие поступления прибыли после произведенных инвестиций (приведенной, согласно теории, к настоящему моменту).

Объем ожидаемых инвестиций определяется с помощью модели при соблюдении двух необходимых условий. Первое предполагает заранее заданную технологию производства, которая находит отражение в производственной функции простейшего вида, выражающей зависимость между выпуском продукции (F), затратами труда (L) и капитала (K):

$$F = xLK = 0.$$

Второе условие предполагает равномерное списание изношенных основных средств. В уравнении связи изменение запаса капитальных средств определено как разница между валовыми инвестициями и заменой:

$$\dot{K} = I - \sigma R,$$

где \dot{K} — темп изменения запаса основного капитала;
 I — валовые инвестиции;
 σ — постоянная норма возмещения.

Инвестиционный процесс в модели представлен в динамической форме. Динамическим элементом модели является принцип «распределенного лага», который показывает распределение во времени запаздывания отдачи ожидаемых инвестиций.

Помимо этого, динамику переменных отражает функция спроса на основной капитал с применением метода дисконтирования. Суть дисконтирования заключается в приведении будущих денежных поступлений от произведенных в настоящий момент инвестиций по ставке ссудного процента к настоящим инвестициям. «Чистая настоящая стоимость» (NW) определяется как дисконтированный интеграл поступлений за минусом текущих и капитальных издержек и прямых налогов:

$$NW = \int_0^{\infty} e^{-rt} [I_t - T_t] dt,$$

где I_t — объем денежных поступлений;
 T_t — величина подоходного налога;
 r — норма ссудного процента.

Оптимальный объем ожидаемых инвестиций должен соответствовать максимальной величине «чистой настоящей стоимости». Функция ожидаемых инвестиций Йоргенсона имела своей целью охарактеризовать структуру инвестиционного процесса и его направления в зависимости от динамики различных факторов, определяющих инвестиции. Специфической особенностью этой функции является попытка найти зависимость между объемом инвестиций и ценами, уяснить связь между деятельностью предпринимателей и налоговой политикой правительства. Модель Йоргенсона является моделью ожидаемых инвестиций и не дает точных количественных характеристик для прогноза. Она может служить только основой для прогноза.

Для целей более точного прогнозирования инвестиционной активности предназначена другая функция, входящая в Брукингскую модель. Это так называемая реализационная функция Роберта Эйснера. С идеей создания такой функции Эйснер выступает не в первый раз. Первые попытки построения функции реализации ожидаемых инвестиций были предприняты в начале 60-х годов на микроэкономическом уровне. В Брукингскую модель вошла агрегированная «реализационная функция», смысл создания которой заключается в определении причины несовпадения фактических и ожидаемых инвестиций, вызванных различными внешними обстоятельствами, и в корректировании прогнозов¹.

В качестве теоретической основы создания инвестиционной функции Эйснера положен принцип акселератора, т. е. влияние объема производства на ожидаемые инвестиции. Основным критерием эффективности предпринимаемых инвестиций, естественно, служат ожидаемая от инвестиций прибыль и изменение стоимости основного капитала. Главным же измерителем прибыли инвестиций считается «ожидаемая связь между фактической производственной мощностью и будущим спросом на продукцию»². Ожидаемый спрос на продукцию в свою очередь определяется изменениями в предполагаемой реализации. Положительное влияние на инвестиции оказывают реализуемые прибыли, но Эйснер считает, что прибыли

¹ "The Brookings Quarterly Econometric Model of the USA", p. 95.

² Ibid., p. 96.

влиять на инвестиции в меньшей степени, хотя он включает их в функцию в качестве переменной величины. Капитальные вложения рассматриваются Эйснером как динамическая категория. Динамика представлена четырехквартальным запаздыванием.

Трудности практического использования агрегированной реализационной функции, по мнению Эйснера, заключаются в недостатке статистических данных, разнообразности факторов и причин, побуждающих предпринимателей менять запланированные инвестиции. Однако главная причина кроется в несостоятельности теоретической основы модели.

В условиях отдельных предприятий ее применение может дать положительные результаты, на макроэкономическом же уровне при капиталистическом ведении хозяйства полезность ее применения сомнительна. Сам метод изучения отклонений фактических величин от плановых может представить определенный интерес. Анализ параметров различных факторов, влияющих на изменение плановых показателей в динамике, мог бы отразить взаимосвязь первостепенных факторов с факторами второго порядка.

Моделирование инвестиционного процесса не ограничивается вышеизложенными моделями. В американской экономической литературе известностью пользуется также прогноз производственных инвестиций, сделанный Дж. Мейером и Р. Глаубером¹. Система показателей, влияющих на динамику индивидуальных капиталовложений, в модели Мейера — Глаубера включает величину используемой производственной мощности, объем прибыли, норму ссудного процента и коэффициент, отражающий степень изменения цен на оборудование.

Основным теоретическим моментом построения этой модели, так же как и предыдущей, явился принцип акселератора. Степень загрузки производственной мощности находит выражение в коэффициенте капиталоемкости. Авторы преследовали цель выявить связь факторов, характеризующих внутреннюю динамику инвестиционных расходов предприятий американской обрабатывающей промышленности. Выяснение внутренних взаимосвязей, движущих частные инвестиции, понадобилось ав-

¹ J. R. Meyer and R. R. Glauber. Investment Decisions, Economic Forecasting and Public Policy. Boston, 1964.

торам для того, чтобы, по их словам, «создать более аккуратную модель прогнозирования агрегированных инвестиций». Показатели ссудного процента, дивидендов, влияющие на образование источников финансирования, выступают в качестве основных переменных модели.

Не менее важная роль в модели отводится влиянию степени использования производственных мощностей на рост индивидуальных капиталовложений. В соответствии с этой задачей в модель включен динамический элемент. Для каждой независимой переменной величины устанавливается свой определенный лаг; например, прибыли входят в модель с запаздыванием в один квартал, тогда как уровень ссудного процента влияет на инвестиции с запаздыванием в три квартала¹.

Инвестиционным процессам отводится большая роль в трех основных типах моделей, разрабатываемых в ряде капиталистических стран (Франции, Японии и др.).

1) Агрегированные макроэкономические модели, используемые для анализа основных взаимосвязей между темпами роста национального дохода, потребления, накопления, трудовых ресурсов, внешней торговли. Исходя из этих моделей определяются возможные варианты развития на перспективный период, из которых затем отбирается наилучший, составляющий основу экономической программы. 2) Двух-, трехсекторные модели, дающие возможность укрупненного анализа структурных сдвигов — отношений между производством средств производства, промышленностью, сельским хозяйством и т. д. 3) Многосекторные модели, в основе которых лежит метод таблиц «затраты — выпуск».

Среднесрочные программы во Франции составляют с учетом долгосрочных прогнозов. Статистической и методологической базой является система национальных счетов, представляющих собой совокупность своеобразных балансовых таблиц, отражающих производство, распределение, перераспределение и использование общественного продукта на макроэкономическом уровне. Их основной методологический порок состоит в том, что общественный продукт в соответствии с буржуазной теорией факторов выступает в них как результат взаимодействия капитала, труда и земли.

¹ Подробнее об этом см. *Р. А. Мишукова. Несостоятельность теоретических основ моделирования инвестиций капитала (на примере США). — «Экономические науки», 1972, № 4, стр. 101.*

На исследовании инвестиционных процессов сделан акцент в английской матрице национальных счетов. В системе инвестиционных матриц Кембриджской модели специально выделен суммарный счет так называемых общественных секторов (общественных корпораций, органов центрального правительства, местных органов власти), позволяющий выявить как общую, так и отдельную по каждому сектору потребности в капиталовложениях.

Данные национальных счетов лежат и в основе эконометрических моделей, разрабатываемых в Японии. Потенциал роста экономики в них определяется тремя факторами: размерами свободного капитала (даются функцией сбережений); развитием производства в результате научно-технического прогресса; распределением наличного свободного капитала между государственным и частным секторами (в производственной функции используется только показатель частных капиталовложений).

Таким образом, национальные счета и межотраслевые балансы стали одним из важнейших инструментов при составлении программ и прогнозов среднесрочного и долгосрочного развития, и в частности инвестиционных программ.

В практике эконометрического моделирования на микроуровне в разрезе отраслей и фирм большое внимание уделяется принятию решений о капиталовложениях, что предполагает выбор цели вложения, технический вариант его реализации, определение горизонта программирования капиталовложений с учетом срока службы. Моделирование капиталовложений в масштабах отрасли представлено в монографии французского экономиста П. Массе¹. В ней рассматриваются методологические проблемы оценки капиталовложений, соответствующие математические модели, а также решается значительное количество конкретных задач оптимального развития и выбора направлений капиталовложений, которые частично использованы на практике. Важное место в работе занимают вопросы, касающиеся определения понятия капиталовложения, учета фактора времени, нахождения критерия отбора вариантов вложений на разных хозяйственных уровнях, для различных условий и ситуаций. В качестве критерия отбора проектов капиталовложений

¹ См. П. Массе. Критерии и методы оптимального определения капиталовложений. М., 1971, стр. 63.

Массе избрана дисконтированная суммарная прибыль, расчет которой предполагает использование процентной ставки или нормы дисконтирования. Оптимальное решение для каждого отдельного случая можно получить, по его мнению, только при условии максимизации дисконтированной суммарной прибыли одновременно по трем переменным: целевому назначению, техническому решению и сроку службы.

Применение метода дисконтирования практически сводится к распространению на будущее современной рыночной процентной ставки, поскольку не предложены лучшие решения. П. Массе считает, что в условиях капиталистической экономики метод дисконтирования более приемлем, чем критерии максимизации нормы эффективности, минимума себестоимости или срока окупаемости.

Методике дисконтирования отдают предпочтение и английские экономисты А. Меррет и А. Сайкс. Сравнивая этот метод с расчетом балансовой нормы прибыли, они отмечают, что «одним из достоинств метода дисконтированного денежного потока является то, что он автоматически отражает влияние налоговых льгот (в частности, ускоренной амортизации) на норму прибыли, тогда как при балансовой норме прибыли происходит усреднение амортизационных отчислений исходя из срока службы проекта, хотя фактически эти отчисления производятся в течение одного-двух лет этого срока»¹.

В качестве примера отраслевой модели можно привести модель «Капиталовложения на 1985 г.», разработанную Управлением электроэнергетики Франции. Эта модель является составной частью теоретических исследований, содействующих разработке решений, принимаемых Управлением электроэнергетики Франции в области капиталовложений. Цель данной модели заключается в том, чтобы осветить динамику оптимальной структуры оборудования по выработке электроэнергии во Франции до 1985 г. и наметить его распределение на крупные районы. Капиталовложения Управления электроэнергетики Франции (УЭФ) представляют примерно 5% валового прироста основных фондов во Франции. При выборе объектов капиталовложений УЭФ использовало перспективный глобальный метод, имеющий целью выявить бу-

¹ A. Merret and A. Sykes. DCF — a Basis for Realistic investment. — "The Manager", December 1963.

душие тенденции и крупные возможности выбора в длительном разрезе, с одной стороны, и детальные исследования, учитывающие характерные особенности каждого проекта, — с другой. Таким образом, глобальные и детальные исследования дополняют друг друга настолько, что по крайней мере теоретический способ разрешения проблемы определения программ капиталовложений заключается в ряде итераций, использующих попеременно оба этих метода, причем исходная точка каждого этапа исчисляется на основании результатов предыдущего этапа. Были предприняты попытки согласовать наиболее интересные результаты, связанные с сооружениями, предусмотренными в рамках пятого плана, с будущими решениями шестого и седьмого планов. Ставка капитализации, равная 7%, была рекомендована первоначально Генеральным комиссариатом планирования после составления пятого французского плана.

Положительные стороны модели «Капиталовложения на 1985 г.»: разнообразие рассматриваемых видов оборудования (7 видов), продолжительность охватываемого периода, учет регионального аспекта и т. д. Однако в модели есть существенные недостатки, в частности не учитываются мероприятия по выводу оборудования из строя и связанная с ними последовательная замена оборудования.

Выбор 1985 г. не являлся произвольным: изменения, вызванные прогрессом ядерной техники, несомненно, осуществляются к этому сроку, рентабельные гидравлические ресурсы будут более или менее истощены, и, следовательно, доля гидроэлектроэнергии во французской системе производства будет уменьшаться еще более быстрыми темпами, чем в настоящее время; поэтому удовлетворение спроса в пиковые периоды станет, вероятно, существенно важной проблемой. Следует отметить, что избранный период определяется с учетом увеличения производства электроэнергии к 1985 г. до 500 квт-ч, т. е. в 5 раз.

Несостоятельность теорий экономического роста, связанных с прогнозированием инвестиционных процессов, обусловлена ненаучной трактовкой сущности экономических категорий, которыми оперируют буржуазные экономисты. Так, например, капитал и его собственника — предпринимателя буржуазные идеологи наделяют производительной функцией, а прибыль представляют как

результат «производительности капитала». Буржуазные экономисты пытаются найти критерии оптимизации настоящих и будущих инвестиционных решений, используя математические методы, в частности «динамическое программирование» и т. д., для рекомендации соответствующей экономической политики¹. Отправным пунктом большинства таких исследований является определение нормы процента, подходящей для принятия инвестиционных решений. При этом высказываются мысли, что не может быть однозначного критерия максимизации прибыли или сокращения издержек при принятии инвестиционных решений, поскольку существует много целей экономического развития (максимизация уровня национального продукта, рост занятости, улучшение образования, здравоохранения и т. д.). Поскольку эти цели противоречат друг другу, то «оптимизация имеет смысл как рациональное сравнение нескольких конфликтующих целей на базе хорошей информации»².

По-разному трактуются критерии эффективности для частного и государственного секторов в условиях капиталистической экономики. Частная фирма определяет показатель эффективности как максимизацию прибыли, тогда как в государственном секторе максимизируется разница между так называемыми социальными выгодами и социальными издержками. Это означает, что государство принимает на себя расходы на такие «социальные ценности», как «очистка воздуха», «борьба с шумом» и т. д.³

Сложные инвестиционные проблемы и решение их в теории и практике экономического регулирования являются предметом серьезных дискуссий в буржуазной экономической науке⁴.

В основе современных буржуазных концепций инвестиционных процессов лежит вульгарная теория предельной производительности факторов, апологетическая сущность которой давно разоблачена классиками марксизма-ленинизма. Буржуазные идеологи игнорируют основное противоречие капитализма, противоречие меж-

¹ K. J. Arrow and M. Kurz. *Public Investment, the Rate of Return and Optimal Fiscal Policy*. Washington, 1970, p. 74.

² UN. "Industrialization and Productivity". New York, 1971, p. 5.

³ G. Bergendahl. *Models for investments in a road network*. Stockholm, 1969, p. 11.

⁴ "The Economic Record", March 1974.

ду общественным характером производства и капиталистической формой присвоения, а также противоречие между узостью платежеспособного спроса и возможностями расширения производства. К. Маркс в III томе «Капитала» писал по поводу возникновения неиспользуемого избыточного капитала, что «...не существует никаких положительных препятствий для применения этого избыточного капитала. Но существуют препятствия, возникающие в силу законов возрастания капитала, из-за тех границ, в которых капитал может возрастать как капитал»¹.

Перепроизводство основного капитала, являющееся первопричиной повсеместного сокращения объема промышленных инвестиций, нашло свое отражение в значительной недогрузке мощностей. В 1971 г. в американской промышленности не использовались 25,5% производственного аппарата, в Англии и Италии — 25, в ФРГ — 15%. Особенно слабо использовались производственные мощности в черной металлургии, автомобильной и авиационной промышленности, станкостроении. По самым скромным подсчетам, за один только 1971 г. в шести крупнейших капиталистических странах (США, ФРГ, Япония, Англия, Франция и Италия) было произведено промышленной продукции на 120—122 млрд. долл. в ценах 1963 г. — меньше, чем могло бы быть при нормальной загрузке производственных мощностей промышленности. Эта сумма почти на 35% превышает общую стоимость промышленной продукции, выпущенной в 1971 г. во всех развивающихся странах (по предварительным данным, 90,5 млрд. долл., в ценах 1963 г.)².

Ход послевоенного развития экономики показал, что в механизме накопления капитала произошли существенные изменения. Об этом свидетельствовали темпы экономического роста капиталистических стран при высокой доле накопления и значительном повышении эффективности капиталовложений. Однако механизм государственно-монополистического регулирования, как показывает действительность, не способен преодолеть противоречия, присущие капиталистическому способу производства, устранить кризисы и изменить циклический характер развития капиталистической экономики.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 51.

² «Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран». Обзор за 1971 г. и начало 1972 г. М., 1972, стр. 5—6.

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС
КАК ФАКТОР
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА
В СОВРЕМЕННЫХ
БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЯХI. ВОЗРОСШАЯ РОЛЬ ТЕХНИЧЕСКОГО
ПРОГРЕССА

Бурный технический прогресс, являющийся одним из решающих факторов экономического роста и структурных сдвигов в экономике, стоит со всей остротой в повестке дня борьбы между социализмом и капитализмом. «Центр тяжести экономического соревнования все более перемещается в область научно-технического прогресса, в область качественного развития производительных сил»¹.

В соревновании с самыми развитыми странами капитализма социалистические страны, лишённые классово антагонистических противоречий, добились значительных успехов, обеспечив высокие и устойчивые темпы экономического роста, создав мощную материально-техническую базу и все возможности для внедрения научно-технических открытий в производство. В условиях когда наука превращается в могучую производительную силу, в решающий фронт экономического соревнования между двумя системами, Советский Союз имеет выдающиеся успехи в области космических исследований и во многих областях математики, физики, химии, биологии, медицины и других сферах мировой науки. Преимущества социалистической системы хозяйства обеспечивают непрерывное повышение технического уровня отраслей народного хозяйства и совершенствования структуры общественного производства, что служит основой повышения

¹ Н. Байбаков. Экономика СССР — единый народнохозяйственный комплекс. — «Коммунист», 1972, № 16, стр. 43.

эффективности общественного производства и залогом успехов в соревновании с капитализмом.

Крупнейшим капиталистическим странам, располагающим мощными финансовыми ресурсами, под влиянием благоприятной конъюнктуры послевоенных лет удалось расширить применение научно-технических открытий. Конкурентная борьба между монополиями, а также между капиталистическими государствами за первенство в той или иной области научно-технического прогресса привела к интенсивному внедрению новейших технических достижений в главных капиталистических странах. Вместе с тем в современных условиях развития капитализма новые достижения науки и техники более ярко подчеркивают его противоречивый характер, углубляют неравномерность и усложняют клубок противоречий, усиливая неустойчивость капиталистической системы. Изменения в производственной структуре капиталистических стран ведут к переливанию и концентрации капиталов в новых областях. В связи с научно-технической революцией в капиталистических странах растущее значение приобретают проблемы рынка, государственного-монополистического регулирования, изменение классовой структуры, обостряющее отношение все более широких слоев населения с господствующими кругами монополистического капитала, и т. д. Научно-техническая революция в капиталистических странах влияет на всю сумму капиталистических противоречий. Она ускоряет, причем невиданными темпами, как обобществление производства, так и процесс концентрации экономической и политической власти монополий, что ведет к исключительному обострению основного противоречия капитализма, свидетельствуя о том, что производительные силы уже переросли рамки капиталистических производственных отношений.

Современный государственно-монополистический капитализм стремится использовать достижения научно-технического прогресса для укрепления пошатнувшихся устоев капиталистической системы. Так, около 70% правительственных ассигнований США расходуется на цели, прямо или косвенно связанные с подготовкой к войне. Наиболее передовые в техническом отношении отрасли промышленности непосредственно связаны с военным ведомством, ибо по заказам последнего изготавливается значительная часть их продукции.

Милитаризация научных исследований приводит не только к уродливому развитию специфически военных отраслей и к диспропорциям в экономической структуре страны. Монополии возложили на плечи налогоплательщиков львиную долю быстро растущих расходов на научно-исследовательскую работу. Научно-техническая революция в условиях капитализма усиливает процесс разорения мелких и средних предприятий в связи с дальнейшей концентрацией и централизацией производства и капитала, приводит к росту безработицы, обостряет совокупность капиталистических противоречий. Все более очевидным становится и тот факт, что капиталистическая система не может решить социальные проблемы, обостряющиеся в связи с научно-технической революцией.

Научно-технические исследования и открытия все шире используются капиталистическими монополиями в конкурентной борьбе. Выпуск новой продукции стал таким же средством завоевания рынка, как и снижение издержек производства. Это во многом объясняет огромное внимание, которое уделяется в капиталистических странах изучению проблем и выработке политики в области технического прогресса как со стороны государства, так и частных организаций и предприятий. Именно в этой области наиболее активно проводятся мероприятия по государственному регулированию.

В трактовке буржуазной политической экономией экономических и методологических проблем технического прогресса проявляется ее классовая сущность. Отрывая прогресс науки и техники от процесса капиталистического воспроизводства со всеми его противоречиями, искажая действительную связь между научно-техническим прогрессом и социально-экономическим развитием, буржуазные теоретики объявляют технический прогресс главным и решающим фактором, который сам по себе через производительность труда, автоматизацию и кибернетизацию производства трансформирует капиталистическое общество.

Буржуазные теоретики пытаются распространить теорию конвергенции, согласно которой научно-техническая революция в качестве всемирного процесса вызывает совершенно одинаковые явления, в результате чего существующие общественные системы капитализма и социализма якобы ликвидируются и автоматически воз-

никает единая мировая экономика. При этом делаются ссылки на то, что во всех развитых странах будто бы появилась одна и та же техника и возникла одинаковая организационная структура, существует товарная продукция и необходимо программирование.

Одна группа идеологов, к которой относятся Тинберген и другие, утверждает, что обе системы будут постепенно сближаться и в конечном счете превратятся в «более высокое промышленное общество». Вторая группа — Гэлбрейт и его единомышленники — считает, что научно-техническая революция приведет к чистому «постиндустриальному обществу», модель которого якобы представляют США. Дж. Гэлбрейт в работе «Новое индустриальное общество» истолковывает факт гигантского роста роли науки таким образом, будто в условиях «новой индустриальной системы» власть капитала, погоня за прибылью становятся анахронизмом. В этой системе, представленной «зрелыми корпорациями», господствует якобы уже не капитал, а «организованный интеллект», который стал решающим фактором производства и обеспечивает его «планомерное развитие»¹. Французский буржуазный экономист Жан Фурастье проводит мысль о том, что технический прогресс является «непосредственным ключом к экономическому прогрессу, а экономический прогресс является также ключом к социальному прогрессу»². Ввиду этого капиталистический Запад, по утверждению Фурастье, способен превратиться в «общество изобилия» и решить проблемы «человека будущего» без какой-либо революционной ломки существующих социальных порядков.

Служебная роль всех этих «теорий» состоит в том, чтобы доказать, будто научно-технический прогресс ликвидировал недостатки старого капитализма или даже создал новый строй, который уже не является якобы капиталистическим. Они отрывают прогресс науки и техники от реального процесса капиталистического воспроизводства со всеми его противоречиями, искажая действительную взаимосвязь между научно-техническим прогрессом и социально-экономическим развитием. Марксистскому учению о революционном переходе от одной социально-экономической формации к другой бур-

¹ См. Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество. М., 1969.

² J. Fourastie. Les 40000 herues. Paris, 1965, p. 23.

жуазные экономисты пытаются противопоставить различного рода концепции автоматической трансформации (по мере технического прогресса) производственных отношений, исключаяющей будто бы необходимость и возможность социалистической революции. Критика этих апологетических буржуазных теорий и анализ социальных последствий технического прогресса в условиях капитализма являются одной из важнейших задач советской экономической науки. Вместе с тем необходим критический анализ методологических аспектов трактовки технического прогресса в буржуазных теориях, связанный с определением, классификацией и измерением технического прогресса.

Технический прогресс выделяется в современной буржуазной политэкономии как один из факторов экономического роста, которому «вменяется» некоторая часть прироста продукта или национального дохода. Технический прогресс рассматривается как автономный ингредиент в производственной функции и как ингредиент, зависящий от хода времени, как «остаточный» (residual) фактор роста, который не может быть рассчитан статистически по данным о затратах измеряемых факторов. Р. Солоу в понятие «технический прогресс» включает и накопление знаний, и рост эффективности в результате увеличения масштабов производства и улучшения организации производства и т. д. Бомбах понимает под техническим прогрессом все факторы роста производства, которые нельзя отнести ни к труду, ни к реальному капиталу. Я. Тинберген включает в определение технического прогресса прирост «интенсивности» капитала, которую он называет «механизацией». Подобную позицию занимает и другой английский экономист, Д. Дьюи, который пишет: «Экономический прогресс происходит с созданием новых машин и повышением квалификации труда, и кажется неразрешимой задача определить, как много дает для увеличения в доходе технический прогресс по сравнению с увеличением запаса капитала и предложением труда»¹.

Однако, как уже ранее отмечалось, в последние годы были предприняты усилия ряда экономистов (Солоу, Мид и др.) отделить и измерить вклад инвестиций и тех-

¹ D. Dewey. *Modern Capital Theory*. New York — London, 1965, p. 143.

нического прогресса в экономический рост. Разрабатываются специальные модели технического прогресса. Параметры производственной функции, в которой труд и капитал выступают как переменные, отражают технические условия производства, при которых оно имеет место. Изменения в параметрах производственной функции отражают те или иные темпы технических изменений. Из производственных функций, по мнению Дьюи, следует, что добавление к доходу следующих лет от увеличения в доле инвестиций данного года будет больше в такой модели роста, где весь технический прогресс требует создания новых машин, чем в тех, где весь технический прогресс — «организационный». Однако, когда технический прогресс воплощается в новых машинах, увеличение в инвестициях ведет к увеличению производства через модернизацию накопленного основного капитала — процесс, который приходит к концу. Новые машины устаревают, настает период, когда средний период службы капитальных активов не может быть дальше воспроизведен без увеличения в доле инвестируемой прибыли.

Технический прогресс в современных теориях экономического роста рассматривается не только как один из факторов экономического роста, но и как центральный. Дж. Дьюхарст, обращаясь к опыту США, отмечал, что технология фактически может мыслиться как важнейший ресурс. Кендрик считает, что $\frac{1}{5}$ прошедшего экономического роста является результатом вклада чистых капиталовложений по сравнению с $\frac{1}{2}$, которая является результатом роста производительности труда. «Другими словами, — пишет он, — рост в физическом запасе капитала был значительно менее важен, чем увеличение в производительной эффективности этого запаса, связанной большей частью с техническим прогрессом и применением рабочей силы к изменившейся технологии и оборудованию»¹. Американский экономист Э. Денисон считает, что технический прогресс, имеющий независимый характер, играл в прошлом и будет играть в будущем значительно более важную роль, чем простой рост накопления капитала. Он считает, что прогресс техники, экономия от резервов производства, улучшение его организации и т. п. будут влиять на рост продукции даже в том случае, если

¹ „Inflation, Growth and Employment”, p. 245.

новое накопление равно 0. К этому выводу Денисон пришел на основе обширных эмпирических исследований. Ч. Киндельбергер считает, что представление о техническом прогрессе, независимом от земли, труда и капитала, не может быть принято¹.

Существуют большие расхождения в оценке вклада технического прогресса в экономический рост. Так, по данным Чуроу, он составляет 40,0%, Кендрика — 71,9, Денисона — 38,1%². Как следует из этих данных, «вклад» технического прогресса в экономический рост развитых капиталистических стран очень весом, хотя и существуют значительные расхождения между странами. Поэтому политика стимулирования технического прогресса рассматривается как важнейшее средство стимулирования экономического роста.

Технический прогресс является одним из решающих факторов в структурных сдвигах, поскольку новые технические открытия ведут к появлению новых видов продуктов, новых процессов или новых способов использования сырья, создавая таким образом основу для появления новых отраслей промышленности. И даже в том случае, если результатом технического прогресса является только сокращение издержек и рост производительности труда в существующих отраслях, это дифференцированно сказывается на темпах роста производства отдельных отраслей и на объеме производственных ресурсов, используемых ими.

Анализируя структурные сдвиги, современные буржуазные теоретики экономического роста акцентируют внимание на взаимосвязи между изменением структуры и соотношением факторов производства, с чем неразрывно связывается проблема изменчивости (эластичности) структуры. «Структурные изменения имеют своей конечной целью возможно большую производительность, — пишет С. Гласен. — Полностью осуществленными их можно считать, если достигнуто выравнивание созданных различий в уровнях производительности, т. е. осуществлено оптимальное народнохозяйственное распределение факторов производства. Производственную структуру, которая в состоянии выполнить это условие,

¹ Ch. Kindelberger. *Economic Development*. New York, 1965, p. 136.

² "Productivity and the Economy". Washington, 1973, p. 47.

можно назвать гармоничной структурой равновесия»¹. В связи с этим встает вопрос — может ли быть оптимальным распределение факторов и по отношению к развитию или темпам роста национального дохода в течение длительного периода времени в будущем, если это распределение оптимально по отношению к величине или приросту национального дохода в течение одного, какого-то данного периода. При «современной гибкости структуры» не возникает якобы противодействия продолжающемуся выравниванию границ производительности. Структурная гибкость рассматривается «полной или совершенной» тогда, когда новая сбалансированная структура достигается без затрат времени и больших издержек. Однако создание подобной теоретически конструируемой буржуазными экономистами структуры экономики в условиях капиталистической системы хозяйства нереально. Тщетны попытки теоретиков экономического роста обосновать возможность осуществления сбалансированного экономического роста и «совершенной гибкости структуры» в силу действия противоречий и законов капиталистического воспроизводства.

Следует подчеркнуть, что буржуазные экономисты при анализе структурных сдвигов акцентируют внимание на изменении технико-экономических и материально-вещественных пропорций в экономике в целом и промышленности в частности, абстрагируясь от социально-классовой стороны воспроизводства. Необходимо постоянно иметь в виду, что эта абстракция носит чисто внешний характер, ибо методологической основой изучения технического прогресса являются концепции буржуазной политической экономии (теория факторов, теория убывающей производительности и т. д.), с позиций которой трактуются понятие классификации и измерение технического прогресса, что обуславливает ограниченность буржуазных исследований и их апологетическую сущность.

2. КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА В БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЯХ

В современной буржуазной политической экономии нет единого мнения по вопросу опреде-

¹ S. Clasen. Die Flexibilität der volkswirtschaftlichen Produktionsstruktur. Göttingen, 1966, p. 27.

ления сущности и типов технического прогресса, и поэтому трудно разграничить различные точки зрения. В современных концепциях технического прогресса существует ограниченное и широкое толкование этого понятия. Ограниченное толкование технического прогресса сводится к пониманию его таким образом, что он касается только средств производства, т. е. сводится к прогрессу техники. Однако такое определение встречается все реже. Теоретики экономического роста рассматривают вопрос о понятии — технический прогресс — в неразрывной связи с другими факторами экономического роста. Такое толкование понятия технического прогресса ведет к очень широкому его определению: когда технический прогресс трактуется как совокупность ряда процессов; развитие науки и техники, включая образование, замену живого труда овеществленным трудом, замену старых машин и оборудования новым с более высокой эффективностью, организацию производственного процесса, рациональное размещение предприятий и их оптимальную величину, лучшее использование существующих основных фондов и т. д. Таким образом, имеются в виду процессы, которые связаны не только со средствами производства непосредственно, но также и с качеством рабочей силы, организацией производственного процесса, качеством предметов потребления и т. д.

В западной экономической литературе для широкого определения технического прогресса часто используется термин «технические изменения» (technical change). Для более ограниченного определения применяется и другой термин — «технические нововведения» (technical innovation), который толкуется как введение всех новых или улучшенных производственных процессов, продуктов и услуг, т. е. возможное использование научных и технических знаний.

Важной проблемой при анализе технического прогресса как фактора экономического роста является классификация его типов. Разграничиваются типы технического прогресса в зависимости от воздействия на капиталоемкость, трудоемкость, степень экономической реализации, масштаб производства, степень материализации.

Трактовка технического прогресса по капиталоемкости, строго говоря, не точна. Речь идет о классификации технического прогресса в связи с факторами экономиче-

ского роста—трудом и капиталом. Технический прогресс определяется как трудсберегающий или капиталсберегающий, в зависимости от того, на какой фактор технический прогресс оказывает большее воздействие. По существу технический прогресс в любом случае является трудсберегающим, но в одном случае речь идет о живом труде, в другом — об овеществленном. Если сохранятся цены, существовавшие ранее, и факторы производства используются после технических изменений в тех же пропорциях, как и прежде, то технический прогресс рассматривается как нейтральный¹.

Необходимо отметить, что, чем больше теоретических работ по проблемам технического прогресса появляется, тем больше типов технического прогресса разграничивается. Так, немецкий экономист Отт предлагает разграничить технический прогресс на следующие типы: чисто трудсберегающий; трудсберегающий с возрастающим использованием капитала; трудсберегающий и капиталсберегающий, где трудсберегающий, однако, наиболее важен; нейтральный: трудсберегающий и капиталсберегающий одним и тем же темпом; трудсберегающий и капиталсберегающий в комбинации, где, однако, последний преобладает; капиталсберегающий в комбинации с возрастающим использованием труда; чисто капиталсберегающий.

Какой тип технического прогресса является в настоящее время преобладающим? Ряд теоретиков экономиче-

¹ Необходимо отметить, что в трактовке нейтрального технического прогресса существуют расхождения, в частности у Хикса и Харрода. Хикс считает нейтральным такое изобретение, которое в одинаковой пропорции повышает предельную производительность труда и капитала. Критикуя позиции Хикса, Харрод пишет, что таким образом нейтральность изобретения ставится в зависимость от обстоятельств, совершенно не связанных с внутренним характером самого изобретения. Харрод считает нейтральным такой поток изобретений, при котором темп прироста капитала равен порожденному им темпу прироста дохода; при этом нейтральный тип техники отличается неизменностью капитального коэффициента при неизменной норме прибыли. Из характеристики типов техники Харрода вытекает, что для достижения одинакового темпа роста при типе техники, поглощающей капитал, по сравнению с нейтральным требуется более высокий объем капиталовложений и более высокая доля капиталовложений в национальном доходе. Для достижения одинакового темпа роста при типе техники, экономящей капитал, по сравнению с нейтральным необходим низкий объем капиталовложений и более низкая доля капиталовложений в национальном доходе.

ского роста считают, что период от 30-х годов до наших дней может характеризоваться нейтральным типом техники, период предшествующий — типом техники, поглощающей капитал, тогда как будущее экономическое развитие — типом техники, экономящей капитал. Харрод предполагает, что теория нейтрального технического прогресса в основном отражает его действительную тенденцию. «Я позволю себе заметить, — пишет он, — что у меня не сложилось впечатления, будто за последние годы технические изобретения преимущественно носили характер, способствующий повышению коэффициента капитала, исчисленного при постоянной процентной ставке и ею же обусловленного, у меня нет впечатления, что преобладающая часть изобретений сопровождалась сбережением труда в вышеуказанном смысле»¹.

Применяя эконометрические модели, Дэвид и Кландерт пришли в 1965 г. к следующим выводам. В течение 1899—1960 гг. технический прогресс не был нейтральным, а склонялся в направлении сбережения труда; в 1900—1918 гг. трудсберегающий технический прогресс развивался более высокими темпами, чем на протяжении всего периода; в 1919—1945 гг. не было значительной тенденции к сбережению того или иного фактора. В послевоенный период, 1946—1960 гг., технические изобретения, сберегающие труд, развивались темпом более быстрым, чем в период до 1919 г.

Ряд других эконометриков — Браун и Попкин, Морисима и Сейто — подобно Дэвиду и Кландерту приходят к заключению, что в XX в. преобладал трудсберегающий прогресс. Однако в отдельные периоды наблюдались другие тенденции. Так, в период до кризиса 1929—1933 гг. технический прогресс был строго трудсберегающим, а в последующий период — умеренно капиталсберегающим².

Анализ технико-экономических аспектов накопления, или, точнее, воспроизводства, если исходить из предположения, что в течение последних десятилетий пробивал себе дорогу в макроэкономическом масштабе нейтральный тип технического прогресса и экономящий капитал, указывает на возможности создания объективных условий для увеличения доли и роли потребления при умень-

¹ Р. Ф. Харрод. К теории экономической динамики. М., 1959, стр. 67.

² "Value Capital and Growth". Edinburgh, 1968, p. 415,

шении доли капиталовложений. Необходимо учитывать при этом, что всестороннее развитие автоматизации, по всей вероятности, значительно усилит тенденцию к господству техники капиталсберегающей. Однако при уско-ряющемся темпе потока технических нововведений эта тенденция может быть нейтрализована. Имеет значение и тот факт, что по мере развития научно-технической революции наступает все больший рост «капиталовло-жений» в человека, которые, однако, с экономической точки зрения представляют собой рост общественного потребления, а не капиталовложений в прямом смысле.

Английский экономист Шонфилд рассматривает уско-ренный темп технического прогресса как одну из двух важнейших черт послевоенного экономического развития капитала. Он считает, что будущие нововведения могут быть капиталсберегающими, так же как и трудсберегаю-щими, и что типичная проблема современного экономи-ческого программирования относится главным образом к необходимости большей мобильности ресурсов для того, чтобы достичь успеха в более быстром техническом про-грессе¹.

В подтверждение того, что будущий технический про-гресс следует рассматривать как капиталсберегающий, Шонфилд приводит изменения в использовании стали. Два фактора, — замечает он, — соединились, чтобы со-кратить затраты стали, требуемые на единицу новых инвестиций. С одной стороны, меньше стало относитель-ное значение традиционных видов капитального обору-дования, требующих большого количества стали (паро-возы, пароходы и т. д.) в общей схеме инвестиций. С другой стороны, улучшилось качество оборудования и использованной стали в нем. В результате всех этих факторов средний вес стали, идущей на английский авто-мобиль стандартного типа, сократился в течение 50-х годов примерно на 25%. По оценке Британской ассоциа-ции исследования металлургии и машиностроения, сталь, использованная в 1960 г., была более высокого качества и стоила дороже, но на балансе была значительная эконо-мия в издержках. Британский совет металлургии и ма-шиностроения в их долгосрочной программе для про-мышленности в 1961 г. связывал падение в объеме стали,

¹ A. Shonfield. *Modern Capitalism*. London — New York — Toron-
to, 1965, p. 49.

требуемой для инвестиций, сообщим улучшением в коэффициентах капиталоемкости. Он отмечал: «Хотя как результат технического прогресса отдельные машины могут быть заменены большими, более сложными и дорогостоящими машинами, известен опыт, что в масштабах экономики и быстрее и более устойчиво происходит увеличение производительных способностей, чем увеличение в капитальных издержках»¹.

Наряду с типами технического прогресса теоретиками экономического роста устанавливается разграничение между изобретениями и нововведениями. Критерием этого разграничения является их отношение к процессу экономической реализации. Изобретением (*invention*) считается открытие новой техники, факты научно-технического прогресса, тогда как нововведение (*innovation*) состоит в практическом применении изобретения в производстве для рынка, т. е. технико-экономические явления². В свою очередь нововведения делятся на два типа: новые товары и новые пути производства старых товаров, ведущие к сокращению издержек производства.

Существует и такое разграничение типов технического прогресса: с одной стороны, поток мелких инвестиций и улучшений в технологии, которые имеют место в повседневной жизни, а с другой стороны, огромные импульсы в экономической жизни в результате изобретений большого масштаба (железнодорожный транспорт, электроэнергетика, атомная энергия и т. д.). Первый вид изобретений может рассматриваться как функция времени, но этого нельзя сказать о втором.

Теоретики экономического роста используют также деление технического прогресса на автономный, т. е. независимый от экономических процессов, действующий сам по себе, и индуцированный. Аргументация критиков (Кальдор, Киндельбергер, Дьюи, Пазинетти) технического прогресса в качестве автономного сводится, во-первых, к отрицанию возможности разграничить количественно вклад в «производительность» факторов увеличения капитала технического прогресса или труда; во-вторых, к утверждению неразрывной качественной связи техниче-

¹ A. *Shonfield*. *Modern Capitalism*, p. 50.

² Такое разграничение было введено Шумпетером, с точки зрения которого изобретение осуществляется изобретателем, а нововведение — задача предпринимателя,

ского прогресса и его материальных носителей¹. Второй аргумент по существу определяет понятие индуцированного технического прогресса.

В условиях капиталистической экономики крупные фирмы могут, с одной стороны, тормозить нововведения, а с другой стороны, имеют достаточные ресурсы для нововведения и экспериментальных проектов, что недоступно для мелких фирм и ослабляет их устойчивость в конкурентной борьбе.

Технические нововведения не ограничиваются национальными рамками и получают со временем распространение, оказывая большое влияние на темпы развития других стран. В современных теориях экономического роста применяются специальные термины «имитация» и «диффузия» технического прогресса и проводится различие между экономическим развитием через нововведения и имитацию. Имитация технического прогресса может иметь существенное значение для экономики развивающихся стран, если она соотносится с местными условиями.

В классификации типов технического прогресса буржуазные экономисты ограничиваются технологическими аспектами, абстрагируясь от социальных его последствий. Связывая вопрос о судьбах современного капитализма с научно-техническим прогрессом, они делают вывод, что развитие производительных сил имеет самодовлеющее значение и не зависит от формы собственности, что процессы автоматизации способны сами по себе изменить производственные отношения, ликвидировать кризисы и т. д.

3. МЕТОДЫ ИЗМЕРЕНИЯ И СТИМУЛИРОВАНИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Буржуазные экономисты на макроэкономическом уровне используют следующие три основные показателя для измерения технического прогресса:

¹ Л. Пазинетти, высказывая такую точку зрения об отношении технического прогресса к инвестициям, отмечает, что так как капитал происходит из производственного процесса, на который действует технический прогресс, последний не может быть не связан тем или иным путем с такими факторами, как труд и земля (*L. L. Pasinetti. Cyclical Fluctuations and Economic Growth. Oxford, 1960*).

производительность труда, производительность капитала и глобальную, или валовую, производительность (отношение продукции к затратам факторов производства).

Производительность (эффективность, технический прогресс) анализируется на основе динамики средних величин, приростных и индексных оценок. Эти три «производительности» получили широкое распространение на Западе. Для измерения «производительности, отнесенной к труду» используется отношение продукции в постоянных ценах к затратам труда, «производительность капитала» исчисляется как отношение той же продукции к капиталу. Индекс общей, глобальной или многофакторной производительности определяется посредством деления продукции на затраты труда и капитала, взвешенные по ценам или долям факторов в доходе.

Следует отметить относительность этих индексов для характеристики технического прогресса. В известной мере она обусловлена нерешенными статистическими проблемами. Числителем этих трех индексов является продукция, измеряемая в постоянных, базисных ценах. Для решения указанной задачи (определения технического прогресса) постоянные цены не совсем пригодны, ибо все время возникает проблема оценок новых видов изделий и проблема структуры сдвигов, которые в свою очередь являются следствием прогресса, следовательно, чем сильнее воздействие технического прогресса, тем менее достоверна его оценка.

Структурные сдвиги приводят к тому, что иногда могут возрасти затраты на производство продукции (отчего снизится показатель технического прогресса) при одновременном росте технического уровня производства. Это характерно, например, для добывающей промышленности при переходе от использования руд с высоким содержанием полезного вещества к низкокачественным залежам. Относительность постоянных цен как единицы измерения продукции возрастает с увеличением продолжительности исследуемого периода вследствие все большей несопоставимости ассортимента и качества продукции за базисный и последующие годы ряда динамики.

Рассмотренные традиционные приемы расчета технического прогресса распространены во многих странах. Результаты измерения индексов производительности могут не совпадать в работах разных авторов. Внешне одинаковые индексы, например «производительности, от-

несенной к труду», могут характеризовать производительность труда по производству валовой или чистой продукции, причем понятие продукции в разных странах не одинаково. Поэтому при сравнительном анализе технического прогресса по странам необходимо иметь в виду данное обстоятельство.

Главным недостатком работ буржуазных авторов в этой области является, по нашему мнению, неверная теоретическая трактовка сущности индексов, которая состоит в отождествлении воздействия факторов на рост физического объема продукции с процессом создания стоимости этой продукции. Существенным недостатком является также малая точность расчетов, обусловленная слабой статистической базой, нерешенными теоретическими проблемами.

Измерение технического прогресса при помощи реальных индексов основано на средних величинах. Кроме того, частные индексы не раскрывают глубоко причины роста общественной производительности труда. Применение метода многофакторных производственных функций выгодно отличается тем, что помогает уяснить роль каждой конкретной категории добавочных затрат, решить проблему заменяемости факторов роста¹.

Некоторые экономисты на Западе высказывают сомнения в возможности измерения технического прогресса, имея в виду, что технический прогресс начал использоваться как всеохватывающий или собирательный термин, включающий все факторы роста производства, кроме увеличения затрат труда и капитала. Этот «остаточный» фактор в производственной функции охватывает широкий круг факторов, влияющих на экономический рост: структурные сдвиги, качество управления, изменения в составе рабочей силы и т. д., а также прогресс в науке и технике. Тесная связь многих изменений в технике с валовыми инвестициями вызывает, по мнению Домара, необоснованность некоторых дискуссий в отношении «остаточного» фактора и попытки конкретизировать этот фактор с помощью статистического анализа². «Нет прямого метода измерения технического прогресса

¹ Подробнее об указанных методах измерения технического прогресса см. «Плановое хозяйство», 1970, № 6.

² "Policies and Means of Promoting Technical Progress". New York, 1968.

через многочисленные нововведения или их экономические действия,— пишут американские экономисты, авторы доклада Национальной комиссии технологии, автоматизации и экономического прогресса.— Поэтому должны применяться косвенные измерения. Наиболее полезными из них являются индексы производительности труда, особенно продукции на человеко-час»¹.

В своем докладе, посвященном обзору современного уровня изучения соотношения между научными исследованиями и разработками и экономическим ростом и производительностью, американский профессор Ч. Стюарт обосновывает мысль, что научные исследования и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) и другие факторы экономического роста находятся в отношениях сложной взаимозависимости. Из них наиболее важным, по мнению автора, является соотношение НИОКР с качественным улучшением факторов производства (капитал, труд). В частности, до того как результаты НИОКР скажутся на производительности, они сначала должны «воплотиться» в новых или усовершенствованных средствах производства и в повышении квалификации работников. Это пример косвенного воздействия посредством качественного улучшения капитала и других вложений. Иногда же результаты проявляются сразу, т. е. непосредственно повышают производительность, не «воплощаясь». Эти два подхода к оценке роли «остатка», включающего НИОКР в экономическом росте, автор определяет как «воплощенный» (*embodied*) и «невоплощенный» (*disembodied*). В зависимости от подхода значительно разнится величина «остатка» (30% от общего роста при первом подходе и 90% — при втором)².

Профессор Пенсильванского университета А. Мэнсфилд, анализируя вклад научных исследований и разработок в экономический рост США, отмечает, что оценка этого вклада осложнена рядом трудностей: в исходных данных не учтены качественные улучшения товаров и услуг; в применяемых моделях не учитывают сложные

¹ "Technology and the American Economy", vol. 1. February 1966. p. 1.

² Ch. Stewart. A Summary of the State of the Art on the Relationship Between R and D. and Economic. — "Research and Development and Economic Growth Productivity". Washington, 1972, p. 14.

взаимосвязи между различными факторами; величина вклада НИОКР в экономический рост не выделяется из общей оценки технического прогресса; на результаты оценки роли совершенствования технологии в экономическом росте оказывают влияние существующие трудности оценки вложений и совокупного капитала; при оценках не принимается во внимание то, что значительная часть НИОКР проводится в области военных отраслей и исследований космического пространства, а позднее их достижения используются в промышленности. В изучении соотношения между НИОКР и ростом производительности труда в отдельных отраслях остается много неясного. Тем не менее результаты исследований позволяют судить об общем характере этих соотношений. Данные таблицы 5 характеризуют рост производительности труда в обрабатывающей промышленности ряда капиталистических стран.

Т а б л и ц а 5. Темпы роста производительности труда капиталистических стран в обрабатывающей промышленности

Страны	Среднегодовые процентные изменения			
	1960—1972 гг.	1960—1965 гг.	1965—1970 гг.	1970—1972 гг.
США	3,1	4,3	2,0	4,9
Канада	4,4	4,3	4,7	5,1
Европейское экономическое сообщество	6,0	5,9	6,0	5,7
В том числе:				
Бельгия	6,6	5,3	7,9	6,5
Франция	5,8	4,9	6,0	6,9
ФРГ	5,8	6,3	5,7	5,1
Италия	6,0	6,8	5,3	3,5
Нидерланды	7,2	5,5	8,9	6,6
Англия	4,2	4,0	3,9	6,6
Япония	10,4	8,5	13,2	7,7
Швеция	7,5	7,2	7,7	4,5

И с т о ч н и к. «Productivity and the Economy», p. 12.

Как следует из приведенных данных, рост производительности труда в разных странах был неравномерным. В период между 1960 и 1972 гг. ежегодное увеличение

в производительности труда варьировалось от 3,1% в США до 10,4% в Японии. Наибольший разрыв характерен для периода 1965—1970 гг., когда рост производительности труда в обрабатывающей промышленности США составил 2%, а в Японии — 13,2%.

Таблица 6.

**Темпы роста производительности труда
в главных отраслях экономики США**

Отрасли	1950— 1971 гг.	1960— 1971 гг.	1965— 1971 гг.
Сельское хозяйство	5,8	6,1	6,5
Связь	5,6	5,2	4,7
Электроэнергетика, газ	5,3	4,3	3,8
Горнообработывающая промышленность	3,7	3,3	2,8
Транспорт	3,3	4,1	2,9
Обрабатывающая промышленность	2,9	3,2	2,5
Торговля	2,9	3,2	2,2

Источник. «Productivity and the Economy», p. 6.

Критический анализ современных буржуазных концепций технического прогресса приводит к выводу, что полный учет всех экономических последствий технического прогресса с помощью единого синтетического показателя невозможен. Для всесторонней оценки технического прогресса необходима целая система показателей, включающая наряду с производительностью труда и энерговооруженность, парк ЭВМ, масштабы автоматизации и т. д.

НТР в нарастающих масштабах преобразует технический базис производства, вызывая коренные перевороты в его сердцевине — технике, а в рамках последней — в ее ключевом элементе — орудиях производства. Одной из наиболее характерных черт современных производственных процессов становится их автоматизация.

Разграничивая изобретения и нововведения, современные буржуазные экономисты признают, что место нововведений еще не полностью определено: являются ли они простой функцией времени, связанной с валовыми капиталовложениями, имеющими противочиклическое действие, корреляционно связанными с периодами высокого спроса, или следуют по линии неэкономических переменных. Нет удовлетворительного ответа и на вопрос

о том, в какой степени технический прогресс ответствен за изменение в факторных пропорциях, рассматриваемых синтетически.

С развитием буржуазной теории экономического роста технический прогресс, рассматривавшийся ранее как внешний фактор, включается в теоретическую модель как неотъемлемый и один из важнейших внутренних факторов процесса роста. В моделях роста речь идет о количественной экономической интерпретации и учете технического прогресса, причем на последней его стадии — внедрении усовершенствований в процесс производства.

Способность к внедрению технического прогресса рассматривается все больше как важный фактор, влияющий на экономическую мощь фирм, отраслей и даже стран. Конкурентоспособность капиталистических фирм теперь зависит не только от цен на существующие продукты, но также и от скорости, с которой фирма может производить новые и технически более совершенные виды продукции. Период, необходимый для введения и распространения технических нововведений, продолжается теперь не десятилетия, а годы и даже месяцы. Отрасли, способные использовать научные достижения, имеют высокие темпы технических нововведений и общего роста производства. Страны без сравнительных преимуществ в сырье, рабочей силе оказываются способными сохранить международную конкурентоспособность путем удовлетворения быстро растущего мирового спроса на технически сложные продукты (например, Япония).

Капиталистические государства увеличивают государственные вложения в новые отрасли, в научные исследования, подготовку и переподготовку кадров с целью ускорения технического прогресса и освобождения вместе с тем монополий от риска, связанного с такого рода вложениями.

Результаты исследований, базирующихся на производственной функции, показали, что вклад технического прогресса в экономический рост развитых капиталистических стран значителен. Вместе с тем ряд исследований свидетельствует о том, что связь между техническими нововведениями и капиталовложениями не всегда настолько тесна, как обычно предполагают, и не всегда темпы роста капиталовложений определяют тем-

пы роста технического прогресса. При определении стратегии в области технического прогресса и методов его стимулирования имеет существенное практическое значение различие между техническими нововведениями, связанными с капиталовложениями, и теми нововведениями, которые этой связи не имеют. Различаются три стадии процесса нововведений: 1) изобретение, когда на базе научных и технических знаний формулируются возможности новых или улучшенных видов продукции или процессов; 2) первоначальное нововведение, когда начинает производиться новый или улучшенный вариант продукции или процесс; 3) нововведение путем имитации, когда фирмы вводят продукты или процессы, уже введенные другими фирмами. Совершенно очевидно, что экономический эффект может быть получен не на всех этих стадиях и, следовательно, стратегия в области технической политики будет определяться по-разному. В официальных документах правительств капиталистических стран и ООН, в работах западных экономистов подчеркивается значение этой классификации стадии и типов технического прогресса при определении направлений технической политики, специфики финансирования и т. д.

Другое различие, которое влияет на стратегию в области технического прогресса, относится к влиянию технического прогресса на затраты факторов. Одну группу составляют нововведения, которые изменяют пропорции в затратах факторов, ведут к их взаимозаменяемости и могут быть трудосберегающими и капиталсберегающими. Другую группу составляют нейтральные нововведения, не изменяющие относительных пропорций в затратах факторов в неизменных ценах затрат. При нейтральных нововведениях продукт может возрасти при той же сумме затрат, или тот же продукт может быть получен при меньших затратах. При определении стратегии ускорения технического прогресса важен учет всех этих положений, а также различий между краткосрочным и долгосрочным воздействием технических нововведений, ведущих к сбережению затрат факторов. Последнее может быть различным в отдельных предприятиях и отраслях и в различные периоды времени.

В условиях монополистической конкуренции капиталистическое государство не в состоянии четко определить политику стимулирования технического прогресса

с учетом всех указанных моментов, хотя механизм государственно-монополистического регулирования усиленно используется для этих целей, и прежде всего для того, чтобы расширить масштабы использования достижений науки и техники в интересах монополий.

Среди важнейших мер государственно-монополистического регулирования в области технического прогресса следует назвать следующие: финансирование фундаментальных научных исследований; ускорение возмещения основного капитала, связанного с износом; финансирование подготовки и переподготовки рабочей силы; поддержка промышленной концентрации; система контрактов развития, использование иностранных патентов и инвестиций; финансирование мероприятий по охране окружающей среды.

Политика монополистического государства в области охраны окружающей среды представляет собой противоречивый процесс, в котором находит отражение обострение основного противоречия капитализма, стремление сохранить капитализм как систему общественно-экономических отношений, переложить расходы по охране окружающей среды на плечи трудящихся. В то время как частная собственность на средства производства является главным препятствием при осуществлении эффективных мер для решения экологических проблем, буржуазные экономисты стремятся снять ответственность за экологический кризис с монополий, утверждая, что его причиной является бурный технический прогресс во всех странах, что проблемы окружающей среды можно решить средствами государственно-монополистического регулирования. В то же время они нередко гиперболизируют отдельные факты о загрязнении воздуха, воды и т. д., чтобы обосновать необходимость расходов за счет снижения темпов роста потребления и отвлечь трудящихся от борьбы за свои классовые интересы. Необходимость установления немедленного эффективного контроля над загрязнением окружающей среды заставила капиталистические государства расширить финансирование мероприятий по охране окружающей среды, принять ряд законодательных актов. Так, в Швеции в 1968 г. была разработана национальная программа сохранения окружающей среды. Прежде чем открыть какое-то промышленное предприятие, которое может изменить среду, в Швеции необходимо получить разрешение

на его эксплуатацию. Аналогичные правила существуют в отношении сброса отработанных вод в населенных пунктах с числом жителей более 200 человек. На охрану окружающей среды в Швеции ежегодно в рамках бюджета ассигнуются значительные финансовые средства: 303 млн. крон в 1970/71 г., 350 млн. крон в 1972/73 г. Шведская промышленность будет инвестировать в 1971—1975 гг. на борьбу по охране среды 1,6 млн. крон (около 4% общей суммы вложений в промышленность).

Финансирование государством научно-технического прогресса рассматривается монополиями как средство повышения конкурентоспособности и увеличения прибылей. Современное капиталистическое государство направляет средства в те отрасли экономики, где требуются большие инвестиционные затраты, не обеспечивающие сразу же высоких прибылей: развитие инфраструктуры, модернизация топливно-энергетического баланса, стимулирование отстающих отраслей и т. д.

Процесс капиталистического воспроизводства в условиях современного технического прогресса не может осуществляться без активных действий государства, поскольку технический прогресс требует огромной концентрации финансовых средств. Свыше половины всех расходов на НИОКР в капиталистических странах берет на себя буржуазное государство, которое использует для этой цели средства налогоплательщиков. Финансирование таких отраслей, как атомная энергетика, авиация, электроника и вычислительная техника, продукция которых в больших масштабах используется для военных целей, в значительной мере осуществляется государством. Возрастает объем государственных расходов в связи с подготовкой научных и технических кадров, без которых невозможен научный и технический прогресс.

Капиталистическое государство, действуя в интересах монополистического капитала, не только финансирует в значительной мере технический прогресс, но и играет важную роль в корректировке его последствий, чтобы приспособить промышленную структуру к быстро изменяющимся условиям производства и торговли.

Продукция современной промышленности капиталистических стран является объектом острой конкурентной борьбы как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Под действием современного технического прогресса

ускоряются в свою очередь структурные сдвиги в промышленности, что ведет к новым методам производства, новым видам продукции и т. д.¹

В практике государственного стимулирования технического прогресса широко используется система контрактов развития. Эти контракты определяются как соглашение между правительствами и фирмой (или группой фирм), посредством которых правительство финансирует их с целью получения определенного вида продукции. Обычно правительство имеет долю в прибылях, которые являются результатом коммерческого использования полученной продукции. В последние годы наблюдается растущий интерес к возможностям использования контрактов развития, чтобы стимулировать технические нововведения не только в отраслях, где государство является главным потребителем, т. е. не только в военных, но и в гражданских отраслях. Как правило, контракты развития используются в тех случаях, когда издержки и риск при производстве новой продукции выше нормальных. В Англии они используются в тех случаях, когда стимулируются исследования, рассчитанные на длительный период. Как показывает опыт ряда стран (Япония, Голландия и др.), примерно $\frac{1}{2}$ исследований, проведенных по этим контрактам, ведет к коммерческому использованию их результатов.

В ряде случаев государства предоставляют частным институтам субсидии, охватывающие полные издержки исследовательских работ, которые не могут быть эффективными в правительственных лабораториях.

Стимулирование технического прогресса в капиталистических странах происходит через систему контрактов развития, политику государственных закупок определенных видов продукции, предоставление низкопроцентных займов и субсидий, обеспечение обмена информацией о применении новейшей техники и т. д.

«Рассмотрение военных и космических исследований, поглощающих большую часть расходов на научно-исследовательские работы, показывает, что их воздействие

¹ С 1952 по 1967 г. продукция американской обрабатывающей промышленности обновилась на 40%, а в следующие 15 лет (1967—1982 гг.) ожидается ее обновление на 60% («Мировая экономика и международные отношения», 1969, № 12, стр. 78). По существующим оценкам, новые продукты составили более половины всего объема промышленного производства за последние 15 лет.

на технические нововведения в гражданских отраслях невелико»¹, — признают авторы специального исследования о роли правительства в стимулировании технического прогресса.

Объем расходов по программам военных и космических исследований в США в 4 раза больше, чем во Франции, Англии, Канаде, ФРГ и Италии, вместе взятых. Во Франции, Англии и США такие программы составляют по крайней мере 40% общих государственных бюджетных расходов на научно-исследовательские цели².

О росте значения государственных расходов в финансировании НИОКР свидетельствуют следующие данные: в США федеральные расходы на эти цели выросли с 1,1 млрд. долл. в 1950 г. до 7,7 млрд. долл. в 1960 г. и 16,2 млрд. долл. в 1970 г.; в Бельгии государственные расходы в этой области увеличились с 1960 до 1970 г. в 3,8 раза, во Франции — в 3,1 раза, в ФРГ — в 3,8 раза, в Англии — на 50%; в странах Европейского экономического сообщества государственные расходы в 1971 г. достигли 5 млрд. долл., в том числе примерно 2,5 млрд. долл. — на исследования промышленного назначения³.

Приведенные данные характеризуют только примерное соотношение расходов указанных стран для поощрения научно-технического прогресса и не могут измерить относительную эффективность этой политики, если иметь в виду соотношение затрат на научные исследования и их результатов.

Экономическое влияние научного и технического открытия начинается не тогда, когда открытие впервые сделано, и даже не тогда, когда оно коммерчески введено, а лишь тогда, когда имеет место результат в виде нового продукта или нового процесса, получившего широкое коммерческое признание. Лаг между основным открытием и его применением в экономике сокращается с 30 лет до первой мировой войны до 16 лет между двумя мировыми войнами и 9 лет после второй мировой войны; для паровой машины он составлял 80 лет, для телефона — 56 лет, для радио — 35 лет, для телевидения — 14 лет, для транзисторов — 5 лет. Процесс внед-

¹ "Government and technical innovation OECD". Paris, 1966, p. 33.

² Ibidem.

³ H. von Moltke. Le financement du progrès technologique au regard des objectifs de la politique industrielle de la Communauté. — "Revue du Marché Commun", 1972, N 152, p. 236—247.

рения технических открытий в различных отраслях экономики в условиях капитализма идет неравномерно. По мнению японского экономиста С. Яно, в течение ближайших 30 лет преимущественно будут развиваться те направления технического прогресса, которые дадут реальный результат, позволяющий соблюдать два необходимых условия — рентабельность и массовость спроса. Такими направлениями, по мнению С. Яно, являются: развитие электронной промышленности и индустрия информации; революция в области энергетики на основе использования атомной энергии; революция в области производства сырья на основе использования химии высокомолекулярных соединений; освоение ресурсов Мирового океана¹.

Есть все основания полагать, что эти направления технического прогресса будут в ближайшие десятилетия оказывать воздействие на структурные сдвиги в экономике, но это не означает, что они могут обеспечить гармоничное развитие экономики. Неравномерность экономического развития капиталистических стран в условиях современного бурного технического прогресса углубляется, а результаты технического прогресса при капитализме неизбежно служат интересам обогащения монополий. Как уже выше отмечалось, капиталистическое государство увеличивает расходы на научно-исследовательские работы, развитие инфраструктуры и отсталых районов страны и т. п. с целью усиления конкурентоспособности частномонополистического сектора и экономики в целом. Значительное место в этих расходах занимает система образования, подготовки и переквалификации рабочей силы, что является необходимым условием развития научно-технического прогресса.

В настоящее время проблема образования «инвестиций в человека» стала одной из самых модных областей буржуазной экономической науки и государственно-монополистического регулирования. «Проблема «инвестиций в человека», или «человеческого капитала», является новой областью исследований в экономике»², — заявил в своем докладе на коллоквиуме Национального бюро экономических исследований США Т. Шульц.

¹ См. С. Яно. Японская экономика на пороге двадцать первого века. М., 1972, стр. 15.

² "Human Resources". NBER, New York, 1972, p. 9.

В большинстве капиталистических стран сфера образования стала важным инструментом экономической и социальной политики государства, одним из объектов государственных расходов. В последние 15—20 лет система подготовки кадров развивается необычайно высокими темпами, что связано с требованиями научно-технической революции. Численность учащихся за этот период удвоилась, ожидается, что к 1980 г. она снова значительно увеличится. Сроки обязательного школьного обучения также увеличились в большинстве промышленно развитых капиталистических стран (в Японии, ФРГ, Швеции эти сроки составляют 9 лет, в США — 9—12, в Англии — 11, Франции — 10). Доля государственных расходов на образование в национальном доходе капиталистических стран возросла: с 1950 по 1970 г. в США — с 3,1 до 8,6%, в Японии — с 4,7 до 6,3 в 1969 г., в ФРГ — с 3,2 до 5,1, в Англии — с 3,2 до 5,2, во Франции — с 2,4 до 5,8, в Италии — с 1,9 до 5,5%¹. В механизме современного государственно-монополистического регулирования значительная роль отводится разработке мер по подготовке кадров, повышению образования, но классовая сущность при этом остается прежней, все эти меры в области образования осуществляются в интересах капитала. Наряду с материально-техническими ресурсами капиталистических стран все более важную роль в условиях бурного научно-технического прогресса приобретает научный и образовательный потенциал в экономическом развитии. Однако значительная часть средств направляется буржуазным государством на военные исследования и разработки — в общих затратах на науку они составили (1969 г.) в США — 49% против 40% в Англии, 31% — во Франции, 19% — в ФРГ и 2% — в Японии².

В США значительное внимание было уделено проблемам разработки программ образования, а также прогнозам в этой области. Бюро статистики труда совместно с Администрацией рабочей силы подготовили специальный Бюллетень 1606 «Потребности рабочей силы в будущем», опубликованный в 1969 г., где были представлены детальные проектировки национальной рабочей

¹ См. М. Б. Кальчугина. ФРГ: образование и экономика. М., 1973, стр. 14—15.

² См. В. И. Громека, В. И. Масленников, В. А. Федорович, Л. Д. Филиппова. США: наука и образование. М., 1974, стр. 320.

силы на 1975 г. вместе с указанием об их использовании в развитии подобных проектировок по штатам и более детальным районам. К весне 1971 г. более 40 штатов подготовили такие проектировки. В соответствии с этим и другой информацией был пересмотрен Бюллетень 1969 г. и подготовлены проектировки развития национальной промышленности и профессиональной занятости на 1980 г.¹ Эти проектировки о рабочей силе базируются на основе ряда предположений, касающихся развития экономики. Так, например, они основаны на том, что военные расходы будут продолжать расти более высокими темпами, чем продукт и занятость. Важное предположение касается так называемой полной занятости в 1980 г., которая базируется на допущении 3% безработных, а именно 2,9 млн. безработных и 95,1 млн. фактически работающих. Другие предположения, лежащие в основе этих проектировок, сводятся к тому, что международный климат будет улучшаться, институциональная структура американской экономики существенно не изменится, экономические, социальные, технологические и научные тенденции будут продолжаться, налоговая и кредитно-денежная политика будет направлена на обеспечение баланса между уровнем безработицы и относительной стабильностью цен без сокращения долгосрочного экономического роста.

При подготовке проектировок использовались различные методы для определения общих требований на рабочую силу в каждой конкретной отрасли. Один из методов перевода оценок валового национального продукта и общей занятости в отраслевые оценки — метод межотраслевого баланса (в разрезе 80 отраслей). Предполагалось, что для каждой детальной отрасли тенденции в производительности труда для периода 1947—1969 г. будут продолжены в будущем. Для оценки занятости в каждой отрасли использовался регрессионный анализ с учетом предположений, лежащих в основе модели в целом. Ряд отраслей требовал специального индивидуального изучения наряду с изучением факторов, влияющих на них в будущем. Этот подход использовался особенно для отраслей, где будущие тенденции не определялись прошлыми и общая модель не обеспечивала соответствующих результатов, где требовалась качественная информация

¹ „Tomorrow's Manpowerneeds". Washington, 1971.

о технологии и структуре отрасли. Были составлены матрицы профессионального состава занятых в США по 160 профессиям в разрезе 116 отраслей. Следует отметить, что эти матрицы для 1960 г. отличались от данных Бюро цензов.

Технический прогресс предъявляет новые требования к профессиональной подготовке рабочей силы в связи с тем, что физические усилия и чисто механические действия работающих сокращаются, тогда как возрастает роль интеллектуальной мобильности и специальных знаний и умений, способностей к быстрой адаптации и т. д. Проблема стимулирования технического прогресса неразрывно связана с проблемой роста образования и улучшения подготовки рабочей силы, тогда как сложилось определенное противоречие между высокой ролью образования в системе научно-технической революции и его современным состоянием. В США, Японии и в странах Западной Европы принимаются меры для улучшения состояния образования, которое характеризуется как неудовлетворительное, обновляются методы, содержание и организация образования и обучения. В ФРГ в 1969 г. парламентом был принят «Закон о профессиональном обучении», где формулируются меры для материального и организационного упорядочения профессионального обучения. В частности, предлагается устранить недостаток квалифицированных людей и ликвидировать неудовлетворительные учреждения из системы такого обучения, улучшить координацию и более тесную связь между профессиональной школой и соответствующим предприятием, расширить исследование проблем профессионального обучения и активизировать деятельность дискуссионных групп по этому вопросу, которые существуют в министерстве экономики, министерстве труда и социального обеспечения, увеличить ассигнования и т. д.

Изменения в экономической структуре современного капитализма в условиях бурного научно-технического прогресса обуславливают не только новые формы производственной и рыночной деятельности монополий, но и проведение последними более гибкой политики в подготовке и использовании трудовых ресурсов. В конечном итоге эти меры ведут к усилению эксплуатации трудящихся, к росту интенсивности труда, к увеличению прибылей монополий. Буржуазная экономическая наука концентрирует свои усилия на выработке новых, более

завуалированных методов эксплуатации, используя, в частности, методы психологического воздействия на рабочих под видом «человеческих отношений». По своему содержанию последние являются методами усиления эксплуатации, которые впитали в себя новейшие тенденции, происходящие в организации капиталистического производства в связи с научно-технической революцией, а по форме они являются уступкой монополий рабочему движению, результатом классовой борьбы пролетариата за свои экономические и политические права. Вопреки утверждениям буржуазных теоретиков, научно-технический прогресс в условиях капитализма не может быть поставлен на службу интересов всего общества в силу эксплуататорской сущности этого способа производства. Они искажают смысл современной научно-технической революции, пытаются представить ее как явление нейтральное по отношению к различным социально-экономическим системам, которое автоматически приведет к установлению всеобщего равенства и благоденствия. Так, авторы «теории технического детерминизма» утверждают, что развитие техники как элемента производительных сил создает несоответствие между ними и экономическими, общественными отношениями, но это противоречие якобы разрешается не социальной революцией, а самой техникой при сохранении частной собственности¹. Буржуазные идеологи стремятся отвлечь таким образом трудящихся от классовой борьбы.

Усиление интенсификации труда и обострение проблем безработицы, образования, здравоохранения, транспорта, проблемы сохранения окружающей среды свидетельствуют о том, что государственно-монополистическое регулирование оказалось не в состоянии обеспечить социальный мир. Трудящиеся капиталистических стран расширяют фронт забастовочного движения, выступая против монополий, за свои жизненные права, за решение основных социально-экономических вопросов на общенациональном уровне.

¹ См. «Критика теорий современных буржуазных экономистов (Р. Тибольда, Г. Минза, П. Самуэльсона, С. Кузнеця)». М., 1966; «Партия и современная научно-техническая революция в СССР». М., 1974, стр. 300—317.

1. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ
И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Проблема влияния внешнеэкономических факторов на развитие национальной экономики не нова, поскольку международное разделение труда издавна обуславливает необходимость внешнеэкономических связей, обмен между государствами товарными и денежными ценностями, научно-технической информацией, лицензиями, патентами и т. д. Однако эта проблема приобретает особенную остроту в настоящее время. Воздействие научно-технического прогресса на экономический рост ведет к усилению взаимосвязи между национальной и мировой экономикой, к интенсификации международного разделения труда. Осуществление современного научно-технического прогресса, связанного с углублением и усложнением межотраслевых и внутриотраслевых связей, невозможно в рамках замкнутых национальных хозяйств.

Существует тесная взаимозависимость между структурными сдвигами и экономическим ростом той или иной страны и ее внешнеэкономическими связями. По мере индустриализации, развития обрабатывающей промышленности в странах, где ранее преимущественно развивалось сельское хозяйство и добывающие отрасли, модифицируется характер экспортной торговли, меняется вся их внешнеэкономическая позиция, что имеет серьезные последствия как для данной страны, так и для тех стран, с которыми она связана. Развитие промышленности приводит в движение новые экономические факторы, влияет на экспортный потенциал и импортный спрос страны.

В настоящее время, по мере того как развивающиеся страны становятся на путь самостоятельного индустриального развития, промышленно развитые капиталистические страны теряют подчас традиционные экспортные рынки для продукции обрабатывающей промышленности, и в то же время местная промышленность в развивающихся странах поглощает то сырье, которое они ранее экспортировали.

Современный капиталистический рынок претерпевает серьезные изменения под влиянием новых факторов, вызванных углублением общего кризиса капитализма, распадом колониальной системы империализма, образованием и ростом мировой системы социализма. Обострение проблемы рынков привело к созданию международных государственно-монополистических группировок.

Немаловажное значение в расширении экспорта товаров и капитала играет объединение сил монополий и государства, появление новых форм содействия экспорту в странах капитализма. Наряду с традиционными формами регулирования (система таможенных тарифов, субсидирование экспорта, лицензионная система, валютный контроль и т. д.) интенсивно используются новые методы, создаются специальные органы, обеспечивающие экспортеров разносторонней информацией, полученной на электронно-вычислительных машинах, о наиболее прибыльных направлениях экспорта, о деятельности конкурентов и т. д.¹ К числу таких организаций относятся Национальный совет по расширению экспорта в США, Совет по внешней торговле при премьер-министре Японии, Шведский экспортный совет и т. д. Деятельность этих новых государственно-монополистических организаций сосредоточена на разработке стратегических задач торговой экспансии, координации внешнеэкономической стратегии в общенациональном масштабе, определении средств обеспечения долгосрочных экспортных программ. В условиях когда внешнеэкономические факторы становятся средством повышения эффективности хозяйства в целом, а конкурентная борьба обостряется, использование монополистическим капиталом государственного аппарата для форсирования экспорта усиливается.

¹ См. Л. Сабельников. Современные формы содействия экспорту в странах капитализма. — «Внешняя торговля», 1973, № 2.

Высокие темпы развития внешней торговли, опережающие подчас темпы роста валового общественного продукта и промышленного производства, характерны на современном этапе для большинства стран капиталистического мира. Рост внешней торговли на базе интенсивного процесса углубления международного разделения труда в условиях современной научно-технической революции, требующей все большей специализации не только в национальных рамках, но и в международном масштабе, неразрывно связан со структурными сдвигами в экономике капиталистических стран, с усилением частного и государственного экспорта капитала основных капиталистических стран, а также смягчением таможенных барьеров на пути товарообмена между различными странами, снижением пошлин, отменой количественных ограничений на промышленные товары и т. д. Однако эти меры не могут снять проблему острой конкурентной борьбы между капиталистическими странами за рынки сбыта, за сферы приложения капитала.

Таким образом, в условиях углубления общего кризиса капитализма, растущего международного разделения труда и бурного развития научно-технического прогресса проблема воздействия внешнеэкономического фактора на развитие национальной экономики приобретает особое значение. Особенно рельефно она прослеживается на примере Японии. Высокие темпы экономического роста и структурные сдвиги в экономике, определившие резкое изменение места Японии в системе мирового капиталистического хозяйства, едва ли были бы возможны без интенсивного импорта иностранной техники, технологии и сырья, без широкой экспортной экспансии, обеспечившей сбыт продукции ведущих отраслей японской экономики.

В течение длительного времени экономическое развитие Японии происходило на основе заимствования готовой иностранной техники и технологии, что в сочетании с высокой нормой эксплуатации и большой долей накопления приводило к быстрым темпам роста производительности труда и повышению конкурентоспособности японских товаров на мировых рынках.

Анализируя факторы послевоенного роста Японии, журнал «Ориентал экономист» отмечает: «Так как в международном разделении труда произошел значитель-

ный прогресс ... экономический рост страны стал определяться не объемом естественных ресурсов, которыми она располагала, а качеством и объемом технологии, капиталом и рабочей силой, которые она контролирует»¹. Все структурные сдвиги в экономике Японии и развитие японской промышленности были осуществлены на базе интенсивного внедрения «импортируемого технического прогресса», роль которого в послевоенном развитии экономики Японии исключительно велика.

В «Белой книге по экономике», подготовленной Управлением экономического планирования, значение импорта техники и технологии для Японии характеризуется следующим образом: «Непрерывный поток технического обновления служит основной движущей силой японской экономики. Мы импортировали передовую технологию из промышленно развитых стран и благодаря этому сэкономили время на исследования и эксперименты и смогли провести индустриализацию в короткий срок. Рост производительности труда на основе импортированной технологии привел к созданию ультрасовременной промышленной структуры и ускорил процесс расширения инвестиций в оборудование, которые, в свою очередь, обернулись высокими темпами роста экономики»².

В результате закупки патентов и лицензий, их быстрого и эффективного использования за короткий период Япония достигла технического уровня самых развитых капиталистических государств. По темпам обновления основного капитала и внедрения новой техники она обогнала многие из них: 77% японского станочного парка имеют возраст не более шести лет. Уровень технической оснащенности предприятий существенно возрос; к середине 60-х годов примерно 70% всех отраслей ее промышленного производства достигли мирового уровня и даже превзошли его. Однако заимствование научно-технических достижений повлекло за собой определенную зависимость от других стран и тяжелым бременем ложилось на платежный баланс. Упор, сделанный на закупки иностранных лицензий, имел своим следствием относительно низкий уровень на собственные научно-исследовательские работы. Подобное положение начало превра-

¹ "The Oriental Economist", February 1968, p. 17.

² Цит. по: БИКИ, 1971 г., приложение № 8, стр. 8.

щаться в тормоз дальнейшего развития экономики страны, особенно в условиях либерализации внешней торговли и вывоза иностранного капитала. Без собственной научно-технической базы Япония могла бы потерять контроль над национальной промышленностью.

«Техническое развитие было успешным вплоть до последнего времени. Недавно, однако, введение иностранной технологии стало затруднительным. Теперь, когда Япония догнала передовые страны по уровню технических стандартов, иностранные государства не могут больше выглядеть как источники новой технологии. Таким образом, чтобы сохранить высокий темп технического развития, теперь жизненно необходимо для Японии усилить свой собственный потенциал и создать свою собственную технологию с всевозрастающей независимостью»¹.

Япония постепенно, но неуклонно стала отходить от политики развития национальной экономики преимущественно на базе импортных патентов и лицензий. В итоге расходы на научно-исследовательские работы и освоение новой техники существенно возросли. В настоящее время около 2% валового национального продукта Японии составляют расходы на научно-исследовательскую работу. Увеличены ассигнования на подготовку научных и инженерных кадров. Все эти меры в области развития науки и техники были направлены к тому, чтобы поддержать позиции японской промышленности перед лицом международной конкуренции. Чтобы уменьшить отставание Японии в области научно-технических исследований большого масштаба, правительство принимало активные меры как в форме прямого участия, так и косвенного — через субсидирование и т. д. Значительные усилия были направлены на обеспечение так называемых национальных проектов или проектов большого масштаба в области атомных и космических исследований, а также развитие электронно-вычислительной техники. Одновременно в Японии проводилась политика, направленная на поощрение импорта иностранной техники: были приняты специальные законы, поощрявшие инвестиции иностранного капитала в такой мере, чтобы улучшить внешний баланс платежей. Вместе с тем пре-

¹ "Technological development in Japan". Paris, 1971, p. 78.

дусматриваются средства контроля над притоком иностранного капитала.

Для решения своих социальных и экономических проблем, связанных с повышением уровня жизни, где велико отставание Японии от других капиталистических стран, снижением транспортного травматизма, улучшением окружающей среды и т. д., необходимы, как пишут японские экономисты, заметный прогресс в науке и технике, введение «системного подхода» к каждому проекту, имея в виду систему «природа, человек и технология»; развитие технического прогресса на собственной базе, предвидение вторичных эффектов от технических нововведений, возможной эволюции, которую они могут вызвать в естественной среде и в самом человеке, т. е. Япония ищет новый подход к техническим нововведениям. Вместе с тем капиталистическая Япония стоит перед лицом острых социально-экономических проблем. «Японские дельцы умеют куда щедрее, чем их западные соперники, вкладывать все новые и новые средства в обновление техники и технологии. Зато они до неразумности скупы в затратах на все то, что обслуживает производство и самого труженика. Рывок индустрии к переднему краю научно-технического прогресса совершен на фоне и во многом за счет отставания транспортной сети, коммунального хозяйства, жилищного строительства. Достаточно сказать, что расходы на социальные нужды составляют в Японии лишь около 6% ВВП, т. е. они втрое ниже, чем в других развитых капиталистических странах»¹.

Под влиянием научно-технической революции складывается новая монополистическая структура Японии, которая отражает сочетание возросшей экономической и политической силы монополий с расширением экономических функций государства и усложнением его связей с монополистическими группами.

Опыт Японии показывает, что в современных условиях ни одна страна не в силах поддерживать высокий технический уровень своей экономики только за счет собственных материальных и людских ресурсов. Необходимы международная специализация и кооперирование в области научных исследований, опытно-конструкторских разработок.

¹ «Правда», 19 апреля 1973 г.

Ход послевоенного экономического развития в полной мере свидетельствует о действии открытого В. И. Лениным закона неравномерности экономического развития капитализма, об обострении империалистических противоречий. За последние 10—15 лет в мировой капиталистической экономике произошли серьезные структурные изменения, наступило новое «разделение сил» в капиталистическом мире. В начале послевоенного периода экономика США, которой не было нанесено ущерба, играла доминирующую роль в мировом производстве, являлась основным экспортером капитала и основным кредитором, концентрировала 50% мировых запасов золота.

В дальнейшем, по мере того как страны Западной Европы и Япония стали наращивать свою экономическую мощь, США стали все чаще сталкиваться с конкуренцией этих стран. В настоящее время, хотя США и остаются наиболее сильной в экономическом отношении страной, разрыв между США и другими развитыми капиталистическими странами заметно сокращается. В 1950 г. американский валовой национальный продукт составлял 39,3% мирового, в 1960 г. — 33,9, а в 1970 г. — 30,2%¹.

По темпам роста валового национального продукта почти все ведущие капиталистические страны, кроме Англии, обогнали США. Относительный разрыв между США и такими странами, как Япония, Италия и ФРГ, все сокращается, несмотря на значительный рост собственного объема американского экспорта. Индекс промышленного производства США в 1970 г. возрос на 161% по сравнению с 1960 г., тогда как в ФРГ — на 176%, Италии — на 200, Японии — на 370%. Возникают серьезные трудности и во внешней торговле США. Западноевропейские и японские поставщики заметно потеснили американских экспортеров, особенно на рынках готовых промышленных изделий.

За период с 1950 по 1970 г. доля США в мировом экспорте снизилась с 16 до 14%. На первый взгляд сокращение не кажется столь существенным, но если сопоставить эти данные с ростом удельного веса других стран, и в первую очередь стран ЕЭС и Японии, то ста-

¹ "The United States in the Changing World Economy". Washington, 1971, Vol. 2, p. 2—7.

нет очевидной постепенная утрата Соединенными Штатами Америки своей экспортной гегемонии. С 1960 по 1970 г. американский экспорт промышленной продукции возрос на 110%, а основные конкуренты США расширили свой экспорт гораздо интенсивнее. Его рост составил у ФРГ 200%, Канады — 285, Италии — 310, Японии — 400%. Сильное беспокойство доставляет США быстрый рост импорта страны, темп которого в 60-х годах составлял 10%, тогда как экспорт 8%¹. Рост импорта оказывает пагубное воздействие на платежный баланс страны, вызывая хронический дефицит, и это делает решение внешнеторговых проблем предметом первостепенной важности. Энергетический и валютный кризис, рост цен на топливо, сырье, продовольствие создают в настоящее время для большинства экономически развитых капиталистических стран трудноразрешимые проблемы, одной из которых является отсутствие сбалансированности торговых и платежных балансов.

Более быстрый рост цен на сырье, чем на готовые изделия, может привести к дальнейшему ухудшению состояния торговых и платежных балансов ряда капиталистических стран, и прежде всего тех, в импорте которых сырье играет ведущую роль. В свою очередь меры, принятые этими странами, могут привести к новым потрясениям в валютной сфере.

Рост цен на сырье приведет к определенным структурным сдвигам в экономике промышленно развитых капиталистических стран и потребует приспособления к новым условиям в течение длительного времени, что будет связано с серьезными трудностями. Торговая политика этих стран, несмотря на высокие темпы роста капиталистической торговли, нехватку отдельных товаров и проведение некоторыми странами мероприятий по расширению импорта для борьбы с инфляцией, отражает нарастание конкурентной борьбы и усиление межимпериалистического соперничества на мировом рынке, особенно между США, ЕЭС и Японией. Усиливаются противоречия между капиталистическими странами и обостряется их борьба за рынки сбыта, за источники сырья, за сферы приложения капитала.

¹ "The United States in the Changing World Economy". Washington, 1971, Vol. 2, p. 7, 11.

2. МЕТОДЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И ПРОГРАММИРОВАНИЯ

Проблема определения места страны в международном разделении труда, анализ объема и характера ее внешнеэкономических связей на перспективу требуют учета многих факторов и представляют большую сложность. Однако тесная зависимость между экономическими решениями сегодняшнего дня и предстоящим экономическим развитием диктует необходимость настоятельной разработки этой проблемы.

Перспективная оценка международного разделения труда предполагает выяснение вопроса о том, какие преимущества будет иметь страна через внешнеэкономические связи, как изменится состав внешнего товарооборота с учетом того, что появляются все новые продукты, спрос на которые растет, тогда как на другие может снижаться или вовсе прекратиться; какие отрасли хозяйства будут иметь более высокий экспортный коэффициент; как экспортные и импортные оценки будут согласованы, с одной стороны, с развитием структуры отечественного производства и потребления, с другой — с системой международной торговли и т. д.

По линии ООН ведется работа по обобщению опыта и оценке методов прогнозирования международной торговли. В 1967 г. на заседаниях групп экспертов в соответствии с решением Европейской экономической комиссии ООН рассматривались методы, используемые для программирования и прогнозирования развития одной страны с учетом предвидимых изменений в международной экономической внешней сфере и прогнозирования взаимосвязанных потоков торговли для некоторой группы стран.

Средства экономической политики, которые могут быть использованы государствами, чтобы повлиять на объем экспорта-импорта, могут колебаться от монополии на внешнюю торговлю до различных прямых или косвенных мер, поощряющих экспорт, включая введение квот и использование тарифов. Цели и инструменты государственной экономической политики, безусловно, принимаются во внимание при программировании внешней торговли. Но в программировании отражаются и другие взаимосвязи, которые классифицируются в следующие категории: 1) структурные взаимосвязи, отра-

жающие взаимосвязь между объемом потоков внешней торговли и уровнем таких «значительных переменных», как валовой национальный продукт или векторы конечного спроса; 2) воздействие краткосрочных рыночных тенденций и тенденций международной торговли, поскольку объем экспорта и импорта страны зависит, с одной стороны, от преобладающей экономической ситуации в стране, а с другой стороны, от рыночных колебаний в международной торговле, перемещающихся от страны к стране; 3) воздействие цен, включение которого в проектировки экспорта-импорта сопряжено с трудностями методологического и практического порядка.

Совещание экспертов ООН (1970 г.) было посвящено обобщению работ, выполненных с 1967 по 1970 г. в шести странах Европы тремя международными органами. Были рассмотрены три типа моделей: модели гравитации, модели, исходящие из долей в импорте, и модели, использующие таблицы межотраслевого промышленного обмена. В ходе дискуссии, состоявшейся по гравитационным моделям, было указано, что одна из наиболее интересных характеристик гравитационных моделей заключается в том, что в них прямо учитывается влияние предложения экспортирующих стран на структуру мировой торговли, так же как и влияние спроса импортирующих стран. Было признано, что при помощи испытанных до сих пор гравитационных моделей еще не представляется возможным производить точные прогнозы. Однако, по мнению многих участников, достигнутые результаты дают основание полагать о целесообразности продолжения исследований, направленных на улучшение этих моделей. К числу возможных улучшений намечены следующие вопросы:

а) достаточно дробное расчленение по группам продуктов; в частности, можно проводить различие с точки зрения импортирующих стран между взаимно дополняющими и конкурирующими продуктами;

б) более подробное исследование факторов, объясняющих интенсивность двусторонних торговых связей между странами;

в) проблема включения в независимые переменные экспортных цен и условий торговли; было признано, что, хотя цены, несомненно, являются важными переменными для краткосрочных и долгосрочных прогнозов, включение их в гравитационные модели затруднительно;

г) методы оценки параметров; ограниченное число временных наблюдений и неустойчивость некоторых параметров во времени затрудняют установление параметров на основе анализа временных рядов и приводят к необходимости использования перекрестного анализа.

Большое значение придается моделям, использующим таблицы межотраслевых связей. При помощи всех этих моделей делается попытка установления определенной связи между переменными, определяющими внутреннее развитие экономики различных стран, и переменными, фигурирующими на международном уровне, в частности такой переменной, как международная торговля. Развитие этих переменных зависит одновременно от положения в ряде стран. В результате развития науки и техники эти переменные международного характера играют все более важную роль, причем в такой степени, что (это особенно характерно для малых стран) уже в значительной мере определяют экономический рост страны. Таким образом, все острее ощущается необходимость в сложных моделях, позволяющих описать взаимосвязь этих двух видов переменных. В результате обширной сферы применения этих моделей они неизбежно принимают большие размеры. Для их практического использования необходимо решить проблему комплексных расчетов (разбивка на подмодели, определение алгоритмов, сведение воедино процессов итерации и т. д.); трудоемким может оказаться также расчет параметров, позволяющих вывести уравнение для этих целей.

Несмотря на значительные успехи, достигнутые за последние годы в обработке крупномасштабных моделей на вычислительных машинах, существует необходимость точнее определить области, для которых предназначаются эти модели, а также выяснить, какие модели могут использоваться для обоснования краткосрочной экономической политики и какие модели — для изучения среднесрочных и долгосрочных целей развития. «Наконец, в зависимости от возможности анализировать и прогнозировать такие факторы, как развитие научно-технического прогресса, развитие интеграционных процессов в мировой экономике, стремление к повышению эффективности внешнеторгового товарообмена и проведение соответствующей этим факторам торговой политики каждой страны, было бы весьма полезно прогнозировать при помощи матриц дельта-коэффициентов соответ-

ствующие варианты структуры международной торговли на более длительный период»¹.

В связи с вопросом о значении дельта-коэффициентов рассматривается ряд технических проблем: построение трехмерных матриц (импортирующая страна, экспортирующая страна, группы товаров); определение допустимых интервалов дельта-проекций и разработка корректных методов оценки; попытка заполнения главных диагоналей дельта-матриц с целью построения матрицы структурных коэффициентов, опирающихся на матрицу торговых потоков.

В процессе исследований сопоставимости в международном плане прогнозов сетей международных торговых потоков были проведены эксперименты с дельта-коэффициентами, составлены прогнозы дельта-коэффициентов на основе экстраполяции тенденций, наблюдавшихся в течение 1957—1967 гг., получены матрицы дельта-коэффициентов, экстраполированных на конечные годы периода, охваченного прогнозами, т. е. на 1975 и 1980 гг.

Среди факторов, влияющих на структуру мировой торговли, некоторые с течением времени приобретают все большее значение, а другие утрачивают свою силу. Анализ их эволюции в прошлом недостаточен, поскольку он мог бы недооценить факторы, которым предстоит стать решающими в будущем, особенно если их рассматривать в долгосрочном плане. Так, прогрессивное уменьшение транспортных расходов имеет, несомненно, тенденцию сократить влияние расстояния на структуру мировой торговли. Торговая политика, проводимая различными странами, может оказать заметное влияние на структуру мировой торговли. Тогда такие факторы, как географическая близость, исторические и культурные связи, привычки и т. д., вряд ли претерпевают очень быстрые изменения, и их влияние на структуру торговли между отдельными странами может лишь способствовать стабилизации этой структуры во времени. В среднесрочном и долгосрочном прогнозировании внешнеэкономических связей необходимо обеспечить такое положение, при котором экспортные и импортные оценки были бы согласованы как с развитием структуры отечественного производства и потребления, так и с системой

¹ ООН.ЕЭК. «Методы прогнозирования международной торговли для группы стран». Женева, 1972, том. I, стр. XII.

международной торговли. Необходимо при этом учитывать роль цен, качества, спроса и предложения, кредитных условий и изменений на мировом рынке, что нередко прежде игнорировалось и мешало выявлению преимуществ, связанных с международным разделением труда.

Успехи Японии в конкурентной борьбе на мировом рынке привлекают внимание к ее опыту в программировании и прогнозировании экономики, где проблема внешнеэкономических связей является одной из важнейших. Большое развитие в Японии получило экономикоматематическое моделирование различных вариантов программ, используемых в практике государственно-монополистического воздействия на экономику при помощи инвестиций, налоговой и кредитно-денежной политики. Особое внимание уделяется стимулированию отраслей, определяющих стратегические цели каждого плана, и прежде всего стимулированию тех отраслей, которые обеспечивают экспансию Японии на внешних рынках.

Уже в первой официально принятой в 1955 г. экономической программе развития Японии намечавшийся импорт был оценен по отношению к валовому национальному продукту, а объем экспорта был определен на базе темпов роста мировой торговли и эластичности японского экспорта по отношению к ней. Однако вскоре после подготовки программы развития на 1956—1960 гг. темпы роста валового национального продукта и экспорта были почти удвоены по сравнению с намеченными и данная программа была заменена другой.

В «Десятилетнем плане» впервые анализировались потенциальные возможности экономического роста до 1980 г. по пятилетиям и внешняя торговля рассматривалась наряду с другими факторами. Одной из целей долгосрочного «Десятилетнего плана удвоения» национальной торговли являлось поощрение экспортной торговли и усиление экономических связей с другими странами. Данная программа предполагала, что для баланса с возрастающим импортом экспорт должен возрастать в среднем на 10% в год. Имелось в виду, что ежегодный темп роста мировой торговли составит 4,5%, эластичность японской торговли — 2,2%.

Большое внимание уделялось проблеме внешнеэкономических связей в «Среднесрочном плане», где цели развития экономики на 1964—1968 гг. формулировались следующим образом:

— поддерживать высокий темп роста экономики, считая ограничивающими условиями роста сбалансированность внешнего платежного баланса и сведение к минимуму роста розничных цен;

— обеспечить повышение конкурентоспособности японских товаров и рост объема внешней торговли в условиях нарастающей острой конкуренции на мировых рынках и либерализации внешней торговли;

— ускорить развитие отстающих отраслей экономики, усилить развитие инфраструктуры. Таким образом, проблема внешнеэкономических связей являлась одной из ключевых проблем программирования Японии в конце 60-х годов. Функция экспорта одной из моделей «Среднесрочного плана» представлена следующим образом:¹

$$\begin{array}{lll} \log_e E = -7,8799 + 1,3411 & \log_e T_w = 0,42821 & \log_e \frac{V^2}{L_2} + \\ (0,25591) & (0,22670) & \\ +0,42724 & +0,92944 \bar{Z}_2 & R^2 = 0,974 \\ (0,083615) & (0,15900) & \bar{S} = 0,096 \end{array}$$

Полученные результаты говорят о том, что эластичность экспорта по отношению к мировой торговле и к производительности труда составила 1,3 и 0,4 соответственно.

Импорт товаров и услуг делится в этой модели на импорт продовольствия и весь прочий импорт. Импорт продовольствия определяется как разность между общим потреблением продовольствия и производством первичного сектора. Функция импорта описывает весь прочий импорт. Фиктивная переменная используется для того, чтобы показать структурные изменения в прочем импорте. Уравнение отражает тот факт, что предельная склонность к импорту по отношению к индексу объема производства в перерабатывающих отраслях равна 20,7 в довоенный период и 16,5 в послевоенный.

В уравнениях среднесрочной макро модели экспорт делится на две части: экспорт товаров и экспорт услуг. Вторая часть рассматривается как экзогенная. Экспорт товаров объясняется уровнем мировой торговли в реальном выражении (эффект дохода) и изменением в относительных ценах (эффект цен). Изменения в экспорте

¹ "Economic Bulletin for Asia and the Far East", September 1965.

товаров, определенные на основе рассчитанных параметров, зависят главным образом от уровня мировой торговли. Однако нельзя игнорировать влияние цен. Особенно следует отметить, что рассчитанная эластичность относительно цен превышает единицу. Это означает, что именно снижение цен на экспорт приведет к возрастанию уровня экспорта и таким образом благоприятно повлияет на платежный баланс.

Импорт оценивается двояким способом: как импорт промышленного сырья и топлива, который почти является конкурирующим, и как прочий импорт.

Математическому моделированию мирохозяйственных связей уделяется немало внимания и во Франции, США, Швеции, Бельгии, Голландии и других странах. Особого внимания заслуживает модель межотраслевых обменов, подготовленная группой перспективных экономических исследований Франции, где внешняя торговля увязана с внутренними факторами — национальным производством, потреблением, инвестированием, а также ценами. Мировая торговля в этой модели в географическом плане содержит 18 зон, которые группируются в развитые капиталистические страны, развивающиеся и социалистические страны, в отраслевом — 13. Все переменные выражены в базисных ценах (в долларах). В соответствии с принятой географической и отраслевой структурой были составлены таблицы межотраслевых потоков для отдельных стран или районов за 1964 г.

Конечно, в этой модели, как и других подобных, находят отражение определенные реальные процессы и взаимозависимости, но при обосновании количественных показателей буржуазная методология предполагает анализ внешних функциональных зависимостей, не вскрывает глубоких причинно-следственных связей, классовой сущности экономических процессов. Не случайно в практике программирования и Японии и Франции наблюдаются большие расхождения программных и фактических оценок экономических показателей, в том числе и по внешней торговле. Попытки разработки и применения матрицы «затраты — выпуск» для анализа и прогноза международных экономических отношений предпринимаются в последние годы организациями «Общего рынка» и отдельными странами. При этом речь идет об усилиях связать анализ и отражение в моделях потоков международной торговли промышленными товарами с

тенденциями в области технического прогресса, учитывая «эффект исследований» (имеется в виду процентное отношение расходов в отрасли к общему объему продаж, выделению наиболее «наукоемких» отраслей и т. д.). «Неотехнологические теории предполагают, — говорил профессор Массачусетского института технологии Киндельбергер на конференции, посвященной технологическому фактору в мировой торговле, — что технология постоянно изменяется и что эти изменения влияют на сдвиги в торговле. Нововведения ведут к экспорту, распространению технологии и изменению модели мировой торговли, основанной на факторных пропорциях, которые могут также изменяться»¹. Попытки западных экономистов учесть в моделях тенденции мировой торговли в условиях интенсивного технического прогресса не могут быть успешными на базе буржуазных концепций сравнительных преимуществ и теории факторов производства.

Особое место в теории и практике государственно-монополистического регулирования внешнеэкономических связей занимают интеграционные процессы. Углубление общего кризиса капитализма, тенденции к интернационализации производства усиливают экономическую взаимозависимость развитых капиталистических стран при углубляющихся вместе с тем противоречиях и обуславливают попытки наднационального регулирования и программирования. Примером может служить Европейское экономическое сообщество, или «Общий рынок», созданный в 1957 г. с целью обеспечить господствующее положение на мировом рынке, противостоять конкуренции других группировок или отдельных империалистических государств.

События последнего времени, связанные с расширением ЕЭС, вызвали усиление межевропейских противоречий и обострение антимонополистической борьбы, в том числе в странах — новых членах «Общего рынка».

Среди новых противоречий «малой Европы» следует отметить следующие: 1) серьезные трудности, с которыми сталкивается сельскохозяйственная политика ЕЭС, ухудшение положения тружеников деревни; 2) трудности процесса концентрации в некоторых отраслях (энергетика, транспорт, научные исследования), непосред-

¹ "The Technology Factor in International Trade". New York, 1970, p. 281.

ственно связанные с валютно-финансовой политикой, особенно с государственным финансированием. Усилия всех стран решить валютные проблемы и попытки организации крупной промышленности в масштабах ЕЭС до сих пор не принесли ощутимых результатов.

Тем не менее в рамках «Общего рынка» в конце 60-х годов были предприняты первые попытки осуществления программирования, в основе которого лежал опыт индикативного планирования Франции, который предполагалось использовать в ЕЭС. Некоторые наблюдатели предполагали, что программирование на уровне отраслей должно быть введено в странах «Общего рынка», с тем чтобы оказывать «прямое влияние на производство и инвестиционные» решения в частном секторе. Однако эти предположения не были реализованы.

В своей речи в мае 1962 г. вице-президент Комиссии по экономическим и финансовым делам ЕЭС Р. Мерджолин внес предложение о введении программирования на уровне «Общего рынка». Это предложение встретило оппозицию со стороны ФРГ. Л. Эрхард, будучи в то время канцлером, не только протестовал против отраслевого разреза программирования, но и рассматривал среднесрочные программы как бесполезные и даже вредные. Против отраслевого разреза программирования высказывали соображения и другие члены ЕЭС, мотивируя это тем, что оно препятствовало бы развитию внешней торговли, мешало бы увеличению «открытия национальной экономики». В итоге Комиссия предложила создать Комитет среднесрочной экономической политики, считая, во-первых, что «экономическая программа должна быть инструментом для координации экономической политики, а не для деятельности в сфере торговли и промышленности и, во-вторых, что результатом этой координации ни в коем случае не должно быть увеличение вмешательства государства в экономику»¹. Этот Комитет был создан в апреле 1964 г. Он так формулировал свою задачу: подготовить первоначальный проект среднесрочной экономической политики, который определил бы в общих чертах ее направления для действия государств — членов ЕЭС и обеспечил бы ее координацию. Комитет был обязан также рассматривать программу ежегодно и делать необходимые к ней

¹ "European Economic Review", October 1973, p. 222.

дополнения, анализировать выполнение намеченной программы членами ЕЭС, выясняя причины отклонения от нее, и оказывать помощь в ее реализации.

Первая среднесрочная программа экономической политики, базирующаяся на предложениях Комитета и Комиссии ЕЭС, была принята совещанием министров в апреле 1967 г. Прогнозы, предложенные в ней, были подготовлены на основе официальных национальных программ, кроме ФРГ, где прогнозы федерального министерства экономики были заменены данными группы экспертов. Показатели в этих прогнозах были высоко агрегированными, охватывали валовой продукт и главные его компоненты. Программа призывала к устойчивости цен, анализируя их движение. Однако в ней не содержалось общих рекомендаций о политике, которую должны проводить страны для реализации сформулированных целей. Вторая программа была сформулирована двумя годами позже; она охватывала как пересмотренные прогнозы первой программы, так и рекомендации в области структурной политики. В рекомендациях программы высказывались пожелания о необходимости приспособления предприятий к условиям «Общего рынка» и международной конкуренции, политике для главных секторов экономики (в частности сельского хозяйства, обрабатывающей промышленности и т. д.), развитии научно-исследовательских работ, финансировании инвестиций и «политике доходов». Что же касается программирования на уровне отраслей, то имеется мало оснований для такого подхода в рамках ЕЭС и в будущем, пишет американский экономист Б. Бэласса¹. Новые проектировки были подготовлены как часть третьей среднесрочной программы экономической политики на 1970—1975 гг. Однако и третья программа, как и предыдущие, не сыграла роли общей платформы для направления экономического развития стран «Общего рынка». Правительства стран Западной Европы не проявляли желаний основывать свою политику в соответствии с намеченными цифровыми наметками третьей программы. Монополистическая интеграция обнажает противоречия между империалистическими государствами-партнерами и ведет к наступлению на условия труда и уровень жизни трудящихся.

¹ "European Economic Review", October 1973, p. 226.

Попытки стран «Общего рынка» наладить совместную борьбу против инфляции не дали результатов. Под угрозой срыва оказалось принятие единой политики в области развития отсталых районов. Интеграционные процессы в условиях капиталистической экономики ведут к обострению капиталистических производственных отношений, к столкновению усилий по созданию наднациональной системы регулирования экономики и тенденций к сохранению и укреплению сложившихся национальных государственно-монополистических систем.

3. БУРЖУАЗНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

В теории и практике государственно-монополистического регулирования и программирования придается большое значение воздействию внешнеэкономических связей на экономический рост. «Общепризнанным стал тезис о том, что рассмотрение иностранного обмена и международной торговли должно быть ключевым элементом рационального планирования для большинства стран, — отмечалось на конференции, организованной университетами и Национальным бюро экономических исследований США. — Однако также общеизвестно, что имеется сравнительно немного в традиционной теории международной торговли, что может быть немедленно применено к программированию развития»¹.

Современные буржуазные теории внешней торговли имеют определенную связь с концепциями буржуазной классической экономики, представители которой в лице А. Смита и Д. Рикардо обосновали теорию сравнительных издержек. Согласно этой теории, существуют различия между странами в условиях производства и страна должна вывозить те товары, в производстве которых она обладает преимуществами, и не только абсолютными, но и относительными. «Оказывается, таким образом, — писал Д. Рикардо, — что страна, обладающая очень значительными преимуществами по части машин и мастерства и изготавливающая поэтому товары с по-

¹ "The Technology Factor in International Trade". New York, 1970, p. 27.

мощью гораздо меньшего количества труда, чем ее соседи, может ввозить в обмен на такие товары часть хлеба, требующегося для ее потребления, даже в том случае, если ее земля плодороднее и возделывание хлеба требует в ней меньше труда, чем в стране, откуда он ввозится»¹.

Концепция сравнительного преимущества нашла свое толкование в работах других английских экономистов: Р. Торренса и Д. Милля. И это вполне закономерно, поскольку английская буржуазия была заинтересована в свободе торговой политики, в завуалировании факта эксплуатации развитыми капиталистическими странами отсталых колониальных стран.

Характерно, что Торренс, Милль и Рикардо в своих исследованиях старались дать в основном количественную характеристику соотношений между такими факторами, как географическая среда, климатические условия, влияющими на международное разделение труда и производственную специализацию, не учитывая при этом политических условий экономических взаимоотношений между странами, национальных различий в стоимости рабочей силы².

Наряду с этим направлением в буржуазной экономической науке в вопросах внешней торговли и торговой политики получило развитие в XIX в. и другое направление — протекционизм, представленный в основном экономистами США, Германии и других стран. Однако современные буржуазные теории больше связаны с первым направлением, т. е. с идеей сравнительных издержек, которые рассматриваются теперь в зависимости не только от природных ресурсов, но и от других факторов производства — труда и капитала.

Первая попытка количественной оценки ресурсов была предпринята в теории выравнивания цен на факторы производства, сформулированной шведским экономистом Э. Хекшером в 1919 г. и развитой его соотечественником Б. Олином в 1935 г. Они исходили из международной мобильности одних лишь товаров и считали, что торговля между странами — это следствие различий

¹ Д. Рикардо. Соч., т. 1, М., 1955, стр. 118.

² См. Б. С. Фомин. Эконометрические теории и модели международных экономических отношений. М., 1970; И. С. Потанов. Внешняя торговля капиталистических стран. М., 1973.

в наделенности факторами и каждая торгующая страна стремится реализовать свои преимущества в производстве тех или иных товаров, специализируясь на их выпуске.

Если в стране имеется избыток рабочей силы, то данная страна будет производить и экспортировать трудоемкие товары с меньшими издержками, тогда как для стран, располагающих в большей мере другим ресурсом — капиталом, выгоднее специализироваться в производстве и экспорте капиталоемких товаров, импортируя трудоемкие. При условии свободного передвижения товаров на международном рынке, согласно этой концепции, изменения в товарных ценах приводят к сдвигам в оценке ресурсов и соответствующим изменениям в их соотношениях таким образом, что эффективность производства в обеих странах будто бы должна повыситься. Сторонники данной концепции исходили из международной мобильности только товаров, предполагая, что факторы производства закреплены в масштабах национальной экономики.

В последние годы в связи с новыми тенденциями в развитии мировых экономических отношений, интенсификацией мирохозяйственных связей внимание многих современных экономистов Запада стало привлекать направление, считающее основой процессов торгового обмена миграцию факторов производства — капитала и рабочей силы.

При этом предпринимаются попытки учесть всевозрастающее воздействие технического прогресса, его требования и последствия, определить пределы и лаги в технологических нововведениях различных стран, влияющие на трудоемкость и капиталоемкость, на уровень и структуру их торговли. Д. Хэфбауэр придает наибольшее значение коэффициенту капитал — труд, а В. Грубер и Р. Вернон — коэффициенту капитал — продукт, но все они подчеркивают относительное значение высококвалифицированного труда в условиях современного научно-технического прогресса при определении товарной структуры, складывающейся в мировой торговле, роль так называемых наукоемких отраслей. Современные буржуазные теоретики (Ч. Киндельбергер, И. Крэвис, В. Лентьев, Д. Хэфбауэр, Д. Чипмэн, Р. Вернон и др.) критикуют «классическую» теорию сравнительных преимуществ, пытаясь модифицировать и широко использовать

при этом эмпирические исследования на основе производственной функции. «Некоторые из этих исследований, — пишет Д. Чипмэн, — приводят к предположению, как и исследования экономического роста, что технология ответственна за активность экономических сил, хотя немного известно, как точно определить меру такой ответственности»¹. Сам Чипмэн развивает при этом концепцию, в которой связывает модели международной торговли с индуцированными технологическими изменениями.

Буржуазные экономисты — сторонники чистой теории международной торговли при построении своих многочисленных математических моделей касаются таких вопросов, как прибыль, полученная от международной торговли, товарная структура торговли, определение направлений в области торговли отдельных стран. Однако они исходят при этом из свободы торговли, не существующей в условиях современного капитализма, абстрагируясь от проблем ожесточенной конкурентной борьбы империалистических стран².

Проблема международного разделения труда, выбор отраслей, которые должна развивать та или иная страна исходя из затрат факторов производства, доступных ей по принципу Хекшера — Олина, явились предметом исследования и разработки специальных подходов Я. Тинбергеном и Б. Германом³. Авторы предлагают три категории для выбора отраслей в каждой стране. В варианте «А» решающим фактором при выборе той или иной «мобильной» отрасли (на долю таких отраслей приходится $\frac{5}{6}$ объема обрабатывающей промышленности) будет считаться нехватка в стране «человеческого капитала». В каждом случае, следовательно, страна должна при определении политики индустриального развития и внешнеэкономической стратегии выбирать отрасли, требующие возможно меньшего объема капитала данного вида. Авторы расположили страны мира в порядке повышения капиталовооруженности их «мобильных» секторов в расчете на одного малоквалифицирован-

¹ "The Technology Factor in International Trade", p. 96.

² См. подробнее В. В. Мотылев. Теории мировой капиталистической экономики. М., 1971.

³ В. Herman, J. Tinbergen. Planning of International Development. In Progress and Planning in Industry. 1972.

ного рабочего в этих отраслях. При этом, поскольку была обнаружена высокая степень корреляции между наличием «человеческого капитала» и капитала в физическом выражении, за критерий был взят общий капитал. Затем страны были объединены в девять групп так, чтобы в каждую группу вошли страны с примерно одинаковой капиталовооруженностью. Конечно, статистическая информация, как отмечают и авторы, весьма ограничена для того, чтобы реализовать такой подход к данной проблеме, и поэтому они вынуждены были сделать многочисленные допущения.

В то время как исходным пунктом теории сравнительных издержек Рикардо была теория трудовой стоимости, современные буржуазные экономисты выступают как ярые противники последней. Американский экономист Хаберлер, считая, что центральное место среди теорий внешней торговли занимает теория сравнительных издержек, объединяет ее с теорией общего равновесия. Теория сравнительных издержек рассматривается современными теоретиками в тесной связи с вульгарной теорией факторов производства, направленной на защиту классовых интересов буржуазии. Буржуазные экономисты не вскрывают существующих противоречий в области внешней торговли между промышленно развитыми капиталистическими и развивающимися странами, стремятся завуалировать специфику международного капиталистического разделения труда, закрывая глаза на то, что инвесторы выкачивают из капиталопортирующих стран значительную массу накоплений, что они повинны в глубокой экономической отсталости многих стран и крайне тяжелом положении миллионов людей, что интересы монополистов, экспортирующих капитал в экономически слаборазвитые страны, направлены на удерживание новых государств на положении «мировой деревни».

Большое внимание буржуазных экономистов привлекает проблема многонациональных корпораций (МНК), появление и развитие которых привело к возникновению новых проблем. Американский экономист Р. Хелбронер приводит данные, согласно которым объем мирового производства продукции многонациональных компаний составляет «около четверти объема производимой в мире продукции; если темпы экономической экспансии МНК не изменятся, то к 2000 г. они будут производить половину или более мирового производства промышлен-

ной продукции»¹. Что касается определения МНК и критериев их многонациональности, то в трактовке их буржуазными экономистами единства нет. Представители Гарвардской школы бизнеса относят к МНК компании, имеющие филиалы и отделения в шести и более странах (в США насчитывается 187 таких компаний). Другие американские экономисты, Д. Остерберг, Ф. Аджами, Д. Рольф, исходят из того, что МНК — это компании, иностранные филиалы которых обеспечивают не менее 25% производства, объема продаж, капиталовложений и рабочей силы. Корпорации обладают многими атрибутами государственности; они имеют в своем распоряжении огромные ресурсы (подчас значительно большие, чем государство), значительное число занятых, собственные сферы влияния в результате раздела рынков, они даже вовлечены в дипломатическую деятельность и шпионаж. Нередко возникают конфликты между государством и МНК. Сторонник буржуазной теории глобальной интеграции, выступающий за создание всемирной многонациональной компании, американский экономист Браун пишет, что если в последние годы главной задачей мировой экономической интеграции было обеспечение свободного перемещения товаров, то в настоящее время такой задачей является обеспечение свободного перемещения капитала и рабочей силы.

Рост многонациональных компаний, в основе которого лежит процесс интернационализации монополистического капитала, является одной из характерных черт современного развития империализма. МНК проникают в обрабатывающую промышленность, и прежде всего в такие передовые отрасли ее, как электроника, химия, информатика, атомная энергия. Главная цель деятельности МНК — получение высоких прибылей и ускорение накопления монополистического капитала. Объективную тенденцию к интернационализации производства, отвечающую потребностям развития производительных сил в условиях научно-технической революции, монополии используют в целях получения монопольных прибылей, деформируя развитие производительных сил, которое может быть успешным без МНК благодаря развитию международного сотрудничества между странами.

¹ R. Heilbroner. The multinational corporation and the nation-state. — «New York Review of Books», 1971, February 11.

Идеологи монополистического капитала, пытаясь оправдать деятельность МНК, стремятся представить ее как «благотворительную», так как она якобы ведет к увеличению инвестиций и занятости, способствует распространению достижений технического прогресса и т. д. В действительности же деятельность МНК приводит к углублению неравномерности развития и обострению межимпериалистической конкуренции, к усилению эксплуатации трудящихся разных стран.

Анализируя деятельность американских МНК в странах «третьего мира», известный американский экономист, специалист по проблемам международных экономических отношений Р. Вернон вынужден признать, что эта деятельность отрицательно сказывается на состоянии платежных балансов развивающихся стран. Так, в 1960—1968 гг. ежегодная сумма инвестиций американского капитала в развивающихся странах составила около 1 млрд. долл., тогда как сумма ежегодной прибыли, выкачиваемой из этих стран, превысила 2,5 млрд. долл.¹

Некоторые буржуазные экономисты пытаются представить многонациональные, или транснациональные, компании как компании, которые осуществляют межимпериалистическое сотрудничество без столкновений и противоречий и в руководящие органы которых входят представители разных стран. Однако подобные компании реально не существуют и не могут существовать. В каждой компании идет острейшая борьба за господство, а МНК ведут к углублению и распространению кризисов, усилению несбалансированности и неравномерности экономического развития, экономическим и социальным потрясениям. Решение проблем, так или иначе связанных с деятельностью МНК, возможно только в условиях ликвидации власти монополий. Дальнейшее развертывание совместных действий трудящихся всех капиталистических стран перед лицом усиления монополистического капитала в лице МНК становится настоящей необходимостью.

Возрастающее внимание буржуазной экономической теории и практики к регулированию внешнеэкономических проблем объясняется тем, что реализация таких целей государственно-монополистического регулирования,

¹ См. «Общественные науки за рубежом», серия «Экономика», 1973, № 4, стр. 197.

как попытки устранения экономических кризисов, обеспечение полной занятости и равновесие платежного баланса, ставится в зависимость от тенденций в области внешнеэкономических связей. В настоящее время экономическое развитие капиталистических стран характеризуется неустойчивостью в связи с энергетическим кризисом, ростом цен на сырье, обострением всей совокупности капиталистических противоречий. В этих условиях буржуазные государства принимают все усилия в области регулирования внешнеэкономических связей, чтобы обеспечить в решающих экспортных отраслях субсидии и льготы монополиям, способствовать повышению конкурентоспособности. Однако действительность свидетельствует о том, что государственно-монополистическое регулирование не в состоянии обеспечить устойчивое развитие капиталистической системы, устранить кризисы и изменить циклический характер ее развития.

Проблема государственно-монополистического регулирования капиталистической экономики является одной из стержневых проблем экономической мысли Запада, поскольку правящие круги капиталистических стран стремятся использовать регулирование как средство стимулирования экономического роста в условиях современной научно-технической революции, как способ сдерживания накала классовой борьбы, как орудие упрочения позиций капитализма в современном мире, для которого характерно коренное изменение соотношения сил в пользу социализма.

Идеологи капитализма находят в фактах усиления вмешательства современного капиталистического государства в процесс производства и потребления аргументы в пользу надклассовой сущности капиталистического государства. В действительности же это лишь явления, обусловленные развитием государственно-монополистического капитализма, в котором противоречия между трудом и капиталом не только не сгладились, но еще больше обострились, углублением общего кризиса капитализма.

Современные рычаги и формы воздействия государства на экономику не могут избавить капитализм от присущих ему экономических кризисов, безработицы, хронической недогрузки предприятий. Хотя механизм современного капиталистического регулирования экономики дает возможность в некоторой степени влиять на ход циклических колебаний, стимулировать развитие технического прогресса, осуществлять в определенных, весьма ограниченных масштабах перспективную ориентацию развития экономики.

В условиях современного научно-технического прогресса, стимулирующего интенсификацию производства, капиталистическое государство пытается использовать аппарат регулирования и программирования с целью смягчения углубляющихся диспропорций в экономике и укрепления ее слабых секторов, ускорения процессов обновления и модернизации основного капитала, стимулирования темпов экономического роста, обеспечения конкурентоспособности на внешних рынках.

Эволюция взглядов буржуазных экономистов по вопросу регулирования и программирования свидетельствует о кризисе их традиционных политэкономических концепций, например концепции о рынке как единственном эффективном регуляторе производства, вечности этого регулятора. Повышение экономической роли государства не привело к перерождению капитализма, ибо остались незаблемуемыми его основные черты: отношения собственности, классовый антагонизм, эксплуатация, кризисы, безработица. Развитие производительных сил привело к тому, что новые условия производства замкнуты в рамках старых общественных отношений. Это еще более углубило и обострило основное противоречие капитализма.

Углубление экономических и социальных противоречий капитализма находит одно из своих проявлений в кризисе современной политической экономии, занятой поисками новых концепций регулирования и пересмотром старых теорий.

В свое время на смену традиционным постулатам вульгарной буржуазной политической экономии, где превалировала неоклассическая школа, пришло кейнсианство, связанное с теоретическим обоснованием необходимости государственно-монополистического регулирования. Кейнсианство способствовало появлению различных форм государственно-монополистического регулирования, но не могло обеспечить стабилизации капитализма, решить неразрешимые в рамках капитализма социально-экономические проблемы, предотвратить дальнейшее углубление его общего кризиса. Кейнсианство подверглось критике со стороны неокейнсианцев и неоклассиков. Между этими направлениями в свою очередь проявлялись расхождения и по теоретическим проблемам, и в вопросах регулирования границ, форм и методов государственного вмешательства в экономику. Однако по мере

усиления экономической, социальной и политической неустойчивости капиталистических стран, в условиях усилившейся борьбы трудящихся за свои права, за преобразование социально-экономической структуры общества происходит консолидация различных направлений буржуазных экономистов в области государственно-монополистического регулирования, озабоченных поисками мер укрепления капитализма. «Неоклассический синтез» предполагал более гибкое сочетание в государственном монополистическом регулировании кейнсианских бюджетных рычагов с неоклассическими методами кредитно-денежного воздействия на экономику.

Однако и «неоклассический синтез» не обеспечил таких мер регулирования, которые предотвратили бы рост инфляции и безработицы, способствовали бы ликвидации трущоб и решению «проблемы бедности», улучшению системы здравоохранения, образования и предотвращению дальнейшего загрязнения окружающей среды.

Представители буржуазной политической экономии вынуждены признать ее кризисное состояние. «Второй кризис в теории уже далеко продвинулся вперед», — пишет известный английский экономист Дж. Робинсон, связывая первый кризис в теории с кризисом 30-х годов и считая, что «кейнсианскую революцию нельзя рассматривать как большой интеллектуальный триумф»¹.

Дж. Робинсон считает, что кейнсианство повлияло на экономическую политику капиталистических стран в послевоенный период, когда правительства этих стран заявили об ответственности за сохранение высокого и «стабильного уровня занятости». «Может быть, — пишет Дж. Робинсон, — ее принятие было главным образом связано с тем, что безработица не имела места в плановой экономике». Однако политика роста, которая проводилась в капиталистических странах в послевоенный период и была призвана для решения всех проблем, отмечает Дж. Робинсон, не решила «проблему бедности», проблему распределения. «Не только субъективно бедность никогда не преодолевается ростом, но она абсолютно увеличивается им, — признает Дж. Робинсон. — Рост требует технического прогресса, и технический прогресс меняет структуру рабочей силы, дает больше мест

¹ "The American Economic Review", May 1972, p. 8.

для квалифицированной рабочей силы и меньше для неквалифицированной рабочей силы, но возможности овладеть квалификацией существуют для тех семей, которые ее уже имеют». И далее Дж. Робинсон пишет: «В то время как рост поднимается на вершину, все больше и больше семей опускаются на дно. Абсолютно нищета растет в то же время, когда увеличивается богатство. Старый лозунг «бедность среди изобилия» приобретает новый смысл»¹.

Дж. Гэлбрейт также связывает кризис в современной экономической мысли Запада с обострением экономических и социальных проблем в капиталистических странах. В своем вступительном заявлении на ежегодном заседании американской экономической ассоциации Дж. Гэлбрейт говорил: «Экономика прошла через несколько стадий после второй мировой войны. Был период, когда казалось, что экономика функционирует хорошо, и мы горячо поздравляли себя. Одобрительные оценки продолжались даже после того, как в экономике начали наблюдаться колебания. В последние несколько лет настроение изменилось. Много критических замечаний звучит в адрес системы. Экономистам предъявляется обвинение в их неумении противостоять глубоким трещинам в экономической и социальной структуре и их склонности к теоретической структуре, которые иногда маскируют эти трещины»².

Несостоятельность рекомендаций буржуазной политической экономии по регулированию процессов капиталистического воспроизводства нашла одно из серьезных проявлений в растущей инфляции, потрясающей капиталистический мир. «60-е годы кончаются, и 70-е начинаются обескураживающим экономическим явлением. Инфляция возросла и достигла 6% в главных промышленных странах некоммунистического мира, тогда как рост реального продукта сократился»³, — пишут авторы монографии, посвященной анализу «политики доходов» в странах Западной Европы, Ульман и Флэнэген. Они признают, что «политика доходов», которая должна была внести вклад в решение трех основных

¹ "The American Economic Review", May 1972, p. 7.

² Ibid., p. vii.

³ "Wage Restraint: A Study of Incomes Policies in Western Europe". London, 1971, p. 218.

задач — стабильности внутренних цен, равновесия баланса платежей и высокие темпы роста, судя по опыту Англии, Голландии, Швеции, Дании, Франции, ФРГ и Италии, оказалась не очень успешной.

Открывая в сентябре 1974 г. в Белом доме совещание с участием правительственных экономистов, руководителей профсоюзов и конгрессменов, посвященное экономическим проблемам США, президент Дж. Форд заявил, что инфляция является «самой критической национальной проблемой», представляющей «непосредственную угрозу для каждого американца», и признал, что особенно страдают от инфляции люди, живущие на низкие и средние доходы, пожилые американцы и молодежь.

В этот же период обсуждались «меры по стабилизации» западногерманской экономики в правительстве ФРГ, вызванные прогрессирующим спадом экономической конъюнктуры. В ФРГ растут цены и безработица, сокращается сбыт промышленной продукции, увеличивается число банкротств мелких и средних фирм. В тисках инфляции, экономических неурядиц находятся и другие капиталистические страны. Все это свидетельствует о неспособности буржуазной политэкономии дать господствующему классу надежный ориентир в области экономической политики, о неспособности государственно-монополистического регулирования обеспечить устойчивое развитие экономики, об обострении капиталистических противоречий. Буржуазная политэкономия пытается найти выход из своего кризисного состояния, приспособиться к изменившимся условиям в мире. Так, Самуэльсон в восьмом издании книги «Экономика», излагая свой подход к проблеме экономического роста, выступает сторонником реформы с целью сберечь и сохранить капитализм, сторонником перестройки экономической теории путем сочетания «неоклассического синтеза» с институционально-социальным направлением, которое в лице Дж. Гэлбрейта выдвигает на первый план внеырыночное регулирование экономики на базе длительных договорных отношений между государством, крупными корпорациями и профсоюзами.

В своей новой работе «Экономика и общественные цели» Дж. Гэлбрейт выступает с программой реформ, включающих введение новой шкалы прогрессивного подоходного налога и установление в государственном порядке гарантированного для всех трудоспособных годов-

вого дохода, уравнивание в оплате мужского и женского труда, мероприятия по борьбе с загрязнением окружающей среды, ассигнования государственных средств в общественных интересах, борьбе с инфляцией и т. д.¹

В числе реформ Гэлбрейт называет даже национализацию или «социализацию», но она не затрагивает интересов ведущих корпораций США, поскольку касается лишь небольшого числа специализированных военных фирм, а в основном речь идет о реорганизации и укрупнении мелких предприятий в тех сферах экономики (жилищное строительство, образование и здравоохранение), которые не волнуют крупные монополии.

Дж. Гэлбрейт в отличие от других буржуазных экономистов нередко обращается к реальным экономическим процессам и анализирует новейшие тенденции государственно-монополистического капитализма, но, когда речь идет об острых классовых вопросах, он остается на позициях реформизма, пытаясь изыскать нереализуемые в рамках капитализма возможности соединения принципа экономической эффективности со справедливостью в распределении доходов.

Работа Дж. Гэлбрейта «Экономика и общественные цели» направлена как против неоклассической, так и некейнсианской школ буржуазной политической экономии. Дж. Гэлбрейт одинаково подвергает критике как П. Самуэльсона — главу «неоклассического синтеза», так и некейнсианцев, к которым он сам принадлежал. Последняя книга Гэлбрейта свидетельствует о полном разрыве с «кейнсианством». По мнению Гэлбрейта, как неоклассическая, так и некейнсианская школы не дают полезного руководства в решении экономических проблем, которые теперь осаждают современное общество. Сам Гэлбрейт озабочен тем, чтобы выработать экономическую и социальную концепцию, направленную на стабилизацию капитализма в США.

Пессимистически оценивает возможности и перспективы современной буржуазной экономической теории английский экономист Дж. Уорвик, говоря об оторванности экономистов от жизни, об абстрактности их работ и т. д. «Рассмотрим теорию роста, принявшую форму разработки эконометрических моделей, — пишет Дж. Уор-

¹ J. K. Galbreith. Economics and the Public Purpose. Boston, 1973.

свик. — Несомненно, последние ставят увлекательные проблемы и требуют большого интеллектуального напряжения, но они очень мало помогают ответить на такие вопросы, как причины различий в темпах роста между странами и по отдельным периодам»¹.

Об углублении кризиса современной буржуазной политэкономии, о росте числа ученых на Западе, подвергающих сомнению ее традиционные принципы и рекомендации, о поисках более гибких теоретических решений свидетельствуют концепции отдельных буржуазных экономистов, в которых в отличие от реакционных буржуазных экономистов содержится критика капитализма, доказательства несправедливости сложившейся системы распределения национального дохода и др.

Реальная действительность капиталистического мира свидетельствует о банкротстве кейнсианской концепции «регулируемой инфляции». Решение социальных проблем и сбалансированного экономического развития не смогли обеспечить ни кейнсианская, ни неоклассическая концепции экономического роста. Широко рекламируемая «политика доходов» не обеспечила ни стабилизации цен, ни равновесия платежного баланса, ни «справедливого распределения доходов». Повышение налогов и растущая инфляция усиливают эксплуатацию, растут расходы на вооружение, расширяется неокOLONIALИСТСКАЯ экспансия и т. п.

Практика капиталистического программирования и регулирования, осуществляемая в интересах монополистического капитала, не могла предотвратить рост диспропорций в экономике капиталистических стран, в итоге которого на них обрушился новый кризис. Частная собственность на средства производства, экономическое и политическое господство монополий несовместимо с каким-либо другим движущим мотивом развития капиталистического общества, кроме прибыли. Экономическая система, основанная на стремлении к прибыли, не может разрешить основные социально-экономические проблемы общества.

¹ Цит. по: «Мировая экономика и международные отношения», 1972, № 2, стр. 103.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Государственно-монополистическое регулирование экономики	13
1. Буржуазные экономисты о роли государственного регулирования	—
2. Основные методы государственно-монополистического регулирования	31
Глава II. Экономическое программирование — новая форма регулирования	60
1. Сущность, формы и методы экономического программирования	—
2. Программирование в оценке буржуазных экономистов	84
Глава III. Буржуазные концепции инвестиционных процессов	96
1. Эволюция в трактовке инвестиционных процессов	—
2. Инвестиционные процессы и проблема их моделирования	111
Глава IV. Технический прогресс как фактор экономического роста в современных буржуазных теориях	128
1. Возросшая роль технического прогресса	—
2. Классификация технического прогресса в буржуазных теориях	135
3. Методы измерения и стимулирования технического прогресса	141
Глава V. Внешнеэкономические связи и проблема программирования	158
1. Экономический рост и внешнеэкономические связи	—
2. Методы прогнозирования и программирования	166
3. Буржуазные концепции внешнеэкономических связей	176
Заключение	184

Шпилько, Галина Антоновна

ТЕОРИИ И МЕТОДЫ
РЕГУЛИРОВАНИЯ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Редактор *Л. А. Козлова*

Младший редактор *И. Л. Дзыза*

Оформление серии художника *Г. Е. Валегова*

Художественный редактор *Е. А. Якубович*

Технический редактор *Т. Г. Сергеева*

Корректор *З. В. Одина*

Сдано в набор 2 января 1975 г.

Подписано в печать 5 мая 1975 г.

Формат 84×108¹/₃₂.

Бумага типографская № 2.

Условно-печатных листов 10,08.

Учетно-издательских листов 10,40.

Тираж 6500 экз. А 10091.

Заказ №15. Цена 89 коп.

Издательство «Мысль».

117071, Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Московская типография № 32

«Союзполиграфпрома» при Государственном

комитете Совета Министров СССР

по делам издательств, полиграфии

и книжной торговли.

Москва, К-51, Цветной бульвар, д. 26.

